

СТЭЙСИ КЕЙД

Пурозрак
и Гот

После «встречи» со школьным автобусом Алона Дэа из Королевы Выпускного Бала превращается в Королеву Мертвых. Теперь как дух (НЕ называйте ее призраком!) она застряла в мире живых, где нет и намека на яркий свет, который должен был бы ее забрать. Хуже того, единственный человек, который может ей помочь, Уилл Киллиан — полный неудачник и изгой, презирающий элиту. Только он может видеть и слышать ее (оказывается, он «благословлен» способностью общаться с мертвыми), но не хочет иметь ничего общего с избалованной девчонкой из своей школы. Алона никогда и ни в ком не нуждалась, а теперь должна раскрыть все свои самые сокровенные секреты этому псевдоготу? Уилла сводит с ума его дар или проклятье. Он ждет не дождется, когда закончит школу и сможет наконец сбежать из города в более уединенное место с меньшим количеством призраков. И ему уж точно не нужен еще один преследующий его призрак в лице надменной красавицы Алоны Дэа. Смогут ли они преодолеть взаимное недоверие и, объединив усилия, добиться желаемого? Редактор: MatH, Лина “Aileen” Оформитель: Ксения Левченко

Стэйси Кейд
Призрак и гот

Пролог

Алона

Улизнуть из школы было достаточно легко, я делала это не раз. Мне нужно было лишь подождать, когда миссис Хиггинс приведет всех на школьное поле, затем проскользнуть за трибуны и спуститься к другому проходу в сетчатом заборе.

А вот незаметно пробраться обратно... будет уже не так просто. Ладно, с этим разберусь позже, когда вернусь. Как и всегда.

Я дрожала под порывами прохладного утреннего ветерка. В семь утра первого мая на улице было не настолько тепло, чтобы разгуливать в дурацкой тонкой футболке и коротких шортах, которые нас заставляют надевать для занятий. На поле от ветра хотя бы защищают трибуны, а черные сидения сохраняют частичку тепла, оставшуюся с прошлого дня.

Сейчас мне помогало согреться лишь клокотавший внутри гнев. Как она могла снова так со мной поступить?! Она что, так ничего и не поняла? Да не будет для нее никакого сказочного конца! Не в этот раз. И мне надоели все эти глупые звонки от него с вопросами о ней и ее завуалированные вопросы о нем.

Я пошла быстрее, направляясь в сторону теннисных кортов. Бросив быстрый взгляд через плечо, и убедившись, что расстояние между мной и полем достаточно большое, я открыла мобильник, который прятала в зажатой руке во избежание ярости миссис Хиггинс, и нажала кнопку быстрого набора номера. Номера «один», конечно же.

Раздался гудок, и я представила, как в темной кухне на липком гранитном столе мигает телефон. Она не ответит, так как это расстроит ее планы, но узнает, что звоню я. Прижмет трубку к груди и посмотрит на номер, надеясь, что звонит он.

Надеюсь, меня кто-нибудь прикончит прежде, чем я столь отчаянно буду жаждать чьего-либо внимания. Seriously, это же жалко. И из-за этого рушатся жизни. Например, МОЯ жизнь. Теперь мало того, что я опять должна солгать миссис Хиггинс о причине ухода с урока (я не против этого в определенных обстоятельствах, если на то есть серьезная причина), так у меня еще и не получится встретиться перед занятиями с Крисом и Мисти — моим парнем и лучшей подругой, что повлечет за собой еще одну ложь. Они терпят друг друга только ради меня. И что еще хуже, сегодня праздник выпускников-спортсменов, а шкафчик Криса, в отличие от шкафчиков остальных старшекласников-спортсменов, останется не украшенным до обеда.

Не то чтобы ее это все заботило. Ей всегда было плевать на всех, кроме себя любимой.

К тому времени как сработал автоответчик, меня уже трясло от злости и я быстро шла мимо теннисных кортов к Хэндерсон-стрит, ожидая телефонного сигнала. Когда он прозвучал, я заорала в телефон так, чтобы она смогла услышать меня наверху, в своем гнездышке из смятых простыней и скомканных салфеток: — Я знаю, что ты слышишь меня, и не могу поверить, что ты заставляешь меня это повторять! Неужели у тебя не осталось ни капли гордости? Он позвонил мне, *мне*, а не тебе! Тебе картина еще не ясна? Бог мой, да приди уже в себя, наконец, и...

Меня обдало горячим воздухом. Ошарашено умолкнув, я обнаружила, что ступила с тротуара на дорогу, даже этого не заметив. В это мгновение я услышала рев гудка, почувствовала запах выхлопных газов и горящих шин, и увидела, как гладкий, ярко-оранжево-желтый нос школьного автобуса на скорости несется прямо на меня. Боже,

автобусы такие уродливые, когда ты видишь их крупным планом.

Глава 1

Алона

То, как я умерла, должно было бы стать самым худшим мгновением в моей жизни. Я это к тому, что: алё, меня переехал полный ботанов школьный автобус, в то время как на мне были лишь красные короткие шортики из полиэстера и практически прозрачная белая футболка! Разве может быть что-нибудь ужасней этого?

Так я думала. В четверг, через три дня ПС (для недогадливых — после смерти), я проснулась как обычно: лежа на спине, слева от желтой линии на Хэндерсон-стрит, ощущая на лице тепло от попыхивающего, проезжающего мимо автобуса.

Не «того самого» автобуса. Тот самый, что меня убил, наверное, еще находился в ремонте или был списан, или не знаю, что уж там еще делают с транспортными средствами с плохой энергетикой.

Я закашлялась и села, разгоняя рукой горячий шлейф от выхлопных газов. Знаю, знаю, это странно. Ни легких, ни тела, ни дыхания, но, слушайте, не я устанавливаю правила, я здесь просто живу... вроде как.

Я поднялась на ноги как раз вовремя для того, чтобы Ленд Ровер Бена Роджерса (его отец дилер этой фирмы... счастливчик!) проехал прямо сквозь меня. Я вздрогнула, но боли не почувствовала. Эти дни мне ничего не могло причинить боль, но я пока еще к этому не привыкла. Бен, конечно, ничего не заметил, продолжая болтать по прижатому к уху мобильному. Он не мог видеть меня. Никто не мог.

Если я кажусь довольно спокойной по поводу всей этой «я-мертвая» фигни, то только потому, что у меня было несколько дней, чтобы попривыкнуть. Первые двадцать четыре часа? Определенно не из моих любимых. Если кто-то попытается впарить вам избитое: «я понятия не имел, что умер, пока не обернулся и не увидел свой надгробный камень», знайте — это ложь.

Во-первых, изготовление надгробий занимает несколько месяцев. Особенно тех, что делают по спецзаказу из итальянского красного мрамора с плачущими ангелами наверху. Во-вторых, если вам ни о чем не скажет вид вашего изуродованного, обмякшего тела, то достаточно последовать за ним в больницу и посмотреть на то, как замученный и усталый врач из отделения экстренной медицинской помощи, заявляет, что «ты» мертв, несмотря на то, что в этот самый миг ты кричишь и умоляешь его услышать и увидеть тебя. А как вам тот момент, когда «ваш» папа заходит в холодную комнатку на цокольном этаже больницы и ему показывают «вас» на ужасном зернистом прикладном ТВ?

Я пыталась с ним поговорить. С папой, я имею в виду. Он не слышал меня. Что, впрочем, совершенно неудивительно. Расс Дэа слышит только то, что хочет услышать — во всяком случае, так он всегда говорит. Вот почему из него вышел отличный корпоративный представитель... или, по мнению некоторых людей, законченный мерзавец. Но тут он заплакал.

Мой папа, человек, учивший меня, что «отсутствие эмоций» — первое правило получения желаемого, стоял в одиночестве в крошечной, пахнущей антисептиком комнате с посеревшим под загаром лицом и блестящими в мерцании флуоресцентных ламп дорожками слез на щеках.

Вот тогда-то я и поняла. Еще до того, как он сдавленным шепотом, совершенно не

похожим на его обычный звонкий голос, произнес: «Это она». Я умерла. Может быть, не полностью — в конце концов, какая-то часть меня все еще находилась здесь и наблюдала за происходящим. Но на телевизионном экране совершенно точно было мое тело — покрытое белоснежной простыней, маленькое и хрупкое, каким никогда мне до этого не казалось, со спутанными вокруг лица волосами.

Это был сильный удар для папы. И когда работники больницы подсовывали ему бланки для подписи, он все спрашивал и спрашивал: «Кто-нибудь может ее причесать? Она не... она сама на себя не похожа. Ей будет неприятно».

Я глубоко вздохнула (да-да, смешно, я знаю) и покачала головой. Теперь ничего из этого не имело значения. Когда-нибудь — скоро, очень скоро — в отдалении вспыхнет яркий свет и заберет меня с собой. А потом я буду жить новой жизнью — или какой-то имитацией ее, — загорая на белом песке пляжа *безсолнцезащитного* крема, потягивая мохито и лелея мысль о том, что могу пройтись по бесконечному числу обувных магазинов, где все абсолютно бесплатно. Эй, это же рай, не так ли? Однако сначала мне бы хотелось увидеть все, что только можно. Ведь мы умираем лишь раз и второго шанса не будет.

Я беззвучно и чуть ли не вприпрыжку завернула за угол стоянки и вдруг осознала, что в первый раз в своей... ну, в общем, впервые не могу дождаться, когда же приду в школу.

Люди считают, что если ты популярен и хорош собой, то школа для тебя — место отдыха и развлечений. Это лишь показывает, какими глупыми они могут быть. Если ты королева школы три года подряд, капитан группы поддержки спортивной команды и первая помощница на выпускном балу, то должна выполнять соответствующие обязанности и оправдывать возложенные на тебя ожидания.

Малейшее отклонение — разговор не с тем человеком; свитер, точно такой же, как у ботана, надевшего его в редкий момент просветления и осознания модных тенденций; покупка гамбургера вместо салата — грозит безвестностью или чем похуже.

Пример тому — случившееся с Кимберли Шаэ. У Ким было все: богатые родители, безупречные азиатские черты лица и обмен вещами, позволяющий есть все что ни попадя и при этом оставаться достаточно стройной и легкой, чтобы стоять на вершине пирамиды группы поддержки.

Как и большинство из нас в узком кругу, Ким по выходным напивалась или делала вид, что напивается, на лесных вечеринках у Бена Роджерса.

И как-то раз Ким действительно выпила слишком много, ну или достаточно много для того, чтобы забыть одно из главных правил популярных девушек: пить так, чтобы казаться глупой и кокетливой, но не глупой и сексуально озабоченной. Кто-то снял на мобильный, как она отдается своему давнему увлечению и хозяину вечеринки Бену Роджерсу прямо за традиционным школьным деревом.

Да все парни убили бы, лишь бы оказаться на месте Бена, и любая девчонка с той вечеринки покривила бы душой, сказав, что не мечтала о подобном. (Бен с третьего класса считался самым желанным парнем в нашем классе, и каждая мечтала стать той, кто наконец его сломит). Но быть пойманной? Это совсем отдельная тема.

Фотографии разослали в течение нескольких часов, и уже утром в понедельник Ким прекрасно понимала, что садиться в кафе за наш столик не стоит. Она села за столик второго яруса.

Наш кафетерий — это что-то вроде большого зала со сценой впереди, от которой идут ступени и располженные ярусами столики. Чем ближе ты к «оркестровой яме» — самому

привилегированному месту, тем ты популярнее.

Я всю жизнь прикладывала немало усилий, чтобы получить и сохранить место за «столовой ямой» (отвратное название, но не я его придумала, так что пофиг). Одной внешностью этого не добиться. Меня научила этому на своем примере мама. Чтобы создать иллюзию собственного совершенства и стать объектом зависти каждой девчонки в школе нужно потратить много времени и сил, но я отдавала этому всю себя, и это стоило того.

Ну вот взять к примеру мои вчерашние похороны. Никогда не видела, чтобы в одном месте собиралось столько народу из школы. Я имею в виду место за пределами школы, конечно же. (Слава богу, мама была слишком «убита горем», чтобы присутствовать на заупокойной службе. Нет, я не против эмоционального всплеска, но вот если бы ее вырвало на цветочные композиции, это было бы как-то не очень). Кто-то все организовал и раздал черные повязки на руку с моим именем, вышитым розовым. Принес цветы, свечи и коробки с салфетками. Люди, которых я даже не знаю — к примеру, одна толстенькая девчонка, которую я видела на алгебре и которая носит жуткие мешковатые кофты в надежде казаться в них стройнее... ну да, как же, — пришли поплакать над моим гробом. Ну, или рядом с ним, какая разница.

Я даже краем уха слышала разговоры о том, чтобы повесить мое фото в траурной рамке в главном коридоре прямо рядом со стеклянной витриной с баскетбольными и футбольными призами. (Как школьная чирлидерша могу смело заверить вас, что в футбол мы играем отстойно, и, если взглянуть на награды, то мы делаем это отстойно аж с 1933 года).

Это плохо прозвучит, но если быть честной до конца, то я даже почувствовала небольшое облегчение от того, что умерла. Не сразу, конечно. Отойдя от первоначального шока, я некоторое время страшно злилась. Впрочем, вряд ли кто-то будет в хорошем настроении после ночи в морге в компании со своим мертвым телом. Все, о чем я тогда думала — чего мне будет не хватать. Больше никакого горячего мороженого с фруктами, уплетаемого втихомолку? Больше никаких поцелуев? Или чего пострастнее? Я померла долбаной девственницей! Вот уж чего не ожидала, так не ожидала.

Но на следующее утро я очнулась на Хэндерсон-стрит, ощущая на лице тепло солнца и слыша над собой рев автобусных моторов, и осознала кое-что еще. Что есть много чего такого, о чем я не буду скучать. Меня пугала мысль об университете, о том, что нужно будет начинать все сначала, снова всех очаровывать и соревноваться с такими же как я девчонками из окрестных школ... брр, все это жутко выматывает. Теперь же мне совершенно не нужно об этом беспокоиться. Моя популярность навечно застыла на самом своем пике. Такое ощущение, будто я пересекла финишную черту на беговой дорожке, по которой даже и не знала, что бегу. Я умерла прежде, чем смогла разрушить свою жизнь, так что моя смерть была неожиданной, но в какой-то степени прикольной.

Возвращаясь к тому, о чем я говорила ранее — после вчерашнего впечатляющего проявления скорби, я не могла дождаться, когда же увижу, чем удивят меня мои друзья. Было ли у моих одноклассниц по команде поддержки Эшли Хикс и Дженнифер Майер время для того, чтобы вылепить из свечного парафина скульптуру в виде моего лица, которую они обсуждали между всхлипываниями и рыданиями?

Я прибавила шагу, желая дойти до главного коридора до того, как ученики заполонят остальные после школьного звонка. Все эти проходящие сквозь меня тела (они же не видят меня, чтобы обходить, а я не могу постоянно от всех уворачиваться) действуют нервирующе.

Но первый тревожный «звоночек» прозвучал для меня, когда я еще даже близко не

подошла к главному коридору. Пересекая автомобильную стоянку, я заметила, как Кэти Гуд — популярная десятиклассница, сидящая в третьем ярусе столиков кафе — украдкой оглядевшись, стянула с левой руки повязку с моим именем и бросила ее.

Тонкую ткань подхватил и протащил по асфальту ветерок, пока она не зацепилась о неровный камень у моих ног. «Покойся с миром, Алона Дза», — прочитала я надпись на ней.

— Эй! — гневно крикнула я ей, но, конечно же, Кэти и глазом не моргнула, не слыша моего несуществующего для нее голоса. Ладно. Пусть она будет единственной чудилой без черной повязки на руке. При таком раскладе ей никогда не заполучить место за «столовой ямой».

Вот только проследив за Кэти взглядом и понаблюдав за тем, как она встречается с группкой своих тупых друзей, я осознала, что ни у кого из них нет на руке траурной повязки. Как и у кучки музыкальных фанатиков (четвертый ярус столов — лучше, чем у математических ботанов, но хуже, чем у научных — эти вечно могут придумать что-то эдакое), стоящих позади дружков Кэти.

Мое сердце учащенно забилося, и на затылке выступил холодный пот. Что-то для мертвой я слишком много «чувствовала», и охватывающее меня сейчас чувство было всепоглощающим ужасом.

Я крутанулась на месте — непривычно тихо на покрытой гравием парковке, чтобы увидеть: нет... ни один человек в зоне моего поля зрения не надел символ скорби, которую так яро все выказывали вчера. Как это возможно?

Позабыв о своем желании оставаться спокойной и хладнокровной, я бросилась ко входу в школу и к Кругу.

Три деревянные скамьи, приобретенные на пожертвования бывших выпускников и поставленные в форме буквы «U» вокруг флагштока — территория моих друзей. Все тот же «первый ярус». Популярные ребята отдыхали и бездельничали здесь большую часть времени, возложив получение профессиональных знаний на подающих надежды младшекласников.

Скамьи были натерты до блеска сотнями идеальных задниц — таких, как у Бена Роджерса, а флагшток стал молчаливым свидетелем сотен свиданий и встреч. Все они проходили прямо перед зданием администрации, и нам это позволялось. Мы были «хорошими ребятами». Окажись на нашем месте кто другой, и ему тут же бы влетело. Я не говорю, что это честно, просто так обстоят дела. И все это знают.

Я примчалась к Кругу чуть запыхавшись (да-да, я знаю, я мертва, но все же...), времени до звонка осталось всего ничего. Было непросто продираться сквозь толпы неторопливо идущих к школе учеников. До этого я и не задумывалась о том, как удобно, когда все тебя узнают и расходятся, уступая дорогу. Как жаль, что все это в прошлом.

Став старшеклассниками, мы и места на скамьях распределили согласно рейтингу. Мои друзья уже заняли свои места. Бен Роджерс растянулся во весь рост на ближней к парковке скамье в окружении девчонок, претендующих на роль его будущих «наложниц». Им лишь винограда не хватало, чтобы кормить его с рук, да этих здоровенных египетских опахал.

Никакой наручной повязки поверх спортивной куртки он не надел, но он и вчера был без нее.

Пройдя мимо будущих любимец Бена, я нашла Эшли, Дженнифер и Лиэн Вайтэкер — еще одну чирлидершу, устроившимися рядом с флагштоком и обменивающимися смс-ками с презрительной критикой «черни», расхаживающей в джинсах от Таргет и футболках

неизвестных фирм.

У них тоже не было повязок.

Меня затошнило, и, подавив рвотный позыв, я огляделась в поисках блестящей черной шевелюры моей лучшей подружки на веки вечные и сокапитана в группе поддержки — Мисти Эванс.

Через бесконечно долгое мгновение, в течение которого мое сердце остановилось бы наверное, если бы этого уже не произошло, я увидела ее на дальней от меня скамейке. Мисти загоразивала Лиэн, так что мне видны были лишь ее левое плечо и затылок. Она говорила с кем-то, и ее косичка подпрыгивала в такт движениям головы. Но и этого было достаточно, потому что на предплечье ее левой руки виднелась знакомая черная повязка с розовыми буквами.

С улыбкой облегчения я пошла к ней. Осторожно обогнула Майлза Стивенса, снующего туда-сюда от Бена к Лиэн (по какой-то неизвестной всем причине они отказывались друг с другом говорить) и уклонилась от Эшли с Дженнифер, которые вскочили и с визгом прыгнули на колени Джеффа Паркера, чуть не разломав его гитару, в спешной попытке изобразить его восторженных поклонниц.

Эшли с Дженнифер были подружками с детского сада, все что только можно делали вместе и на весь год покупали похожую или хотя бы сочетающуюся цветами одежду. Все это смотрелось мило где-то до седьмого класса, но они считали это своей изюминкой и ни за что не хотели избавляться от дурацких привычек. Это одна из множества причин, по которой Лиэн зовет их Больными На Голову Близняшками. Прямо в лицо. И знаете, что они отвечают? «Да ну, мы ни капли не похожи». Ага, как же. Лиэн, конечно, сучка, но тут она права на все сто.

И, как оказалось, права она не только в отношении Больных На Голову Близняшек.

— Боже, Мисти такая шлюха. Труп Алоны еще остыть не успел, — сказала она Майлзу, когда я проходила мимо.

Я застыла при звуке своего имени. Стоило мне отвлечься, как Эшли — с Дженнифер по правую руку — пронеслась сквозь меня. Они провоцировали Джеффа, добиваясь того, чтобы он за ними погнался. От ощущения ее слишком твердого и теплого тела у меня перехватило дыхание и сжалась внутренности. Но это не помешало мне услышать ответ Майлза:

— А чего ей остывать, она и при жизни была ледяной, — фыркнул он.

— Это точно, — ухмыльнулась Лиэн, и в уголках ее глаз образовались морщинки.

Я потрясенно уставилась на них. Никто из них раньше не говорил обо мне такого... во всяком случае, не в лицо. Ну ладно, от Лиэн еще можно было ожидать, что она говорит гадости у меня за спиной, но от Майлза? Да я сама привела его в Круг, когда он перевелся к нам в прошлом году. В нашей школе он был единственным чернокожим парнем-не-атлетом. Да он, блин, был членом шахматного клуба до того, как я его спасла! Не то чтобы я сделала это совсем бескорыстно, конечно. Он помогал мне с тригонометрией, и пока мы с ним общались, я обнаружила в нем способность делать едкие и ироничные замечания о любом человеке в нашей школе. Как оказалось, включая меня. Боже, что же еще он обо мне говорил?

— Неблагодарный ублюдок, — пораженно пробормотала я.

За прошедшие годы я так привыкла делиться с Мисти услышанным и узнанным, что сразу же поспешила к ней, но тут до меня дошли две вещи. Первая — Мисти не сможет меня услышать. Вторая — обмен гадостями обо мне между Лиэн и Майлзом начался как раз с

оскорбления Мисти. Лиэн обозвала ее шлюхой, с чем Мисти не согласилась бы, несмотря на вереницу ее одно— и двухнедельных отношений с компанией парней из городского университета. Школьных парней Мисти считала недостойными ее.

Не представляю, с чего Лиэн так отозвалась о Мисти. У нас тут нет ни одного университетского парня, а если бы и был, то меня бы точно не интересовал.

Но когда я наконец-то добралась до Мисти, все стало ясно.

Черная лента с моим именем была повязана поверх белой кофты, которую она надела под топик чирлидерской формы. Черная блестящая косичка («Наноси вместо бальзама майонез и смывай его пивом», — обычно советовала мне Мисти) все еще подпрыгивала в такт движениям ее головы. Но она ни с кем не говорила. Она целовалась. С моим парнем.

— Мисти! — взвизгнула я. Естественно, она не услышала. И продолжала целоваться с Крисом на глазах у всей школы. НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ после моих похорон.

Не знаю, легче мне было от этого или тяжелее, но Крис тоже надел повязку с моим именем. Мисти выглядела измученной, с темными кругами под закрытыми глазами, на ее щеках застыли сухие дорожки от слез, смешанных с тушью. Но они *целовались*.

— Как думаешь, Алона знала о них? — спросила Лиэн Майлза. — Я слышала, что именно поэтому она кинулась под автобус. Обнаружила это и не смогла ни в лицо им посмотреть, ни вынести мысли о том, что все об этом знают.

— Я не кидалась под автобус! — закричала я Лиэн, не в силах оторвать взгляда от целующихся Мисти с Крисом. — Это был... несчастный случай.

— Я все ждала, когда же она увидит их, придет сюда и устроит концерт. — Лиэн на секунду замолчала. — Это было бы что-то с чем-то, да? — В ее голосе слышались одновременно и разочарование, и злобное ликование.

— Да ладно тебе, Алона не видела ничего и никого, кроме себя самой, — ответил Майлз.

Чувствуя, что меня сейчас стошнит, я отвернулась от Мисти и Криса. Вряд ли бы меня вывернуло наизнанку, учитывая то, что я целых три дня ничего не ела, но я не хотела этого проверять — мне и так хватало странностей за последнее время. Кожу покрывал холодный пот, желудок тревожно крутило. Я с трудом сглотнула.

— Если не из-за этого, то из-за чего она убежала из школы во время занятий? — продолжала Лиэн.

— Да заткнись же! — Я согнулась пополам, обхватив руками живот, и вдруг осознала, что смотрю сквозь свои собственные ноги. То есть, вижу абсолютно все, как будто ног и не было. От колен и до ступней. Я начала исчезать.

— Нет! — взвыла я. Это нечестно. Меня уже забирают? Почему не вчера, когда бы я умерла или перешла в мир иной, или не знаю, как лучше это назвать, спокойной и счастливой? И яркого света не видно... совершенно нигде!

— Может, она помчалась домой за забытой запасной косметичкой? — предположил Майлз с усмешкой в голосе.

Я вскинула голову и обожгла его злобным взглядом. Я рассказала ему о своей теории относительно запасной косметики по секрету.

Лиэн захихикала.

Я попыталась убежать, убраться подальше отсюда, но мои полуисчезнувшие ноги не слушались. Упав на траву, я смотрела, как они становятся невидимыми все больше и больше, и уже испарился край шорт. Таким темпом я исчезну меньше чем за минуту.

Не в силах сама себе помочь, я обернулась и опять наткнулась взглядом на то, как мои бывшие лучшая подружка и парень целуются враспашку. Все происходящее, оказывается, было сюрпризом лишь для меня. Как давно они встречаются? Как давно смеются надо мной? Мисти почти все обо мне знает, включая такие вещи, которые я не хочу, чтобы знал кто-либо еще. Она единственный человек, которого я пускала к себе в дом. Она рассказала об этом Крису? А Лиэн все это время посмеивалась у меня за спиной? Но и это не самое худшее. Что, если меня жалели? Меня, Алону Дэа.

По щекам потекли горячие слезы, но когда я потянулась их вытереть, обнаружила, что у меня... нет руки.

Нет, нет, нет. Это нечестно. Это какой-то бред. Я не заслуживаю этого. Я все делала правильно! Я разрыдалась, окончательно потеряв над собой контроль. Из-за льющихся водопадом слез портится макияж, я уж молчу о текущих из носа соплях, поэтому я не позволяла себе и слезинки проронить в обществе этих людей. Но теперь-то никто из них меня не видит, и я больше никогда их не увижу, так какая разница?

Прозвенел звонок, и все вокруг засобирались и принялись хватать свои рюкзаки, сумки и чехлы для гитар. А затем проходить прямо сквозь меня, так как я сидела у них на пути. Сначала Джефф, за ним Эшли с Дженнифер (в чьих крошечных сумочках не было места для парафиновой скульптуры, какой бы мизерной она не была), потом Бен — неспешной походочкой, обнимающий двух избранных девственниц-жертв, а Лиэн вообще встала на мне и посмотрелась в блестящую поверхность мобильного, чтобы проверить, не смазалась ли помада на ее губах.

— Сучка, — выплюнула я.

Крис с Мисти, держась за руки, не прошли сквозь меня лишь потому, что находились у самого входа в здание. Но они и так порядочно вытерли об меня ноги.

Теперь видна была только моя голова, и я смотрела, как вся школа проходит мимо меня, смеясь, шутя и беспокоясь о контрольных. Как будто меня никогда не существовало для них. Как будто я не погибла трагично всего лишь каких-то ТРИ ДНЯ назад.

— Это ад. Это, должно быть, ад, — пробормотала я со слезами в голосе.

И словно в подтверждение этого Уилл Киллиан, самый большой чудак-лузер всех времен и народов, посмотрел прямо на меня и, усмехнувшись, поспешил в школу впереди своих любящих покурить травку приятелей.

— Эй! — гневно закричала я. Он не имел никакого права смеяться надо мной! Даже мертвая я была популярней его. Он был законченным лузером, с белой, чуть ли не светившейся кожей, и растрепанными черными волосами, свисающими над жуткими, казавшимися бесцветными, голубыми глазами. Он ведет себя как самый настоящий фрик, всегда заткнув уши наушниками и натянув на голову капюшон толстовки. Ходят слухи, что он провел лето в какой-то психиатрической лечебнице. Да у нас в кафе даже яруса нет, подходящего для его уровня популярности! И он смеется надо мной?

Поспешно отведя от меня взгляд, Киллиан опустил голову и уставился в землю, вернув себе свой обычный неприветливый вид психа.

Постойте-ка... Что-то во всем этом...

Я нахмурилась, сжав губы, хотя уже лишилась рта и начала путаться в мыслях. Если он смеется надо мной, то это может означать лишь одно — что он видит меня. И это значит...

Глава 2

Уилл

Смеяться над мертвыми — плохая идея, но я не мог сдержаться. Знаменитая Алона Дэа, докатившаяся до рыданий и напоминающая сопливого китайского болванчика? Как часто такое можно увидеть?

Не часто. Если, конечно, вы — не я. Везучий, везучий я.

Но я так же, как никто другой, должен был понимать, что за смехом над кем-то всегда следует кармическая расплата.

— Киллиан, — приветствовал меня директор Роберт Сонни Брюстер, как только я переступил школьный порог. — Рад, что ты соизволил присоединиться к нам сегодня. Хотя ты, кажется, опаздываешь... снова.

— Я не... — начал возражать я.

Брюстер указал на потолок, и, словно по его велению, прозвенел звонок.

— ...опаздываю, — тихо закончил я.

Позади меня Эриксон с Джуни протиснулись в двери и поспешили в класс, оставив меня на съедение Брюстеру. Джуни бросила на меня через плечо извиняющийся взгляд, но я не винил ни ее, ни Эриксона. Они радовались, что директор сегодня ограничился мной, не тронув их. Они ведь тоже опоздали, но, видимо, на них не сработал «фрик-детектор» Брюстера, как он это называл. Мне в это как-то слабо верилось, учитывая количество пирсинга на лице Джуни и налитые кровью глаза Эриксона. Просто по какой-то причине именно я был «любимчиком» директора.

Брюстер улыбнулся. Улыбка не тронула его глаз и ничуть не смягчила жесткость черт. Бывший военный от мозга до костей — в этом весь Брюстер. О, и не забудьте еще едва сдерживаемую гомофобию, тестостерон, вызывающий жестокость, и стояк при следовании правилам — оттого, что они — ПРАВИЛА.

— Думаю, пришло время для очередного разговора о твоём будущем, Киллиан. — Брюстер сложил руки за спиной и качнулся на пятках.

— Опять? Люди начинают болтать.

Его рука взметнулась, ладонь сжалась в кулак, комкая ткань толстовки на моем плече. От резкости движения меня дернуло вперед. Темные глаза Брюстера сверкали от ярости.

— Валяйте, — сказал я. Если он ударит меня, его уволят. Он это знал. Все это знали. Своим вспыльчивым характером он уже заслужил несколько жалоб. Почему бы мне не помочь ему немного? Моя жизнь станет гораздо проще, если он уйдет.

Брюстер отпустил меня и вытер руку о пиджак, будто испачкался, прикоснувшись ко мне. — В мой кабинет, немедленно.

Он прошел через главный коридор к административным кабинетам, даже не обернувшись посмотреть, иду ли я за ним. Было заманчиво сбежать и оставить его сидеть своем кабинете в гордом одиночестве, но мне осталось учиться всего несколько недель. Всего двадцать восемь дней и мне исполнится восемнадцать, и я окончу школу, после чего получу доступ к тому небольшому количеству денег, что оставили мне отец и бабуля. Как только я до них доберусь, смогаюсь отсюда в такое местечко, где будет лишь небольшая кучка человек и, следовательно, еще меньше призраков. Например, на какой-нибудь необитаемый остров... или Айдахо.

Если Брюстер исключит меня из школы, это будет концом всего плана.

Поэтому я шел за ним, как он приказал. Только вразвалочку и не спеша.

Я могу рассказать вам обо всей той лживой херне, которой нас пичкают в школе, у меня было достаточно времени, чтобы подумать над этим. Учителя, родители, школьные консультанты... все они кормят нас дерьмом о том, что это нормально — отличаться от других, быть самим собой. Не поддаваться давлению сверстников, бла, бла, бла. На деле же, можно оставаться собой лишь в том случае, если ты находишься в пределах допустимой «нормы». Тебе нравится футбол вместо баскетбола, Джонни? Ну, ладно, по крайней мере тебе нравится спорт. Что-что, Сьюзи, ты хочешь носить синий свитер вместо красного? Знаешь, мы все здесь за то, чтобы каждый выражал свою индивидуальность... пока это касается только свитера.

Как мы можем поверить в то, что отличаться от других — нормально, когда взрослые сами в это не верят? На популярных детей, так называемую элиту первого яруса, никто даже косо не посмотрит, потому что они выглядят «нормально» и говорят «правильные» вещи. Бен Роджерс поставляет травку для большинства наших школьников, но его хоть раз обыскивали? Меня же только в этом году вызывали в кабинет Брюстера двенадцать раз, а шкафчик обшаривают раз в неделю.

Брюстер ждал у двери своего кабинета, когда я, наконец, дошел до стола секретаря. Я видел, как на его щеках ходили желваки.

Я кивнул миссис Паджет, школьному секретарю, и, улыбнувшись мне в ответ, она быстро отвела взгляд. Я всегда нравился ей — возможно, она сочувствовала мне, перевидав то количество справок от врачей, что я приносил, но она прекрасно знала, что лучше не показывать этого Брюстеру.

Как только я вошел в кабинет, Брюстер захлопнул дверь, чуть не оттяпав мне при этом плечо.

— Рюкзак, — потребовал он, протянув руку.

Да пожалуйста. Я едва поборол желание засмеяться над ним. Я уже давно понял, что наши рюкзаки рассматриваются как школьное имущество. И вы бы никогда не нашли ничего противозаконного в моем.

Я снял рюкзак с плеч и протянул ему, затем уселся на один из синих пластмассовых стульев для посетителей перед столом.

— Кто сказал, что ты можешь сесть? — спросил Брюстер.

Я пожал плечами, но не шелохнулся. Его же больше волновало содержимое моего рюкзака, чтобы препираться со мной по поводу того, можно мне или нельзя сидеть. Я знаю это, так как подобное повторялось каждый раз.

Брюстер расстегнул рюкзак и вывалил все, что в нем было, на безупречно отполированную поверхность деревянного стола. Судя по тому, как та блестела, Брюстер надраивал его не покладая рук — видать, боролся так с сексуальным неудовлетворением.

Я откинулся на спинку стула и качнулся, поставив его на задние ножки. — Вы полируете стол сами? Должно быть, руки после этого сильно устают.

Его взгляд взметнулся от сваленных в кучу тетрадей, бумаг и книг к моему лицу.

Я широко распахнул глаза, демонстрируя саму невинность.

— Что?

Я давно уже достиг мастерства в искусстве скрытия своих истинных чувств. Поверьте, если бы вы видели мертвых вокруг, то очень быстро бы научились не кричать, не смеяться и

не мочиться в штаны.

— Считаешь себя умным, Киллиан?

— Да нет, — пожал я плечами.

Я знал, что раздражаю его, так как он видел результаты моих тестов. Тридцать два балла из тридцати шести в прошлом году, и я не хило так подпортил кривую результатов всех стандартных текстов, что у них были. Я в этом не виноват — это всего лишь одно из немногих преимуществ, идущих в комплекте с даром. В конце концов, совсем не трудно знать историю, когда ты окружен людьми, которые ее прожили, да и вечно бродящие по школе призраки от скуки частенько стоят за плечом и вслух комментируют выполнение заданий, даже когда их никто не слышит. Никто, кроме меня, конечно же.

— Тебе осталось учиться всего один месяц, после чего ты выйдешь в мир, далеко за пределы моей досягаемости. — Брюстер начал копаться в моих вещах, что-то ища. Чувак, я мог бы сразу сказать, что там абсолютно нечего искать. — И все же, Киллиан, я буду чувствовать, что провалился как педагог...

— Не будьте так строги с собой, мистер Брю, все иногда терпят неудачу. — Невероятно, что он признается в этом мне. — Хотя одни — чаще других, мне так кажется.

Он стиснул зубы, и костяшки пальцев, сжимавших мой учебник по физике, побелели. — Я и, правда буду чувствовать себя неудачником, если ты покинешь школу, а я так и не преподам тебе хотя бы одного урока. — Он бросил учебник на стол и снова полез в рюкзак — на этот раз в маленький карман спереди. — А, вот он где.

Он небрежно швырнул на стол мой айпод, за которым тянулись крошечные наушники.

— Эй, поосторожней!

Я с грохотом поставил стул на четыре ножки. Айпод (я назвал его «Марси», в честь умной цыпочки из мультфильмов Peanuts) был моим спасательным кругом.

— Урок будет заключаться в том, — продолжил Брюстер, будто не слыша меня, — что не всегда все будет по-твоему. — Он сгреб Марси, обернул вокруг нее наушники и бросил в верхний ящик своего стола. — Никакой музыки неделю.

— Вы не можете этого сделать, — немедленно возразил я. Мои ладони начали потеть — мне необходимо было ощущать в руке успокаивающую прохладу Марси. — У меня заболевание...

— О да, Киллиан, я знаю все о твоей «болезни». — Брюстер улыбнулся, невероятно довольный тем, что добился от меня хоть какой-то реакции. — Обязательное двухразовое посещение психиатра в неделю во время школьных занятий. Разрешение покидать класс по мере надобности. Право слушать музыку во время уроков, чтобы «голоса», — он помахал руками около своей головы, — не беспокоили тебя. Но знаешь, что я думаю? — Брюстер закрыл ящик и вытащил из внутреннего кармана пиджака связку ключей. — Ты — гнилое семя. В один прекрасный момент ты понял, как легко и просто идти по жизни, дурача всех своей «болезнью». — Он отделил маленький серебряный ключ от остальной связки и запер ящик. — Но тебе не одурачить меня.

Без Марси мне будет тугο. Мертвые все время говорят, даже если считают, что их никто не слышит. Поднимаемый ими шум невыносим, не говоря уже о том, что мне приходится прилагать усилия, чтобы им не отвечать.

Мне вдруг стало трудно дышать. Присутствовать на занятиях, ходить по коридорам без музыки... Да я забьюсь в угол меньше чем через час. В ту неделю, что я провел без Марси, отдав ее в починку, мама чуть не подписала документы на мою принудительную

госпитализацию.

Я не мог позволить случиться этому снова. Я готов был идти на риск.

Брюстер покачал головой, цокнув языком.

— Ты слишком долго торчал дома, предаваясь полетам фантазии. Если бы твоя мать отправила тебя в военное училище, как меня в свое время...

— Как ваш дедушка, который отправил вашего отца в военную школу, надеясь, что там выбьют из него гомосексуальные наклонности? — спросил я, сам не веря в то, что слова вырвались на волю, хотя я зарекался их произносить. Брюстер не должен был отбирать у меня Марси.

Лицо Брюстера побелело, затем стало красным.

Я напрягся, но мой голос звучал ровно:

— На какое-то время это помогло, — продолжал я. — Пока ваша мать не умерла, и он не уехал во Флориду, где встретил хорошенького соседа-паренька Чарли...

Брюстер не удосужился даже выйти из-за стола. Вскочив на ноги, он попытался схватить меня рукой за горло.

Я мгновенно оттолкнул стул назад, и его пальцы сомкнулись в пустоте.

— Ты слышишь меня. — Мертвый дед Брюстера, вновь молодой и одетый в форму времен второй Мировой Войны, изумленно уставился на меня со своего места на отполированном до блеска деревянном комодке рядом со столом. Зажженная сигарета без фильтра выпала у него из-за рта и покатила к моей ноге.

Я игнорировал деда Брюстера и сигарету — привык к ним за время своих многочисленных визитов в кабинет директора. Дед Брюстера проводил здесь большую часть времени, разговаривая со своим любимым внуком и желая, чтобы тот укрепил дружеские отношения с отцом, пока еще у них было на это время, чего он сам уже был лишен.

С мертвыми главное не обращать на них внимания. Долго игнорируешь их, и они сдаются. Нет, они никогда не прекращают говорить, но они перестают ожидать от тебя ответа, предположив, что ты услышал их чисто случайно.

— Ты умственно отсталый маленький извращенец, — выплюнул Брюстер. — Ты ничего не знаешь. Мой отец — хороший человек. — Он бросился из-за своего стола ко мне.

Я весь подобрался, готовый к действиям, и деланно пожал плечами.

— Уверен, что это так. И он, наверное, будет ужасно разочарован, услышав, что его сын был уволен за попытку задушить ученика.

Брюстер замер.

— Что ты делаешь, малыш? — требовательно спросил дед Брюстера. Он достаточно оправился от первого шока, чтобы соскользнуть с края комода и встать передо мной. — Валяешь дурака с моим сыном?

Я, не дрогнув, встретил горящий злобой взгляд Брюстера.

— Верните мой айпод, и будем считать, что здесь ничего не произошло.

Я рисковал, но у меня не оставалось выбора — он загнал меня в угол.

Брюстер яростно сжал зубы. Я прямо видел, как он перебирает в уме варианты выхода из этого положения.

— Никто ничего не видел. На тебе нет следов. Мое слово против твоего? Тебе никто не поверит.

— Верно, — согласился я, делая вид, что серьезно рассматриваю возможность такого исхода. — Но на данный момент, я думаю, школьному совету потребуется нечто

посущественнее одних ваших слов. В прошлый раз, я слышал, на голосовании было почти равное количество голосов «за» и «против» вас.

Брюстер сверлил меня взглядом, но я не отводил от него глаз. Затем я почувствовал резкий запах гари.

Я машинально глянул на пол, ища сигарету деда Брюстера, и обнаружил, что одна из резиновых подошв моих высоких кед тлеет и уже загорелся крошечный огненный язычок. — Черт!

Я вскочил и принялся тереть ногой по ковру, чтобы потушить огонь.

— Вы только взгляните на это! — пораженно произнес дед Брюстера. — Ну ничего себе!

— Да уж, — пробормотал я.

Когда подошва перестала дымить, я растоптал сигарету пяткой. Сигарету, которую директор Брюстер не мог видеть.

Я бросил на него взгляд. На его лице читалось отвращение.

— Жалкое зрелище, — усмехнулся он. — Думаешь, я куплюсь на твои выкидоны?

Ну конечно. Что он видел? Как я ни с того ни с сего вскочил со стула и стал остервенело тереть ногой о ковер? История моей жизни.

Брюстер покачал головой.

— Можешь говорить школьному совету все, что угодно. Тебе никто не поверит.

К сожалению, тут он был прав. В последние дни я как-то не вызывал у людей особого доверия.

— Я могу позвонить матери, — сказал я, внутренне поморщившись. Боже, разве можно произнести подобное хоть с каплей достоинства?

— Ты знаешь, что если сделаешь это, то она тут же заберет тебя отсюда и отправит в психбольницу. — Брюстер опустил взгляд на мои ноги и ковер. Кеды реально были подпорчены, но не дотронувшись до подошвы, нельзя узнать, что она все еще теплая и горела минуту назад, а не когда-то раньше. — И я начинаю думать, что именно там тебе и место.

— Тогда верните мне мой айпод. Музыка мне... помогает. — Я искоса кинул взгляд на деда Брюстера, стоявшего рядом со мной и, как это не удивительно, молча слушавшего наш разговор. Не к добру это.

Брюстер улыбнулся — по опыту знаю, что эта его улыбка не предвещает ничего хорошего. и развернулся («Кругом!») и, прошагав к двери, распахнул ее.

— Миссис Паджет! — гаркнул он.

Что-то с грохотом упало, и я услышал как ручки и карандаши посыпались на стол и скатились на линолеум.

— Ох... да, сэр?

— Выпишите мистеру Киллиану допуск на урок. И напишите, что на занятиях ему запрещено на что-либо отвлекаться и слушать музыку. Потом поставьте об этом в известность всех учителей.

— Но, сэр, у него же...

— Это не обсуждается. — Он захлопнул дверь.

— Я могу прогулять уроки, — заметил я, когда Брюстер вернулся за свой массивный стол.

Мне не впервой. Я все равно получу высокий балл успеваемости.

— А я могу подать на твое исключение, — ответил он.

Доктор Миллер, мой психиатр, будет в восторге. Это ему развяжет руки, и он сможет предпринять все меры для того, чтобы я находился, по его мнению, «в безопасности». Перевозу: начал принимать успокаивающие пилюли и заполучил жующего гравий соседа по комнате.

— Да что с вами такое? — раздраженно спросил я. — Я же ничего вам не сделал. — Разумеется, до сегодняшнего дня. Но он точит на меня зуб с самой первой нашей встречи.

— Разве это не очевидно, Киллиан? — Брюстер стал беспорядочно запихивать мои книги, тетради и папки в рюкзак, комкая страницы и разрывая бумагу. — Ты — оскорбление для каждого студента, отдающего все свои силы учебе. Ты оказываешь плохое влияние на таких ответственных и воспитанных ребят, как юная Тернер.

Упоминание о Лили было все равно что удар под дых, но я постарался не показать своих чувств. — Это была вечеринка для элиты.

Я бы ни за что на свете на такую не пошел. И она не должна была.

Брюстер проигнорировал меня.

— Не говоря уже о том, что ты отвлекаешь всех своими «особыми нуждами».

— Вы говорите подобное всем больным детям?

Он помолчал, чувствуя, что от нового поворота в разговоре веет неприятностями. Государственные школы не допускают дискриминацию... в любом случае.

— Ты не болен, Киллиан. Возможно, у тебя психологические проблемы и ты так отчаянно нуждаешься во внимании, что готов манипулировать собственной матерью и копаться в моем мусоре, выискивая что-то о моей личной жизни. Но ты не болен.

Я закатил глаза. Почему люди всегда думают, что я копаюсь в их мусоре? Как будто бы они не заметили человека, роящегося в одном из их мусорных баков. Я уже даже не помню, сколько раз мне ставили это в вину.

— А что такого вы могли выбросить, что бы дало мне понять, что ваш отец — гей и...

— Считаешь себя очень умным? Моя работа донести до тебя, что это не так, подготовить тебя к реальному миру.

Брюстер бросил мне заполненный рюкзак, но я успел поймать его прежде, чем тот ударил меня по животу.

— А что, если я говорю правду? Вы когда-нибудь допускали такую мысль?

— Рассказывай эти сказки шарлатану, к которому водит тебя мать.

На самом деле доктор Миллер поставил мне диагноз «шизофрения» — это настоящая медицинская болезнь, но я ей совершенно точно не болен. Голоса, которые я слышу, и вещи, которые я вижу, реальны, даже если их не слышат и не видят другие. Насколько я знаю, медицина не признает подобное. Массовая культура признает, благодаря разным сериалам типа «Медиум» и «Говорящая с призраками» (Дженнифер Лав Хьюитт классная, но сам сериал — говно) и фильмам. Но попробуйте сказать одному из трех подростковых психиатров в дрянном городишке Декатуре о том, что вы видите мертвых. Знаете, что будет? Принудительная двадцати четырех часовая госпитализация.

— Убирайся отсюда. — Брюстер вышел из-за стола и резко распахнул дверь. — Бегом в класс.

Как бы я не ненавидел его кабинет, но здесь было гораздо безопаснее, чем в коридоре или учебных классах. Чем меньше живых людей в помещении, тем меньше мертвых с ними рядом. Здесь со мной был только дед Брюстера, а снаружи меня окружит, захватит, затопит море людей, досмерти жаждущих быть услышанными. И один из них, в частности, готов

даже убить меня, лишь бы получить желаемое.

От мысли о встрече с ним без Марси или чего-то отвлекающего мои ладони покрылись потом. Если он найдет меня здесь и сейчас, совершенно беззащитного, то мне повезет, если после этого я не окажусь в психушке.

— Послушайте, мне осталось учиться здесь всего несколько недель, — выдавил я, приклеившись взглядом к белому пятну на ковре, которое очевидно кто-то оставил, пытаюсь оттереть грязь. Мне невыносимо было видеть, как Брюстер злорадствует. — Я хочу убраться отсюда так же сильно, как вы желаете вышвырнуть меня. Только верните мне мой айпод. Пожалуйста.

— Ты так сильно нуждаешься в нем?

Его начищенные до блеска черные туфли в поле моего зрения качнулись назад, встав на пятки, и вперед.

— Да, — я поморщился, вынуждая себя произнести следующего слово: — сэр.

— Хорошо. Тогда эта дисциплинарная мера пойдет тебе на пользу.

Оторвав взгляд от пола, я в шоке уставился на него.

— Ублюдок.

— Следи за словами, малыш! — в ухо мне проговорил дед Брюстера.

Губы директора расплылись в самодовольной улыбке. Не отводя от меня взгляда, он снова крикнул секретарше:

— Миссис Паджет, позаботьтесь также о том, чтобы Киллиан остался на дополнительные занятия после уроков.

— Ох... хорошо, — раздался приглушенный и слегка растерянный ответ.

Брюстер махнул рукой в сторону распахнутой двери.

— Время пожинать плоды своих трудов, малец.

Я закидывал на плечи рюкзак и, услышав его слова, встал как вкопанный. Из всех глупых названий он выбрал именно это...

— Не называйте меня так.

— Что? — секунду Брюстер непонимающе смотрел на меня, а потом до него дошел смысл моих слов и его глаза зло сверкнули. Я знаю, что нельзя давать оружие в руки обидчику, но не смог сдержаться. Не смог.

— А что не так со словом «малец», малец? — В голосе Брюстера звучало торжество. Он нашел оружие, способное причинить мне боль, и с радостью воспользовался им.

— Не надо этого делать.

— Но почему же... малец?

Я бы мог сказать ему правду — что так называл меня мой отец и, когда я слышу это прозвище от него, произносимое с таким пренебрежением и снисхождением, мне хочется набить ему морду. Но это бы только подлило масла в огонь. Я мог бы толкнуть речь о правах человека — о том, что у меня есть имя и нечего называть меня какими-то прозвищами, но ему на это плевать. Поэтому я пошел другим, касающимся его лично путем.

— Не называйте меня так, или я расскажу вам такое, что вы страшно пожалеете о том, что выбросили табельное оружие в реку Сангамон вместо того, чтобы пристрелить себя из него.

Брюстер беспомощно двигал губами, но из его рта не доносилось ни звука.

Он чуть не застрелился тридцать лет назад, через несколько лет после возвращения из Вьетнама — молодой мужчина, слишком много повидавший и сделавший в джунглях на

другом конце света. Он выбросил пистолет в реку, стыдясь самих мыслей о суициде, выходе, который выбирают трусы. Его дед, умерший за пару лет до этого, каждую минуту был рядом с ним. Мертвые видят все, хочешь ты этого или нет, и многое рассказывают мне, даже если не знают, что я их слышу и слушаю.

— О таких вещах нельзя говорить, малыш, — произнес дед Брюстера, в его голосе слышалась тревога.

Не обращая на него внимания, я прошел мимо директора, забрал у сочувственно улыбнувшейся мне миссис Паджет допуск на урок с заявлением на задержку после занятий и открыл дверь в коридор.

Брюстер еще не пришел в себя, чтобы кинуться за мной. Он стоял в кабинете, сжимая ладони в кулаки и бешено сверкая глазами.

— Посмотрим, как ты переживешь оставшиеся дни без своих особенных привилегий, маленький урод, — процедил он, но не двинулся за мной. Спасибо и на этом.

— Роб! — пораженно повернулась к нему миссис Паджет.

Ха. Будет чудом, если я переживу этот час. Успокаивает лишь то, что когда меня будут отсюда выносить, он не будет звать меня «мальцом». Я кивнул.

— Что ж, смотрите.

Глава 3

Алона

Я почувствовала, что поверхность подо мной жестче, чем моя кровать, и уж точно далека от мягкости облака. Не открывая глаз протянула руку, и мои пальцы коснулись... что это, гравий?

Открыв глаза, я обнаружила себя — где же еще? — слева от желтой полосы на Хэндерсон-стрит. Не во сне, не в раю, а в том месте, откуда все и началось. Мертвой, на середине дороги.

Я села, подавляя желание заплакать. Это ад, да? И я обречена жить в нем, невидимая для всех, в то время как моя лучшая подруга поступит в университет, продолжит встречаться с моим парнем, а потом и выйдет за него замуж. От одной мысли об этом мне хочется тут же, на дороге, свернуться в клубок.

Я так и сделала, опустившись щекой на нагревающийся асфальт. А что еще мне оставалось? Мне не куда и не к кому идти. Меня никто не видит. И тут мне вспомнилось, как часто всякие деревенщины, покурив, харкают из окон машин по дороге в школу. Фу! Я передвинулась на тротуар.

Теннисные корты за моей спиной наполнились звуками жизни: людским смехом, прыгающими мячами, лязгом сетчатого забора. Я поражено обернулась. Это был первый школьный час, и миссис Хиггинс проводила урок физкультуры. Обычно я наблюдала за тем, как ребята направляются через игровое поле к кортам, сидя на уроке, со скуки пялясь на улицу и всей душой желая находиться где угодно, только не в классе.

Уже середина первого урока? Это что-то новенькое. Последние три дня, когда бы я не почувствовала себя уставшей — а такое все еще случается со мной, — я шла домой, сворачивалась калачиком на диване в кабинете отца и закрывала глаза. Затем — бац! — открывала глаза и оказывалась в семь утра снова на дороге, а мимо проезжали автобусы. В буквальном смысле. Как будто кто-то каждый день нажимал кнопку возврата.

Однако в этот раз... я даже не знала, что думать. Никогда до этого меня не «возвращали» в середину утра. Хотя до этого я и не исчезала. Меня охватила дрожь. Куда я уходила? Не помню. Это имеет значение? Да вроде нет. Одно ясно — я все еще торчу здесь. Абсолютно беспомощная.

Я посмотрела через корты на окна, где сейчас без меня проходил урок политологии. Сейчас я убила бы за шанс поскучать на уроке мистера Клопински. За то, чтобы быть живой. За то, чтобы унизить Мисти на глазах у всего кафе. Тогда бы я поглядела, кто посмеет посмеяться над Алоной Дэа. Никто, вот кто.

Ну, может быть, кроме Уилла Киллиана.

Нахмурившись, я поднялась и направилась к школе. В этот момент прямо сквозь меня пронесся на своей зеленой отвратной развалюхе Джес Макгаверн, выехавший со стоянки и спешащий в город на занятия в профессиональном училище. Я проигнорировала охватившие тело холод и дрожь, пытаясь сфокусироваться на всплывающем в памяти, но ускользающем расплывчатом воспоминании. Я отчетливо помнила, как меня поливали грязью Лиэн и Майлз, как целовались Мисти с Крисом. А вот после этого все было словно в тумане. Прозвенел звонок, ребята пошли на занятия, затем...

В сознании появились насмешливая улыбка и бледно-голубые глаза Уилла Киллиана.

Он смеялся надо мной! Он смотрел прямо на меня и скалился, наслаждаясь моими мучениями. В любой другой день я бы распереживалась из-за того, что такой как он глумится надо мной, но сегодня я думала лишь об одном: он меня видит! Даже слышит!

Если меня видит и слышит Киллиан, то другие люди тоже, возможно, смогут. Может быть, я и не умерла вовсе. Во всяком случае, не совсем. Хотя увиденное на похоронах говорит об обратном. Я видела своими глазами, как гроб опускают в могилу и...

Я покачала головой, разметав волосы по лицу. Нет. Я не буду думать об этом сейчас. Застрять здесь навечно, мертвой, не в силах что-то с этим сделать — это будет несправедливо.

Этому должно быть какое-то объяснение, и такой фрикер как Киллиан, возможно, знает на это ответ. Нужно лишь заставить его рассказать мне об этом.

Проще простого. Он же видит меня, да? Фрикер он или нет, он при этом все еще остается парнем.

Я перекинула через плечи и пригладила волосы, приспустила шорты (после «встречи» с автобусом они вечно врезались между ягодиц) и готова была идти. С пересекающим белую футболку следом от шины — ненавижу его! — я ничего поделывать не могла, и моя любимая помада, скорее всего, все еще лежала в ящичке, который мы делили с Мисти на двоих. Если она и ее не прибрала к рукам.

Для мертвой девушки я выглядела довольно неплохо. Я, конечно, никак не могла видеть свое отражение, но, очнувшись несколько дней назад, первым делом проверила руки и ноги — нет ли на них рваных ран и не торчат ли из кожи и мяса поломанные кости. Я не нашла ничего, кроме парочки царапин, сошедших на следующий же день. Лицо я ощупала пальцами и никаких повреждений не обнаружила. Да и вообще, согласно судмедэксперту, я умерла от множественных внутренних повреждений. То есть, от того, чего снаружи не видно. Клево. У Киллиана нет ни единого шанса устоять.

Второй раз за день я, обогнув теннисные корты, двинулась к школе. К сожалению, в этот раз мне не удалось пойти так же далеко, как в первый. Главный вход перекрывали двойные стеклянные двери с мелкой проволочной сеткой между панелями. Перед занятиями они обычно распахнуты настежь, чтобы каждый мог беспрепятственно зайти, но во время уроков директор Брюстер закрывает все двери на замки — чтобы не забрел какой-нибудь случайный псих. А ничего, что в школе своих психов хватает?

Я потянулась к металлической ручке — повернуть ее и посмотреть, откроется ли дверь, но моя рука прошла сквозь нее. Отдернув руку, я прижала ее к груди, ощущая холодное покалывание. Бред какой-то. Да, машины и люди проходят сквозь меня, но я же спокойно хожу по земле, сидела на стуле на похоронах и...

Двери передо мной неожиданно сместились и стали выше. Какого?..

Я глянула вниз и обнаружила, что мои ноги тонут в тротуаре — так на пляже кажется, что у тебя нет ступней, когда зарываешь пальцы в песок, и накатывающие на берег волны наносят еще слой за слоем. Вот только сейчас так не казалось, а было на самом деле.

О нет! Нет, нет, нет! Я крепко зажмурилась. «Асфальт твердый, асфальт твердый». Я все твердила и твердила это себе, пока снова не почувствовала под ногами твердую поверхность.

Приоткрыв один глаз, я убедилась, что стою на тротуаре, а не в нем. Увы, но мои кеды и носки не пережили погружения. Из-под легкого слоя асфальтовой пыли поблескивали ногти, покрытые ярко-розовым лаком. Зашибись.

Ладно, пофиг. По крайней мере, я чему-то научилась.

— Асфальт твердый, а дверь — нет. Асфальт твердый, а дверь — нет. — Я шагнула вперед, приготовившись по-идиотски ткнуть лбом в стеклянную дверь. Вместо этого все мое тело, как до этого руку, охватило холодное покалывающее ощущение.

Затем я вдруг очутилась по другую сторону дверей в чересчур жарко отапливаемом вестибюле между внешними и внутренними дверями. Я стояла на резиновом коврикe, оставшемся здесь с тех пор, как лили дожди. Да! Ну, хоть что-то получается по-моему.

Используя ту же технику, я прошла через вторые двери и уже через пару секунд стояла босой на холодном линолеуме главного коридора.

— Класс! — На радостях я как дурочка бросилась в пляс и несколько секунд дрыгалась, тряся головой. Мы отплясывали так с моей бывшей вероломной подружкой, оставаясь одни и смотря клипы по MTV. Было ново и приятно делать, что хочется, не волнуясь о том, что тебя кто-то увидит.

— Рад, что хоть у кого-то сегодня хороший день, — раздался слева от меня мрачный голос.

Вздвогнув от неожиданности, я обернулась и увидела уборщика, одетого в темно-синий комбинезон. Он медленно приближался ко мне, толкая перед собой ведро на колесиках. Наша школа построена в форме гигантской буквы «Н». Главный коридор, где я стояла, в этой букве был перекладиной, а уборщик шел из первого левого прохода — там располагались библиотека и классы английского.

— Вы видите меня? — прошептала я, не смея в это поверить.

— Конечно, вижу. — Он остановился, опустил швабру в расположенную наверху ведра шпуквину и отжал. В ведро полилась грязная противная вода. — Ты заляпала своими следами весь мой прекрасный чистый пол.

Оглянувшись, я не увидела позади себя ничего, кроме блестящего кафеля.

— Эм... ну ладно. Как скажете. — Я покачала головой. — Если и вы можете меня видеть, то, должно быть, я не мертва. По крайней мере, не полностью мертва. Так ведь? — Я аж подпрыгнула от волнения. И начхать на то, что я говорю с уборщиком — мужиком за тридцать, с плохой кожей, так и не закончившим среднюю школу. Блин, да весь его вид говорит о том, что он неудачник. Теперь-то я вижу, что у меня дела еще не так плохи, как у некоторых других.

Он громогласно засмеялся, обнажив кривые зубы, которым не помешали бы отбеливающие полоски. — Милая, ты совершенно точно мертва. Просто ты не одна здесь такая.

Он вытащил швабру из ведра и, плюхнув ее на пол, принялся протирать пол. Только главный коридор был выложен кафелем. Все остальные коридоры-переходы, включая тот, в котором он все еще стоял, были покрыты отвратительными ковровыми дорожками фиг-его-знает-какого цвета.

— Я не понимаю, — проямлила я.

Уборщик, водил шваброй туда-сюда по полу, не обращая на меня внимания.

— Чертовы дети, вечно все тут грязнят.

Ковровое покрытие не промокало — во всяком случае, я этого не увидела.

— Осторожно, — уборщик прошелся шваброй возле моих ног.

Я отпрыгнула, ожидая, что пальцев коснется грязная холодная вода, однако она, кажется, оставалась только под шваброй. Странно.

— Никогда не думают о том, что делают, о том сколько нам после них приходится

убирать, — пробормотал уборщик, толкая ведро с водой мимо меня.

— Подождите. — Я повернулась, чтобы пойти за ним. — Что вы имели в виду, говоря, что я не одна здесь такая? Я, конечно, не единственный умерший на земле человек, но... О боже! — Прямо на моих глазах он прошел через шкаф с призами, продолжая мыть пол и ворчать себе под нос. Зачем он это сделал? За этой стеной нет ничего, кроме двора и...

Я судорожно вздохнула. Старый спортзал. Когда-то там был вход в него. Прежде, чем построили новую пристройку... в далеком, по-моему, 1992 году. Это было так давно, что я бы и не знала об этом, если бы подхалимка Маура Седжвик не подготовила однажды большой проект об истории нашей школы. Жутко нудный, но с прикольными старыми фотографиями. Вы бы видели, как люди в то время начесывали волосы! Полный отстой. Моя мама... Не буду о ней. В общем, мне как-то сказали, что в шестидесятые годы женщины вместо лака использовали сахарную воду и, просыпаясь утром, находили в своих волосах тараканов. Фууу.

Ладно, забудем о трагических прическах и насекомых... Это что же значит, что уборщик тоже мертв? Он может, как и я, проходить сквозь стены и прочее, и при этом видит и слышит меня, как Киллиан? Но Киллиан то жив. Он просто выглядит как мертвец.

Я нахмурилась. Ответы на эти вопросы были бы очень кстати. К сожалению, все, что приходило мне в голову, были бессмысленны. Так что мне оставалось лишь следовать первоначальному плану. Найти Киллиана и заставить его сказать мне, что происходит.

Я не успела решить, в каком направлении идти, как из системы громкой связи на стене послышался шорох. Грымза миссис Паджет — ей было за сорок, и она ненавидела меня за то, как я выгляжу; да, елки-палки, немного увлажняющего крема не убило бы ее, — вышла на связь, чтобы сделать объявление. Черт. Это означало, что у меня осталось всего несколько минут до того, как окончится второй час занятий и ученики заполонят коридоры. Учитывая неприятные ощущения, охватывающие меня, когда сквозь мое тело проходил один или парочка человек, мне совершенно не хотелось оказаться в ловушке в коридоре с несколькими сотнями учащихся.

— Внимание, внимание, — прогремел в коридоре голос миссис Паджет. — Марк Якобсен и Тони Бриггс, пожалуйста, зайдите в учительскую до начала третьего урока.

Я в панике побежала в сторону спортзала к автосервису — небольшой пристройке, соединенной с противоположной стороной спортзала через временный проход, постоянный они так и не построили. Я слышала, этот проход вечно заливает во время дождя, сама я редко здесь бывала. В пристройке обитали все отбросы и отщепенцы, которым учитель мистер Кореш (это, естественно, кликуха) давал разрешение на пропуск уроков для завершения чьего-либо «проекта».

Я пронеслась мимо учительской, находящейся в главном коридоре, и услышала какую-то суматоху и шум. Кто-то кричал, плакал и даже о чем-то умолял. Ооо! Может, там драчка поднялась? Нет ничего забавнее, чем наблюдать за дракой девчонок. Хотя спроси вы мое мнение об этом, когда я была живой, я бы рьяно это отрицала.

Заинтригованная помимо своей воли, я резко тормознула, скользнув ступнями по кафельному полу, и выглянула во второй левый проход нашей школьной «Н». Оттуда, кажись, весь шум и доносился. Там я увидела похожего на вытащенную в суд хип-хоп звезду Уилла Киллиана — ссутулившегося, с натянутым на голову капюшоном толстовки. Он шел по коридору пошатываясь, опираясь на помогавшую ему идти Джуни Трэвис — странную и ненормальную девчонку-гота с выкрашенными черным волосами, у нас с ней совместный

урок по психологии.

Их окружала толпа людей, которых я до этого ни разу не видела. Мужчина в военной форме старого образца, какая-то цыпочка в (буээ) розовом в горошек бальном платье, молодой человек в светло-голубом смокинге с гофрированной рубашкой (может быть, бойфренд цыпочки в платье в горошек?), какой-то парень в баскетбольной форме — только вот в чересчур коротких шортах и гольфах, натянутых аж до самых колен, две девчонки в юбках солнце-клеш (я не шучу!) и черно-белых туфлях. И это всего лишь те, кого я смогла хорошо рассмотреть. Вся эта людская масса колыхалась и двигалась вокруг Уилла Киллиана, создавая невыносимый гам.

— Скажи моей внучке, что...

— ... мои родители должны знать, что это был несчастный случай.

— Прости, малыш, я не знал, что все так получится. Но, послушай, если ты можешь передать моему сыну...

— У меня получилось? Мы выиграли? Я не помню...

— Какое счастье, что ты нас видишь! Мы так долго ждали, чтобы кому-нибудь рассказать...

Я заткнула уши пальцами, отгораживаясь от перебивающих друг друга голосов.

Это глупо и по-детски, я знаю, но я могла сделать либо это, либо закричать. Их было слишком много, и их мольбы и плач давили на психику. Где миссис Педерсон — учительница литературы? Почему она не разгонит их всех? Она ненавидит «коридорные свары», а эта происходила прямо у нее за дверью. И кто, вообще, все эти люди? Некоторые из них подходят по возрасту для того, чтобы учиться в нашей школе, но я никогда их раньше не видела. Да и одеты они так — у нас что, настал кризис моды? — что не заметить и не запомнить их было бы просто невозможно.

Затем я увидела в этой толпе знакомое лицо. Он бросил где-то свои швабру и ведро, но я бы где угодно узнала его по отвратному синему комбинезону. Мой приятель-уборщик говорил что-то Уиллу.

Я вынула пальцы из ушей, пытаюсь услышать его слова.

— Я не хотел никому навредить, — скулил он, вцепившись в плечо Уилла. — Ты должен сказать им об этом. Те дети... они сами напросились, издеваясь надо мной. И это не давало право судье приговорить меня к смерти.

Господи! Он мертв... во всяком случае мертв так же, как я. И это значит, что мертвы они все: девушка в платье в горошек, парень в смокинге, баскетбольный игрок — все. И каждый из них добрался до Киллиана раньше меня.

Тьфу. Ненавижу стоять в очереди.

Глава 4

Уилл

Все, что мне нужно — пережить этот день. Это нелегко, но не невозможно. Я же выживал как-то до того, как мистер Миллер научил меня музыкальной уловке, той, что помогает его пациентам-шизофреникам. Не премину, добравшись до дома, как бы мимоходом упомянуть о том, что мистер Брюстер за минутное опоздание лишил меня всех дозволенных врачами привилегий. Опоздание было единственным предлогом, который он мог использовать для этого. Мама тут же начнет названивать в школу, но главное — все будет выглядеть так, будто для меня самого это не так уж и важно.

Смешно, но я знал, что это сработает.

Вот только проблема в том, что между мной и моей целью стояли шесть часов мучений, и дед Брюстер мою жизнь ничуть не облегчал.

— Всегда знал, что ты чем-то отличаешься от других, — вне себя от радости сообщил он, последовав за мной из директорского кабинета. Поначалу они всегда такие счастливые. — Мне нужно, чтобы ты кое-что для меня сделал.

Не обращая на него внимания я, пригнув голову, направился на урок по литературе.

— Не отнекивайся и не уходи, малыш, — прицепился ко мне дед Брю. — Мы оба знаем, что ты слышишь меня. Мне нужно только, чтобы ты передал от меня пару посланий.

Так все и начинается. С посланий. Звучит довольно просто, да? Но вы подождите.

— Одно — моему сыну, он живет во Флориде. Мне нужно, чтобы ты поехал туда и поговорил с ним за меня. Мне нужно, чтобы он знал, как сильно я сожалею о том, что сделал и что наговорил ему... Я не знал. Не понимал.

Уху. Видите? То есть, мне нужно не только лететь в другой штат, но так же сказать человеку, с которым я никогда в жизни не встречался, что его мертвый отец просит прощения. Когда я был помладше, то пытался помочь им — всем, кто обращался ко мне. Естественно, в то время полеты в другие штаты были так же за пределами моих возможностей, как и сейчас, но я делал все, что мог. И все это оканчивалось плачевно. Не верящие мне люди неизбежно начинали кричать на меня или звонить моей маме, или, что еще хуже, вызывать копов. Верящие же мне пытались удержать меня рядом с собой, плача и умоляя остаться с ними в качестве посредника между ними и их любимыми. Меня, тогда еще ребенка, они пугали гораздо больше тех, что орали. Нет уж, спасибо, с меня хватит.

— Потом мне нужно, чтобы ты сказал ему не терять веру в Сонни. Я знаю, что вы с Сонни не очень ладите, но ты должен и с ним поговорить. Сказать ему, что еще не поздно. Я не хочу, чтобы он испортил отношения с отцом так же, как я испортил отношения с сыном.

Чтобы я, по собственной воле, говорил с Сонни, то бишь, директором Брюстером? Ну уж нет. Я подтянул рюкзак и повернул в коридор к кабинету миссис Педерсон. Может, она сегодня поставила фильм? Тогда мне не придется сильно напрягаться, попытаюсь одновременно слушать урок и не слышать шепчущего мне в ухо старого доброго деда Брюстера.

— Это важно, — настаивал дед Брю. — Пожалуйста. Ты единственный, кто может это сделать, других таких я не встречал.

Моя решимость немного пошатнулась. Труднее всего было игнорировать вежливых и приятных. Мне становилось жаль их, застрявших в междумирье, вынужденных видеть

последствия совершенных ими ошибок и не имеющих возможности ничего изменить. Но мне нельзя поддаваться. Иначе я окажусь в психушке.

Я достал из кармана допуск на урок и толкнул дверь в кабинет миссис Педерсон. Она читала лекцию. Ну здорово. Сегодня мне передышки не обломится.

Я протянул ей свой допуск и проскользнул к задней части класса на свое место. Сидевшая прямо передо мной Джуни чуть повернула голову в мою сторону, делая вид, что рассматривает облупившийся на ногтях черный лак.

— Все в порядке? — тихо спросила она. Булавки на ее нижней губе блеснули. Сегодня она была в своей стандартной униформе: армейском пиджаке, черной футболке, якобы поношенной клетчатой юбке, драных чулках и черных кедах. Глаза подведены черным. Одно ухо от мочки до самого верха украшали серьги. Одна серьга-кольцо была точно такой же как три моих в моем левом ухе — мы их вместе купили. Мы с Джуни дружили с девятого класса, ее тогда звали Эйприл, у нее были светлые волосы и она была лучшей ученицей. Она прекрасно знала, каков Брюстер.

Вытаскивая учебник по литературе и тетрадь, я не сводил глаз с рюкзака. Нам немало доставалось, пока мы не просекли, что миссис Педерсон не замечает, что ты с кем-то говоришь, если ты с этим человеком не переглядываешься.

— Все как обычно, — ответил я.

Это было неправдой. Дед Брю стоял в полуторе футах справа от меня, и другие мертвые начали проявлять к нам интерес.

В любой комнате, полной людей, мертвых не меньше половины от общей массы живых. Одни из них связаны с определенными людьми, другие — с определенным местом. Есть и забредшие случайно. В классе литературы их ежедневно бывает по семь-восемь. Большинство из них забивается вглубь кабинета и не путается под ногами. Они ненавидят ощущение, возникающее, когда кто-то сквозь них проходит. Обычно они ведут себя тихо и не шумят, но это быстро изменится, если они обнаружат, что кто-то может их слышать и видеть.

Сегодня в классе присутствовало несколько дедов и бабуль. Я это мог определить только по стилю их одежды: устаревшая военная форма, юбки аля Джун Кливер и туфли на шпильках, очень короткие и широкие галстуки у мужчин в костюмах. Когда люди умирают естественным образом — от старости, например — и остаются сгустком энергии здесь, то этот сгусток энергии обычно обретает ту человеческую форму, которую они сами себе представляют. Никто никогда не представляет себя старым, поэтому обычно призраки предстают двадцатилетними, в той одежде, которую носили молодыми.

У доски в классе стояли Лизель Маркс, лучшая школьная подружка миссис Педерсон, и парень Лизель — Эрик. Фамилию Эрика я не расслышал. Почти всегда говорила одна Лизель. Не совсем понимаю, почему тут все еще околачивался Эрик, ему было страшно скучно большую часть времени. Лизель с Эриком погибли в автомобильной аварии где-то в семидесятых, возвращаясь домой с выпускного бала, отсюда и ее длинное платье в горошек, и его голубой смокинг. Призраки людей, умерших насильственной и/или неожиданной смертью как правило зациклены на том, почему и каким образом умерли.

Насколько я понял из бесконечной и бессвязной болтовни Лизель, она кинула Клэр — миссис Педерсон, чтобы пойти на выпускной бал с Эриком, парнем, который нравился самой Клэр. И теперь она была уверена, что именно из-за этого, да еще и из-за секса, которым они занимались на заднем сидении автомобиля, ей суждено торчать в междумирье,

пока Клэр ее не простит.

Джексон Монтгомери, однако, был привязан к школе гораздо сильнее любого другого человека. Он умер в восемнадцать лет, здесь, на баскетбольном поле, от какого-то скрытого сердечного дефекта — о таких передают иногда в новостях. Он был звездой-нападающим, ведущим команду к областным финальным соревнованиям, когда упал на пол посреди решающей игры. В таких случаях в то время под рукой не было дефибрилляторов. Парень умер, и его команда проиграла, но Джексон, или Джей, кажется, не знал ни того, что он умер, ни результата игры. Сегодня, как и в любой другой день, он сидел за пустой партой, постукивая ногой от нетерпения в ожидании вызова в спортзал на собрание команды перед последней игрой.

Ну и, конечно же, здесь был дед Брюстера.

— Ты не можешь игнорировать меня вечно. Я видел, что ты можешь делать, своими собственными глазами, — сказал он чересчур громко.

Я еле сдержался, чтобы не поморщиться. Чтоб этому Брюстеру пусто было за то, что он забрал мою Марси.

Один из молодо выглядящих дедков злобно зыркнул на деда Брю.

— Эй, приятель, не мог бы говорить потише? Моя внучка учится тут.

— Она не может слышать меня. Ээээй? — Закричал, сложив ладони рупором, дед Брю Дженифер Майер — одной из подружек-чирлидерш Алоны Дэа. Естественно, она и глазом не моргнула. Наоборот, клевала носом и готова была отрубиться.

— Прекрати! — велел дед Дженифер. На нем был костюм и дурацкий короткий галстук. Он походил на бандюгана из старого фильма.

Дед Брю не удостоил его ответом, повернувшись ко мне.

— Видишь, с чем мне приходится мириться, малыш? Сделай мне всего лишь одно одолжение, и я смогу, наконец, покинуть эту промежуточную станцию по дороге в ад. — Он бросил на деда Дженифер через плечо гневный взгляд, на что тот, к моему изумлению, показал ему фак.

Звучит заманчиво, легко и просто, но мой собственный опыт говорит об обратном. В половине случаев мертвые даже не знают, почему все еще не ушли. Да, дед Брю жаждет передать послания сыну и внуку, но это далеко не гарантия того, что он будет свободен после исполнения своих желаний. На самом деле, все может только ухудшиться. Мне несколько раз удалось помочь людям «двинуться дальше», но это произошло лишь после того, как они сделали или приняли что-то, чего не хотели. Даже в смерти люди отказываются что-то признавать.

Я стойко смотрел прямо перед собой, пытаюсь сконцентрироваться на том, что говорит миссис Педерсон.

— Некоторые считают, что все эти пьесы написал не Шекспир, — бубнила она.

— Хочешь днем навестить Лил? — прошептала Джуни уголком рта.

— Сегодня четверг, — не подумав, ответил я. Последние восемь месяцев мы ходили в больницу по пятницам — только в этот день недели мама работает в закусочной во вторую смену. Она бы жутко перепугалась, узнай, что я не вернулся домой сразу после школы.

Джуни резко развернулась на стуле, ее ярко-синие глаза горели от злости.

— Ты что-то имеешь против того, чтобы навещать Лил чаще раза в неделю?

— Не позволяй ей говорить с тобой в таком тоне, — посоветовал поверх моего плеча дед Брю.

Я поймал себя на том, что качаю ему головой, и заставил себя остановиться.

— Конечно, нет, — сказал я Джуни, ошеломленный ее неожиданной яростью. — Просто...

— ...Ты согласна с этим, Трэвис? — спросила миссис Педерсон, стоя впереди нашего прохода и прожигая нас взглядом.

— Да, — угрюмо ответила Джуни.

— Что, да? — насмешливо переспросила миссис Педерсон.

— Пьеса «Ромео и Джульетта» была написана как трагедия, а не как любовный роман, как думает большинство людей. — Джуни обладала поразительной способностью повторять как попугай то, что услышала, даже если ее внимание было занято чем-то другим. Мне жилось бы намного легче, если бы и я имел такой талант.

Несколько ребят тихо засмеялись.

Миссис Педерсон сжала губы и крутанула в воздухе пальцем. У большинства из нас этот ее жест ассоциировался с саркастическим: «Подумаешь!». Только сейчас он означал: «Развернись».

В любое другое время Джуни бы закатила глаза и мы бы посмеялись над этим, но сегодня она лишь раздраженно отвернулась от меня.

Подождав, пока миссис Педерсон не продолжит урок и не станет смотреть в другую часть класса, я шепотом позвал:

— Джун.

Она никак не отреагировала, подтянув свой рюкзак на колени.

— Ну ладно тебе... — умоляюще протянул я.

Нагнув голову, она копошилась в рюкзаке, делая вид, что меня для нее не существует.

— Она не будет говорить с тобой, а я буду, — предложил дед Брю.

Ну, здорово. Судя по тому, какие у меня отношения с еще не потерянными друзьями (я говорю о Джуни), может мне и стоит принять его предложение.

До того, как Джуни претерпела метаморфозу и стала несносной девчонкой, одевающейся во все черное, она была чудачкой с торчащими во все стороны волосами, как будто встав утром с постели забыла причесаться, носила не сочетающуюся по стилю и цвету одежду и не принимала душ после урока физкультуры. У нее есть две сестры, одна — врач, другая — студентка какого-то снобистского женского колледжа на Восточном Побережье. Обе идеальны и все делают так, как надо. Джуни же никогда не оправдывала семейных ожиданий, о чем ее отец — ультраконсервативный пастор баптист — ясно давал понять.

В то время, когда она была другой, я был почти такой же, как сейчас: псих, при людях бормочущий себе что-то под нос или падающий на пол в жутком припадке. Но потом, в конце девятого класса, когда мой отец... сделал то, что сделал, все стало хуже... во всех мыслимых отношениях.

Сначала мы с Джуни ели вместе, ходили вместе на уроки и делали совместные проекты. Для нас это значило, что мы не одиноки. Потом мы стали друзьями. У нас с ней не так много общего, но это не мешало нашей дружбе. Во всяком случае, некоторое время назад.

Это изменилось после приезда Лили. Лили Тернер до этого жила в небольшом городке где-то в Южной Индиане. Когда она училась в десятом классе, ее мама получила работу начальника цеха на промышленном предприятии, и они переехали сюда.

Джуни наткнулась на потерянную и готовую разреветься Лили в кафетерии и отважилась поприветствовать ее.

Позже Лили рассказала нам, что в ее бывшей школе училось всего около ста человек. У нее был жуткий акцент и стремная одежда. Она одевалась так, словно в церковь собралась: в длинную узорчатую юбку и блузку с воротником стойкой или закрытую кофту.

Верящие в бога ребята не принимали ее в свой клуб из-за того, что с ней общалась Джуни, которую из-за стиля одежды считали сатанисткой. Заучки злились на нее из-за того, что она достаточно умна, чтобы подвинуть их в таблице успеваемости класса. Она не играла ни на каком инструменте и не пылала страстью ни к математике, ни к каким-либо наукам. Элита даже не подозревала о ее существовании. Короче говоря, она нигде не пришлась ко двору. Поэтому Джуни впустила ее в наш маленький круг.

В Лили было что-то такое, отчего все — особенно Джуни — оживлялись. Она была непредсказуема и приятно честна. Ее восхищал наш молчаливый протест против большинства, но не думаю, что она понимала, что этот протест был результатом не выбора, а отверженности. Прежде ей доводилось видеть людей с пирсингом на губе только по телевизору. Ее запросто можно было рассмешить, и она часто краснела.

Не прошло и пары недель, как она уже открыла нам свой маленький «грязный секрет» — она помешана на мыльных операх и драмах, разворачивающихся вокруг знаменитостей. Больше всего она любила читать журнал «People» — конечно же, когда ее за этим занятием никто не мог поймать. Так как раньше Лили училась в маленькой школе и знала в ней практически всех учеников, то впервые столкнулась с царящей в нашей школе витиеватой и сложной иерархией. Для нее наша элита — учащиеся «первого яруса» были все равно что кинозвезды, которых можно коснуться рукой. Она питала к ним слабость и с таким рвением следила за всеми их приездами и отъездами, разрывами и возобновлениями отношений, что нас с Джуни это раздражало.

Мы должны были беспокоиться по этому поводу, но не знаю, смогли бы что-нибудь изменить или нет.

Все закончилось печально. Лили... ушла, и, возможно, на днях я потеряю и Джуни. После чего останусь в полном одиночестве, если не считать моих сверхъестественных приятелей.

— Что ты пристаешь к нему? — спросила деда Брю Лизель, сидя на столе миссис Педерсон.

— Он меня слышит, — гордо объявил тот.

Черт. Вот именно поэтому мне стоило держать рот на замке в кабинете Брюстера.

Я нехотя глянул на Джуни. Ее мобильный был копией айфона. Если он у нее с собой — она вечно оставляет его дома, — и если она не настолько зла, чтобы отказать мне его одолжить, то я смог бы спрятать его в кармане, просунув провод от наушников под толстовку. Миссис Педерсон все равно может это заметить, но попытаться стоило.

— Джун? — шепотом позвал я. — У тебя мобильный с собой? — Я украдкой покосился на Лизель. Она смотрела на меня, нахмурившись. Дело плохо.

Джуни приподняла голову, не глядя на меня.

— Что случилось? — осторожно спросила она, словно не зная, продолжать злиться на меня или нет.

— Никто не может слышать нас, кроме нас самих, — сказала Лизель деду Брю, но голос ее прозвучал неуверенно. Дело уже не плохо, а очень плохо.

— Мне нужна музыка. — Прямо сию секунду.

— А где Марси? — Джуни не знала, какое у меня заболевание — о таком как-то не

расскажешь за столом в школьном кафе, но знала, что у меня есть разрешение на прослушивание айпода в любое необходимое для меня время.

— Брюстер.

— Но он не мог его забрать. У тебя же разрешение.

Лизель спрыгнула со стола миссис Педерсон в облаке своего розового платья и направилась ко мне.

— Я не верю тебе, — сказала она деду Брю, стоящему рядом со мной. — Докажи.

— Он не должен был... так у тебя с собой мобильный или нет?

Джуни покачала головой.

— Дома. — Она повернулась ко мне, забыв о своей недавней вспышке ярости. На ее лице была написана тревога, язык щелчками проходил по булавкам на губе, зажатой между зубами — ее нервная привычка. — С тобой ничего не случится без музыки?

Дед Брю наклонился к моему уху.

— Малыш, ну признайся же. Скажи, что ты можешь слышать нас. Пусть эта тупая девка... — он ткнул большим пальцем в сторону Лизель, — заткнется.

Все становится хуже и хуже. Я поднял руку.

— Да, Киллиан? — недовольно спросила миссис Педерсон.

— Можно мне в уборную? — Пошел этот Брюстер. Если мне удастся добраться сначала до машины, а потом до дома без кучи призраков на хвосте, то я буду свободен. Мертвые не всеведущие, так же как и я. Если они не знают моего адреса, то не смогут меня найти. Самое сложное — выбраться отсюда целым и невредимым.

— Ну вот, теперь ты его напугала, — проворчал дед Брю.

— Ты опоздал на урок на двадцать минут. Тебе осталось подождать еще двадцать.

— Я знаю, но...

— Никаких «но». Я не потерплю такой недисциплинированности в моем классе. В твоём допуске сказано, — она прошла назад и достала его из металлического подиума, где держала все бумаги, — что ты лишен всех своих привилегий.

— Я всего лишь прошу разрешения сходить в туалет. — Я пытался говорить спокойно, но по классу все равно прошла волна смешков и шепота. Боже. Как же я это ненавижу.

— Поторопись, — подгоняла Лизель деда Брю. — Она его сейчас отпустит.

— Вот уж нет, — отозвался с другой стороны класса Джей Монтгомери. — Она та еще мегера.

— Эй, последи за языком, — рявкнула Лизель. — Ты говоришь о моей лучшей подруге. Поверь мне, она уступит. Клэр неприятна мысль о том, что дети злятся на нее. Она ужасно не уверена в себе. — Лизель драматично возвела глаза к потолку.

Я потряс головой, пытаюсь не обращать внимания на спорящие голоса. Становилось все труднее и труднее не закричать им, чтобы они все заткнулись.

— Пожалуйста, миссис Педерсон. Мне, правда, очень нехорошо. — Я вытер вспотевшие ладони о джинсы.

Она хмурилась, но, действительно, несмотря на неодобрительный взгляд, выражение ее лица смягчилось. — Если ты болен, то иди сразу в медицинский кабинет. И даже не думай курить в уборной. Я проверю, будь уверен.

И бесполезно ей объяснять, что я не курю. Во всяком случае, сигареты. И уж точно не в школе, где Брюстер глаз с меня не спускает.

— Спасибо. — Я сунул в рюкзак учебник с тетрадью.

— Видишь? Я же говорила. — Лизель сложила руки на груди. — Он ничем не отличается от всех остальных и...

Когда я встал и закинул на плечо рюкзак, дед Брю меня толкнул. Я должен был бы этого ожидать, ведь он видел, что случилось с его сигаретой в кабинете директора. Но обычно мертвые не горели желанием к нам прикасаться...

Я пошатнулся, как пьяный, и, споткнувшись о собственную ногу, упал на одно колено.

Все — и живые, и мертвые — ахнули.

— Боже мой, — прошептала Лизель.

— Тебе плохо, Киллиан? — направилась ко мне миссис Педерсон.

— Уилл? — Джуни приподнялась на стуле, прижав свой рюкзак к животу.

— Он может видеть нас? Он знает, с каким счетом закончилась моя игра? — спросил Джей.

— Ты как, малыш? Я не хотел тебя сильно толкнуть.

— Он может помочь нам выбраться отсюда? — спросил Эрик.

— Мне нужно, чтобы он поговорил с моей женой, — присоединился к остальным дед Дженнифер. — Она подумывает выйти замуж за старикана-соседа, живущего рядом с нашим домом в Аризоне.

Я накинул на голову капюшон и закрыл уши ладонями поверх ткани. — Мне нужно уйти! — закричал я, перекрывая гомон. Слишком громко, Уилл, слишком громко. Это подтверждали округлившиеся от страха глаза миссис Педерсон. Естественно. Для нее я орал без всякой на то причины.

— Джуни... То есть, Эйприл, проводи Уилла в медицинский кабинет, — приглушенно велела она.

Надо отдать ей должное, Джуни тут же вскочила со стула, чуть не перевернув свой стол. Перебросив ляжку рюкзака через голову, она обхватила мое запястье прохладной рукой.

— Поднимайся. Идем.

Джуни помогла мне встать на ноги. Сквозь звон в ушах ее слова были еле слышны.

Мы прошли по проходу и пересекли класс. Миссис Педерсон отошла за подиум. Каждый из находившихся в классе провожал нас взглядом, пока мы не вышли за дверь. Включая мой призрачный фан-клуб.

— Он — мой, — провозгласила Лизель.

— Не смей нас. Нельзя присваивать себе кого-то в таком вопросе, — отозвался дед Дженнифер.

— Мы с Эриком дольше всех ждали, поэтому мы будем первыми. Ты же помер вроде как пару лет назад.

— Его нашел я, — заметил дед Брю. — Так что вставайте в очередь за мной, особенно ты, цыпочка.

— Мне всего лишь нужно узнать результаты игры. Это же не сложно? Мы выиграли? Ты же должен знать, парень. — Вцепился мне в руку Джей.

— Проиграли, — ответил я, хотя, уверен, он и сам это знал в глубине души.

Джуни повернула голову и уставилась на меня. Ее обрамленное блестящими черными волосами лицо было бледнее обычного.

— Уилл? Ты все еще со мной? — Она была напугана, несмотря на то, что уже видела меня в таком состоянии. Не мне ее в этом винить. Я сам каждый раз пугаюсь.

— Я не верю тебе, — повис на моей руке Джей.

Я пытался стряхнуть его с себя, отчего Джунни оступилась, и ее сильно занесло влево. Она ударилась плечом о край висящих на стене шкафчиков и поморщилась.

— Джун, больно?

Она мотнула головой, но ее глаза заблестели и стали казаться воспаленными из-за наворачившихся слез.

— Ты должен держаться изо всех сил, Уилл. После того, что случилось с Лили... я не перенесу... не выдержу...

— Ты врешь. Врешь. Мы выиграли. Я знаю это, — настаивал Джей.

— Тогда найди в шкафу приз за ту игру и оставь меня, мать твою, в покое, — процедил я и взглянул в умоляющие глаза Джунни. — Я стараюсь. Брюстер не поверил мне и...

— Не вини его в этом, — налетел на меня дед Брю, тесня остальных.

Я уловил краем глаза какое-то движение, и вдруг рядом, отшвырнув со своего пути деда Брю, появился Эван — призрак-уборщик, круглыми сутками намывающий пол.

— Я не хотел никому навредить, — умоляюще запричитал он, вцепившись в мое плечо. — Ты должен сказать им об этом. Те дети... они сами напросились, издеваясь надо мной. И это не давало право судье приговорить меня к смерти.

— Пожалуйста, отцепись от меня, — попросил я.

Но меня послушала только Джунни. С обидой на лице она отпустила мою руку. Без ее поддержки Эван рванул меня к себе, и я опять упал на одно колено. Со всех сторон ко мне тянулись руки.

Я еле сдерживался, чтобы не рухнуть на пол и не свернуться на нем калачиком, защищая себя.

— Джун... — начал я.

— Эй! — закричал женский голос. — Слушайте меня, вы, покойники!

Это привлекло всеобщее внимание. Призраки перестали кричать, ссориться и хвататься за меня и оглянулись. Последовав их примеру, я совершенно неожиданно для себя уставился на пару женских ножек — таких гладких, что они практически блестели. Стройные и слегка загорелые они так и манили к себе прикоснуться. Мое сердце учащенно забилося.

Подняв взгляд повыше, я обнаружил... красные спортивные шортики, белую футболку с большущим следом от шины поперек и переброшенные через плечо светлые волосы. У меня вырвался стон. Алона Дэа.

— Тебе плохо? — опустилась рядом со мной на колени Джунни.

— Нет, просто... — Я покачал головой, глядя на стоящую передо мной руки в боки Алону. Она словно готовилась произнести ободряющую речь в группе поддержки. — Я был уверен, что ты попадешь прямиком в ад.

— Хей! — смерила меня гневным взглядом Алона.

— Я? — пораженно спросила Джунни.

— Что? Нет, не обращай внимания. Не сможешь мне подняться? — Своим появлением и внешностью Алона умудрилась отвлечь с десятков мертвых — ну, чуть меньше десятка — и я хотел воспользоваться этим.

Джунни положила мою руку на свое плечо. Она дрожала.

— Ты новенькая? — спросила Лизель Алону и, повернувшись к Эрику, прошептала: — Должно быть, новенькая.

— А ну все разошлись и нашли себе другой объект для преследования, — командным тоном объявила Алона. — Я его первой нашла.

Ее заявление снова вызвало беспорядочный гомон остальных призраков, но на этот раз он хотя бы направлен был не на меня.

— Ты не можешь...

— Эй, новенькая, некоторые из нас тут ждали...

— ...Я просто хочу узнать, какой был счет.

— Уматываем отсюда, — прошептал я Джун.

Она кивнула, все еще бледная. Мы вместе поднялись и начали обходить скопление призраков. Если Джуни и показалось странным то, как я двигаюсь, огибая невидимые для нее препятствия, она об этом ничего не сказала. Она привыкла к моим неожиданным странным выкрутасам, хотя мы это никогда не обсуждали. Мы о многом не говорили. Иногда так проще.

— Слушайте сюда, — продолжала Алона. — У меня сегодня не очень удачный день, поэтому повторять дважды не буду. Я нашла его сегодня утром. Если он будет кому-то помогать, то мне — первой. Он мой. И точка.

Как только она закончила говорить, по коридору пронесся откуда-то взявшийся порыв ветра, взметнув идеальные волосы Алони и вызвав у меня мурашки. Меня охватило странное чувство.

Я остановился.

— Ты это чувствуешь? — спросил я Джуни.

— Чувствую что?

— Ветер. Он...

Джуни осторожно шагнула в сторону от меня, ее глаза расширились. Она засунула обе руки в свой рюкзак, словно температура резко упала до минуса и это был единственный способ спасти пальцы от обморожения.

— Ты что-то слышишь? — спросила она подрагивающим голосом.

Я отрицательно покачал головой. Мне тяжело было видеть смятение и страх на ее лице.

— Неважно. Забудь. Уходим отсюда.

Но Джуни не двинулась с места. Она не отрываясь смотрела на меня, шаря в рюкзаке в поисках чего-то. Может быть, оставленного дома мобильного? То, что она чувствовала потребность позвать кого-то, потому что боялась меня... причиняло боль.

— Джуни? Я не...

Опять заметив краем глаза какое-то движение, я автоматически развернулся, ожидая еще одно неожиданное нападение уборщика Эвана. Но вместо этого увидел в трех футах от себя черное энергетическое облако. Воздух вокруг него колыхался — как от жара, исходящего из закрытой машины в августовский день. Оно становилось больше, выше и темнее, пока не закрыло собой падающий сверху от ламп свет.

Мое сердце прыгнуло в горло, и стало невозможно дышать. В последний раз я видел его несколько недель назад и, как и множество раз до этого, надеялся, что он будет последним. В том смысле, что он больше не придет за мной, а не в том, что это был последний раз, когда я пережил встречу с ним.

— Уилл? — услышал я будто издалека голос Джуни. — Что с тобой? Ты все еще слышишь... ветер?

Призраки бросились врассыпную. Лизель, крича, убежала, за ней по пятам неслись Эрик. Дед Брю промчался мимо меня — наверное, в директорский кабинет. Джей и большинство остальных просто развернулись и молча прошли сквозь стену со шкафчиками.

Но не Алона. Она стояла как вкопанная, глядя вверх на жуткое облако. — Что... что это такое, Киллиан? — удивительно, но ее голос был почти спокойным, хоть и подрагивал.

«Это» было причиной того, что я знал: Алона Дэа не покончила с собой, какие бы слухи вокруг не ходили. Когда люди убивают себя, вся их негативная энергия — грусть, ненависть к самому себе, страхи, отчаяние — остается. Многие из призраков-самоубийц лишь молча и печально бродят по земле — размытые тени тех, кем они когда-то были. В данном же случае негативная энергия была настолько сильна, что уничтожила в призраке все человеческое, превратив его в энергетическое воплощение одной лишь дикой злости. Никогда больше я с таким не сталкивался, так что мне не пришлось теперь гадать, кто передо мной.

— Привет, пап, — сказал я, пытаюсь не выдать голосом своих чувств. — Зачем пришел?

Глава 5

Алона

«Пап»? Эта отвратная черная штуковина — отец Киллиана? С одной стороны, это объясняет, почему Уилл такой ненормальный, а с другой... черт, а я-то думала, что это у меня дома проблемы.

Скопление темного дыма поднялось и бросилось в сторону голоса Уилла. К несчастью, на его пути стояла я. Меня обдало ледяным воздухом, в кожу словно впились сотни крошечных металлических игл.

Закричав, я попыталась закрыться, но лишь обнаружила, что снова исчезаю — уже пропала по пояс. Закрутив головой, я успела увидеть Киллиана. Оттолкнув Джуни в сторону он стоял, бледный и решительный, твердо глядя на... несущееся на него существо.

Оно обволокло его и с силой швырнуло на шкафчики на левой стене. Голова Уилла тошнотворно громко стукнулась о металл. Он сполз на пол с закрытыми глазами и неподвижно застыл.

Прощай, план «А». Интересно, а мертвым Киллиан сможет мне помочь? Ведь даже умершим он будет знать намного больше обычного...

Почувствовав на шее и лице уже привычное покалывание, я вздохнула. Ну вот...

... снова-здорово.

Я резко проснулась, ожидая вновь ощутить впивающийся в лопатки гравий. Вместо этого я обнаружила, что сижу на заднем сидении незнакомой машины, мчащейся на бешеной скорости и поворачивающей слишком быстро даже для меня.

Что происходит? Сначала меня огорошивали исчезновениями, а теперь — разным местонахождением? Мне это не по душе. Неужели опыт моего четырехдневного посмертного существования совершенно ничего не значит?

Не то чтобы я сильно жаловалась. Проснуться в машине было гораздо удобнее, чем на дороге. А вот лучше ли это, будет зависеть от того, умру ли я — опять? — если мы разобьемся. Мы объезжали главный вход в школу через Улицу Вязов (ну да-да, я в курсе), только что миновав поворот на Хэндерсон-стрит, где меня сбил автобус. Перед кладбищем Святого Павла улица Вязов резко сворачивала вправо, и водители порой, не успев повернуть, врезались в фонарный столб. — Эй, притормозить не хочешь? — крикнула я на темноволосого водителя, лица которого мне не было видно.

К моему удивлению, он полуразвернулся на мой голос, показывая свое лицо. Это была подруга Киллиана, Джуни. Или, как я любила ее называть, Верховная Жрица Боли. Боже, да она проткнула свое лицо булавками!

— Ты как там, Уилл? — нервозно спросила она.

Киллиан? Почувствовав вдруг на своих коленях что-то теплое и тяжелое, я взглянула вниз. О, я опять в носках и кедах... и на моих ногах лежит голова Киллиана! Никогда бы не подумала, что у него такие мягкие волосы... И я их ощущаю. Странно.

— Ну, фу, — я потрясла Киллиана за плечи, изумленно понимая, что могу дотронуться до него. Моя рука касалась его толстовки, ощущала жар и крепость тела под ней. Что ж, это объясняет, как те призраки цеплялись за него. В Уилле точно было что-то необычное, помимо его страсти к уолт-мартовским распродажам (или где он там покупает свою одежду).

От встряски голова Киллиана мотнулась из стороны в сторону, но он так и не пришел в себя. Он лежал, обмякший, на сидении, сбоку на его голове набухла огромная бардовая шишка — я видела ее даже сквозь темные волосы. Нехорошо это.

— Уилл? — снова позвала его Джуни.

Раздался резкий сигнальный гудок и, тихо чертыхнувшись, она повернулась, чтобы смотреть на дорогу.

О Господи! Я только сейчас поняла, где нахожусь. Я еду в Смертельном Жуке. Джуни Трэвис взяла и покрасила миленький старенький Фольксваген Жук в черный цвет, нанеся на дверцы спреем белые черепа со скрещенными костями. Ну ФРИК же! Разве вы не согласны? Что должно твориться в голове у человека, чтобы взять что-то настолько славное и превратить его во что-то настолько отвратно-готическое? Я тоскливо подумала о своем подарке к выпускному — серебряном Фольксвагене Эос Конвертибл, стоящем у папиного дома и ожидающем, когда я вернусь и прокачусь на нем. Я нахмурилась. Если папа еще не продал его...

— Может, очнешься еще разок и скажешь мне, почему я не должна вести тебя в больницу? — спросила Джуни через плечо — слава богу, не разворачиваясь. Если бы она пригляделась, то заметила бы, что голова Киллиана лежит не на сидении, а как бы висит в воздухе. Во всяком случае, с ее точки зрения.

Уилл не ответил. Его голова лежала на моих ногах, а левое плечо утыкалось прямо мне в бедро. Он так устроился, когда я находилась здесь, сама этого еще не осознавая, или он уже лежал, а я случайно материализовалась под ним?

Хм. Что-то слишком много чего происходит случайно.

— Поднимайся, Киллиан. — Я снова потрясла его за плечо. — Сколько бы ты там мозговых клеток не потерял, твоя голова все равно такая тяжелая, что у меня затекла нога.

К тому же, мне как-то неловко. Его голова на моих коленях предполагала близость, которой у меня не было даже с Крисом. При неожиданной мысли о Крисе у меня на секунду перехватило дыхание. Нет, я не хотела выйти за него замуж. Если честно, я вообще не планировала выходить замуж. Мне выпало сомнительное удовольствие в непосредственной близости наблюдать за последствиями развода родителей, и я бы лучше... умерла, чем прошла через это сама. Да, Крис больно много болтал о рестлинге и, кажется, был счастливее всего, когда я молчала, но все же... Я скучаю по нему. По тому, какая гладкая на ощупь кожа у него на шее, по тому, как перед поцелуями он жует жвачку, чтобы пахнуть мятой и свежестью. На мои глаза навернулись слезы. Все это теперь не мое. Теперь он принадлежит Мисти — этой подлой шлюхе.

Я выпрямилась, пихнув голову Киллиана. Она пообещала переспать с ним. В этом все дело?

Уилл застонал и, повернувшись на сидении, лег боком... просунув руку мне под колено!

— Мечтать не вредно! — хлопнула я его по плечу.

— Если ты мне не ответишь, я отвезу тебя в больницу и позвоню твоей маме, — пригрозила Джуни.

То ли в результате моих действий, то ли — слов Джуни, Киллиан очухался. Он не убрал руки из-под моей ноги, но повернул голову и одурманенно взглянул на меня снизу вверх, осоловело улыбаясь.

— Не надо в больницу. Домой, пожалуйста.

Его язык заплетался как у старшеклассницы, попавшей в нежные и заботливые ручки

Бена Роджерса. Чудесно. В таком состоянии он, конечно, тот еще помощничек.

Его веки почти сразу опустились, и тело снова обмякло. И его голова ВСЕ ЕЩЕ лежала на моих коленях.

Джуни на переднем сидении расслабилась, громко выдохнув.

— А я уж начала бояться.

Эээ... начала?

— Ты опять говорил с людьми, которых не было рядом, — произнесла она с нервным смешком. — Я хоть знаю кого-нибудь из них? — Она перевела взгляд на зеркало заднего вида, словно ожидая, что Киллиан сядет и примется с ней болтать. В ее глазах мелькнуло отчаяние. — Уилл? Ты очнулся?

— Ага, ты просто не видишь, как он напряженно пялится сквозь веки, — проворчала я.

— Черт побери, — выругалась она.

Я вздохнула.

— Расслабься, психичка. Если не собираешься везти его в больницу — что совсем не умно с твоей стороны, хотя о чем это я, ты ходишь в спецом порезанных чулках, так что умом явно не блещешь, — то не могла бы побыстрее отвезти его к нему домой, где он, может быть, наконец-то придет в себя и поможет мне? У меня сегодня самый паршивый день за всю мою жизнь. Я серьезно.

Словно услышав меня, Джуни свернула на своем Смертельном Жуке с главной улицы Граундсборо — названной, вы не поверите, «Главной улицей» — в квартал позади почтового отделения. По обеим сторонам дороги тянулись маленькие дома-коробки с крошечными газонами.

Я бывала здесь. Здесь жила Илса, наша наемная уборщица, и давно, еще перед разводом, мама привозила меня сюда поиграть с дочкой Илсы, когда папа уезжал в «командировку», а ей самой нужен был «дневной отдых». «Командировка» расшифровывалась как Джиджи — в то время помощница, а сейчас жена отца, а «дневной отдых» — время, проведенное в компании Джим Бима, Джека Дэниэлса и Смирнова. Иногда мне кажется, что вся моя жизнь состоит из сплошных невидимых кавычек.

У Илсы никогда не переводилось свежее печенье сникердудл, а дом пропах корицей. При воспоминании об этом мой рот наполнился слюной, но в животе не забурчало. В смерти есть и приятные стороны — я могу есть все что хочется и при этом не толстеть. Хотя не так-то просто будет найти пищу, к которой я смогу притронуться и, следовательно, съесть. Об этом тоже нужно спросить Киллиана, когда он решит воссоединиться с миром живых... ну или где мы там находимся.

Бормоча себе что-то под нос, как реальная психичка, Джуни снизила скорость где-то посередине улицы и повернула на дорожку у милого, но обветшалого коричневого одноэтажного дома с белыми ставнями и красной дверью. Справа от него располагался гараж размером чуть ли не с дом. Над обшарпанной, с вмятинами, дверью висело ржавое и погнутое баскетбольное кольцо.

Я бросилась к окну, которое учитывая мой опыт прохождения сквозь металл и стекло, оказалось удивительно твердым. Голова Киллиана соскользнула с моих коленей и тихо стукнулась о сидение.

— Слава богу! — радостно пробормотала я, хотя стоять согнувшись в три погибели было не ахти как удобно.

Джуни припарковала машину позади дома. Нетерпеливо поерзав и развернувшись к

пассажирской двери, я шагнула вперед, готовая испытать все прелести ледяного покалывания при прохождении через твердые объекты... и ударила локтем о подголовник пассажирского сидения.

Какого черта?

— Машина не твердая, машина не твердая, — твердила себе я, но пластик, металл и — посмотрим правде в глаза — асбестовые прокладки не давали мне пройти так же, как если бы я попыталась сделать это в свои прижизненные дни.

Джуни поставила рычаг переключения скоростей в положение «парковка», распахнула дверцу и, выпрыгнув из машины, потянулась помочь Киллиану.

— Уилл. — Уперевшись рукой в край сидения, она мягко потрясла его. — Давай же, приходи в себя. Идем.

Это смешно. Я уже делала это. И смогу повторить. Я сосредоточилась, воображая, что ощущаю под ногами гравий и чувствую запах свежего воздуха, а не сгоревшего масла и старой жестянки. Всего один уверенный шаг вперед и я...

Колено с такой силой стукнулось о закрытую дверцу, что аж вся машина пошла ходуном. Я отступила, схватившись за ногу, и не свалилась на Киллиана лишь благодаря своей супер-координации и умению держать равновесие.

— Черт! — закричала я. — Что здесь творится? — Я выпустила ногу из рук, поморщилась от боли в колене — да, я мертвая, но все еще чувствую боль, где, скажите мне, справедливость? — и, повернувшись, увидела, что Джуни округлившимися глазами смотрит на то, как задница ее драндулета подпрыгивает от столкновения со мной.

— Кто здесь? — слабо спросила она. Ее лицо и так-то было бледным, а теперь с него сошла вся краска. Здорово. Если она решит, что в ее машине призраки или какие-нибудь бесы, то ни за что не сядет в нее и будет торчать в доме Киллиана.

— Бу! — кисло сказала я.

Джуни не дрогнула, продолжая оглядываться. С сильно подведенными глазами и бледным лицом она напоминала перепуганного альбиноса-енота. Я вздохнула.

— Потихе, пожалуйста, — простонал Киллиан, не открывая глаз.

Встревоженная Джуни переключила внимание на него.

— Вставай, я помогу тебе. Идем домой.

— Домой, — пробормотал он.

— Да, домой. — Джуни наклонилась к нему и взяла его за руки. Расставив ноги для упора, она потянула его на себя, усаживая, а затем рывком подняла.

Я думала, что он грохнется и повлечет ее за собой, он же был на фут выше ее, но, видимо, они проделывали такое не впервые. Киллиана качнуло вперед, но он выставил вперед ногу и умудрился устоять, в то время как Джуни пристроилась рядом и закинула его руку на свои плечи — оу, ну прямо украшенный булавками костыль.

После того как Джуни мельком оглядела рядом стоящие дома — очень вовремя, ага, когда уже вышла из машины и была у всех на виду, — они оба побрели к дому.

Слава богу, она оставила дверцу открытой. Если бы не это, то я бы, наверное, застряла здесь навечно. Поразительно, как я продолжаю находить новые круги ада.

Я ступила на землю, радуясь свободе и возможности дышать (или что я там делаю) свежим воздухом, и неторопливо пошла за Киллианом и Джуни. У двери произошла небольшая заминка с ключом — какой ключ, у кого ключ? — после чего Джуни начала копать сначала в своих карманах, а потом — фу! — в карманах Уилла.

Так что... пришлось опять ждать. Вот правда, есть в этой загробной жизни хоть что-то, кроме ожидания? Я со вздохом прислонилась к стене дома... и провалилась сквозь нее.

Перед глазами промелькнули деревянная обшивка дома, гипсокартон и... что это, фортепиано? Я упала на пол — ужасный, коричнево-кремово-мраморный — с грохотом, который не услышала, но почувствовала. Потрясенная, я секунду лежала, пялясь на стоящее передо мной фортепиано и свои ноги, погруженные в него.

Прохождение сквозь стены и тому подобное явно не так легко и просто, как мне казалось вначале. Как так выходит, что я могу случайно провалиться сквозь стены дурацкого дома, и при этом не могу пройти сквозь машину, как бы сильно не концентрировалась? Бессмыслица какая-то.

Если только все зависит не только от меня одной. Может быть, дело в чем-то другом. Например в том, что дом построен из дерева, а не из металла — как машина, и молекулы не так близки друг к другу, поэтому я и прохожу сквозь него с такой легкостью... Понятия не имею. Это еще одна вещь, которую мне предстоит выяснить.

Поморщившись, я подтянула колени к груди, почти ожидая поцарапаться о стену и фортепиано. Но больно не было.

Как только все мое тело оказалось в доме, я перевернулась на бок и вскочила на ноги. Отряхнувшись — без особой надобности, но меня это как-то успокаивало, — огляделась вокруг. Я стопроцентно находилась в гостиной. Телевизора в ней не было, огромное панорамное окно на противоположной стене занавешивали тяжелые шторы. В комнате висело ощущение опустелости, ей явно не пользовались. На фортепиано стояли дешевые, покрытые серебряной краской, фоторамки. Практически на всех фотографиях было изображение мужчины, похожего на Киллиана, но постарше возрастом. Наверное, это его отец. На них он точно не напоминал то темное густое облако, с которым я успела столкнуться.

Слева от меня стояли деревянные стеллажи, заполненные хрупкими на вид чайными чашками и керамическими статуэтками. В качестве украшения имелось и несколько книг в твердых переплетах. Стену справа от меня занимал преотвратительнейший, но прекрасно сохранившийся диван девятидесятых годов в персиково-бирюзовую клетку. Рядом были две одинаковые створчатые двери, открывающиеся в обе стороны, с жуткими деревянными жалюзи. Закрытые. Но это был единственный выход из гостиной.

Словно в подтверждение этому я услышала за ними звук нетвердых шагов и позвякивание ключей. Джуни с Киллианом наконец-то вошли через задний вход и сейчас находились в комнате за створчатыми дверями.

Я поспешила к дверям, но резко остановилась перед ними. Если они окажутся твердыми и я прорвусь сквозь них, то Джуни это увидит. Не меня, конечно же, а то, как откроются двери. Это может ее напугать, но меня беспокоило другое — что она прицепится к Киллиану, требуя объяснений. Поэтому я подождала, пока их неповторимое шарканье немного удалится, и только после этого потянулась к дверям. Моя рука прошла сквозь них. Отлично.

Вслед за рукой все тело без проблем просочилось за дверь, и я очутилась в кухне — оранжевой, с огромными оранжевыми цветами на обоях. Тут что, дальтоник живет? Вовремя я — как раз в этот момент, Киллиан с Джуни, пошатываясь, вышли из кухни через двери, расположенные с другой стороны.

Я последовала за ними, держась на некотором расстоянии. Из кухни мы сразу

повернули вправо, в крохотный коридорчик. Вдоль него, не считая кухни, шли три двери. Этот дом был не из тех, что внутри кажутся больше, чем снаружи.

Идущие впереди Джуни с Киллианом открыли вторую дверь, которая вела — тут без неожиданностей — в комнату Уилла. Не такая уж она и отвратная, как я себе ее представляла. Никакой заплесневелой еды, готических черных красок или постеров Мэрилина Мэнсона. Обычная спальня нормально выглядящего парня: беловато-серые стены, шторы в сине-зеленую клетку, такой же расцветки фланелевое одеяло и белье на односпальной кровати. Слева от постели — дешевый, из серии «собери его сам» книжный шкаф, забитый книгами и комиксами. Справа — тумбочка в том же стиле. По ту сторону изножья кровати — заваленный книгами обшарпанный стол и кресло, отвернутое от него и занавешенное кучей футболок и потрепанных джинсов.

Я сделала осторожный вдох. В комнате пахло свежестиранным бельем и парнем. Не потом, не заношенными в спротзале носками, а приятным, чистым запахом, который я ощущала, целуя шею Криса, когда он забывал побрызгаться одеколоном.

Я это не к тому, что Уилл Киллиан хорошо пах. Нет, нет, нет. Я этого не говорила. Просто его комната так пахла.

— Ложись. — Джуни помогла Киллиану дойти до кровати, и он рухнул на нее лицом вниз.

— Спасибо, Джун, — пробормотал он приглушенно в подушку.

Боже, надеюсь, он не задохнется. Хотя это, может быть, приблизило бы время нашего разговора.

Я постукивала ногой, ожидая, когда Джуни уйдет, но она все стояла, тяжело дыша от только что пережитой нагрузки и глядя на Уилла. Ну да, он не представлял собой неприятной картины.

Комнату заполнил звук его глубокого, ровного дыхания — он не сопел, но уже и не дышал еле слышно, как раньше. А Джуни все не уходила.

Она принялась теребить пальцами булавку на своей губе. Это у нее нервное, наверное. Я поморщилась.

— Мне нужно идти, — наконец сказала она в спину спящему Киллиану. — Если я опять пропущу физру, Хиггинс не аттестует меня, и я не окончу школу. А ты знаешь... — она странновато и тихо засмеялась, — как сильно я хочу убраться из дома.

Оу, мы перешли на новый уровень фрикости.

— Я хочу, чтобы ты был честен со мной, Уилл. Мне кажется, ты обманываешь меня, пытаешься защититься.

Раздался еле слышный металлический стук, и, взглянув вниз, я увидела покотившуюся по паркету булавку. Фу-у-у.

— Ты должен рассказать мне правду, — настаивала Джуни. Судя по ее голосу, она готова была расплакаться. На губе, в том месте, откуда выскочила булавка, блестела капелька крови. — Иначе у нас ничего не получится, а я хочу, чтобы получилось. Ладно?

Я застонала.

— У тебя гордость есть? Это жалко — умолять кого-то, чтобы он тебя полюбил. Умолять Киллиана тебя полюбить, это... я даже слово подходящее не могу найти.

— Знаешь, я же правда люблю тебя. — Она шмыгнула носом и вытерла слезы под глазами, испачкав пальцы черной подводкой. — Мне так жаль, что тебе стало плохо.

— Радуйся, что спишь, — сказала я Киллиану. — Жаль, что я не сплю.

К счастью, признанием Джуни закончила свою трагическую речь. Глубоко вздохнув, она кивнула и, кинув последний взгляд на Киллиана, наконец ушла. Несколько секунд спустя я услышала, как захлопнулась задняя дверь.

Я устало опустилась в кресло. И все это лишь для того, чтобы поговорить с человеком, который мне даже не нравится. Быть мертвой отстойно.

Глава 6

Уилл

Открыв глаза, я наткнулся взглядом на знакомый узор из желтых водяных потеков на потолке. Я дома. В безопасности. В своей уютной кровати. Я смутно помнил, как при помощи Джуни доковылял до ее машины и как она меня вытащила оттуда — и ничего больше. После встреч с тем призрачным и извращенным, что осталось от моего отца, я всегда чувствовал страшную слабость и опустошение, как будто оно вытягивало из меня всю энергию. А в этот раз мне еще досталось и от деда Брю и остальных...

Дед Брю. Директор Брюстер. Исключение из школы. Каждая новая мысль порождала следующую — так одна за другой включаются лампочки, чтобы высветить в конце концов всю картину целиком. Во мне начала подниматься волна ужаса. Я прогулял уроки — пусть даже по важной причине, это не будет приниматься в расчет — меньше чем через час после того, как Брюстер пригрозил мне исключением из школы. И это будет означать звонок моей маме, которая тут же позвонит доктору Миллеру, за чем последует «Добро пожаловать в психиатрическую клинику Ивиторн, мистер Киллиан».

— Черт. — Я резко сел в постели, но через пару секунд снова упал на спину — голову пронзила сильная боль и потемнело в глазах.

— Ну наконец-то. Не знаю, нужно ли у тебя для начала спросить, какой сегодня год, кто у нас президент и тому подобное? — требовательно спросил почему-то знакомый женский голос. В нем прозвучали властные нотки, так что это точно был не голос Джуни, и... — Потому как ведешь ты себя как ненормальный, во всех смыслах этого слова. Хотя, — фыркнул голос, — ты всегда так себя ведешь.

— Нет. Нет, нет, нет. — Этого не может быть. Я отказываюсь в это верить. Но глаза открылись сами собой, и зрение прояснилось достаточно для того, чтобы я увидел Алону Дэа, единственную и неповторимую Алону Дэа, как она Наверное сама себя называла, сидящую в моем кресле на куче чистой одежды, подтянув стройные ноги к груди. Она выглядела бледнее обычного. Что, впрочем, не удивительно для того, кто умер. — Ты здесь.

Она нахмурилась.

— Вот только не надо злиться и брюзжать по этому поводу. Я жажду находиться здесь ничуть не больше, чем ты жаждешь моего присутствия.

— Хорошо. Уходи.

Часы на столе показывали 11:33. Я потерял больше трех часов. У миссис Педерсон было полно времени сообщить Брюстеру о произошедшем, а у Брюстера — позвонить моей маме. Я все еще находился дома только потому, что Сэм — мамин шеф в закусочной — не разрешал на работе пользоваться телефоном. В основном потому, что знал: она будет звонить и проверять меня каждые пять минут. На экстренный случай у меня у самого имелся номер закусочной, а «правило» Сэма дарило мне ощущение хоть какой-то свободы. Мне он нравился из-за этого.

— И так ты обращаешься с тем, кто недавно спас тебе жизнь? — недовольно спросила Алона.

— Он бы не убил меня. Во всяком случае, пока, — мрачно добавил я. — Он просто... напомнил о себе. — Я медленно поднялся, пережидая, когда пройдет головокружение, и только тогда до меня дошел смысл ее последних слов. — Ты спасла мне жизнь? В каком

мире ты, вообще, живешь?

— Отличный вопрос. Как раз об этом я и хотела тебя спросить, — довольно кивнула она.

Я уставился на нее.

— Прости, может быть мне мешает понять тебя травма головы, но... что? — Алона открыла рот, но я покачал головой. — Не отвечай. Забудем. Мне сейчас не до этого. В 12.00 закончится мамина рабочая смена и первым делом она бросится проверять, не пришли ли на мобильный сообщения. Минут десять уйдет на то, чтобы дозвониться до доктора Миллера и объяснить ситуацию, около двадцати минут — на то, чтобы доехать им обоим досюда из города... Да, у меня осталось примерно сорок пять минут свободы. Достаточно времени.

Точно.

Я опустился на колени рядом с постелью, стараясь не двигать головой, и начал шарить рукой за оборкой кровати, которую мама повесила, дабы спрятать от глаз мою вариацию складирования вещей, известную как «запихни все под кровать и надейся, что в ближайшее время это тебе не понадобится». Я искал туристический рюкзак. Мне нужно убраться отсюда на несколько дней, пока все не утихнет. Подождать, пока я не смогу пообщаться с мамой наедине... и придумать — снова — как объяснить произошедшее, не говоря правды. Родители Эриксона, оба адвокаты, всегда в разъездах. Можно спрятаться у него, а они даже этого не заметят. Блин, да, может даже сам Эриксон этого не заметит.

— Я серьезно, Киллиан. — Алона выпрямила ноги и встала. Кресло, шаткое, да еще и на колесах, даже не шелохнулось.

Я бы должен был сосредоточиться на том, чтобы найти дурацкий рюкзак и побыстрее слинять из дома, но вместо этого пялился на то, как она подходит ко мне, загипнотизированный движением ее длинных загорелых ног.

— Где, скажи мне, я нахожусь? Почему ты видишь и слышишь меня? Я мертвая, живая или что-то среднее между тем и тем? Я навсегда здесь застряла? Где яркий белый свет, который должен меня забрать? Как мне его вызвать? И где еда? — Каждый свой вопрос она выделяла поднятием пальцев — один за другим.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я встряхнул головой, проясняя сознание.

— В это трудно поверить, но, по-моему, живой ты меньше раздражала. Ты не слышала, что я тебе сказал? Я не могу сейчас с тобой говорить. Иди явись кому-нибудь другому. — Мои пальцы ухватили лямку рюкзака, и я выдернул его из-под кровати, подняв тучу пыли.

— Поверь мне, я бы так и сделала, если бы могла. Ты потому злишься, что будучи живой я никогда с тобой не говорила.

— Да-да, я прямо тону в волнах сожаления. — Я начал вставать, но вынужден был опуститься на одно колено, вцепиться рукой в матрас и закрыть глаза. От резкой смены позы голова пошла кругом. Мне бы сутки сна, которых у меня не было, и я бы пришел в норму. За последние восемь месяцев — после несчастного случая, произошедшего с Лили, когда я сказал маме и Джуни, что, окончив школу, уеду отсюда, — я встречался с отцом, или тем, что от него осталось, где-то десять-двенадцать раз. Его объявили мертвым в той самой больнице, в которой мы в тот момент находились, и, видимо, какая-то часть его все еще там оставалась.

Я так понимаю, он был недоволен моим решением уехать. Немудрено — в последний наш с ним разговор он заставил меня пообещать заботиться о маме. В тот момент я, конечно

же, не осознавал того, что он имел в виду. А он хотел, чтобы я заботился о ней вместо него, всегда. Для меня это было обычное утро понедельника. Отец поцеловал маму на прощание и сказал мне заботиться о ней, как он делал это сам. Затем отъехал на три мили от дома и поставил машину на рельсы на железнодорожном переезде, где еще не установили заграждения и светофор. Последние полтора года отец работал ремонтником на железнодорожной линии «Southfolk Northern» и прекрасно знал и расписание поездов, и то, что машинист не успеет вовремя затормозить.

Иногда, сразу после произошедшего, я пытался представить, о чем он думал в ожидании поезда. А потом понял, что не хочу этого знать.

— Хей, земля вызывает Киллиана.

Я слышал, как Алона подошла к кровати, матрас в изножье прогнулся под ее весом.

— Ого, — удивилась она. — Странно как.

Она молчала одну долгую блаженную секунду, затем снова заговорила:

— Знаешь, иногда...

— Когда ты рядом со мной, в пределах нескольких футов, у тебя опять появляется плотность и вес. — Я открыл глаза и заставил себя встать. — Ты ощущаешь свое физическое тело так же, как при жизни. Да, знаю.

Я бросил рюкзак на постель и расстегнул молнию на нем.

Алона таращилась на меня, открыв рот.

— Это благодаря тебе? Но как? И я не так уж много вешу, — запальчиво добавила она.

Я пораженно покачал головой.

— Боже, ты все так же ограничена. Тебя даже смерть не изменила.

— И многих она изменила? — Алона подобрала под себя свои стройные ножки. — Судя по тому, что я сегодня видела, больше похоже на то, что она «замораживает» всех в одном состоянии, в том, в котором люди были перед смертью.

Я нахмурился. А она наблюдательна и сделала правильный вывод. Может, Алона не так уж глупа, как мне казалось. Я медленно, чтобы голова снова не закружилась, прошел к креслу и схватил охапку одежды.

Алона заинтересованно перевела взгляд с рюкзака на меня и обратно.

— Куда мы направляемся?

— Никуда. — Вернувшись к кровати, я сунул одежду в рюкзак.

— Правда? — Она во всю длину вытянула ноги на моей — моей! — постели, столкнув округлым бедром рюкзак. Я с трудом сглотнул.

— Это так классно, — с радостным удивлением сказала она — больше себе, чем мне.

— Алона... — начал я.

Она оперлась на локти.

— Послушай, как я это вижу, Киллиан. Или ты поможешь мне и расскажешь то, что я хочу знать, или я буду ходить за тобой везде по пятам. — Алона деланно сладко улыбнулась. Я часто видел у нее такую улыбочку в школе. Ее взгляд был жестким и беспощадным, как и всегда. — Это же так здорово — иметь рядом кого-то, с кем можно говорить... двадцать четыре часа в сутки. Знаешь, я ведь больше не сплю. Во всяком случае, не помню такого. Я никогда...

— Хорошо, — прорычал я. К тому же я был ее должником. Она с удивительной легкостью избавила меня от деда Брю, Лизель, Эрика и остальных. Ну как же — никто не смеет стоять на пути Алоны, когда ей что-то нужно. У такого социального изгоя, как я, есть

одно преимущество — полно времени для непрерывных наблюдений. Как я успел заметить, Алона целеустремленна, уперта, решительна и безжалостна. Если бы школа была зоопарком, она была бы в нем львицей, ведущей охоту на незадачливых туристов, забредших не в то ограждение.

Она изучала людей, находила их слабые места, а затем выбирала, как эффективнее воздействовать на них: хлопала ресницами, расточала сладкие улыбочки, насмехалась или брезгливо приподнимала бровь — это тоже работало. Люди слабы. Были такие, кто делал вид, что им все равно, но хватало пары недель, чтобы в конечном счете они сидели у ее стола, вымаливая объедки. В общем, если вы не Мисти Эванс — ее лучшая подружка и единственное исключение для всемогущей и царственной Алоны, — то вам следует поклониться, пошаркать ножкой и убраться к черту с пути Алоны Дэа.

Это было отвратительно. И все же в глубине души я восхищался ей. Такую уверенность в том, что совершенно точно получишь желаемое, если посильнее надавишь, даже за деньги не купишь. Ну и конечно я слышал бесконечное количество историй о простодушных зеваках, попавших под неповторимое «обаяние» Алоны. Об этом тоже не нужно забывать.

Я бросил взгляд на часы.

— У тебя десять минут, — сообщил я ей.

— Договорились. — Алона снова села, поджав под себя ноги. Интересно, она специально их вытягивала, чтобы покрасоваться передо мной? С нее станется.

— Ладно, первый вопрос. — Она соединила кончики пальцев обеих рук. — Почему ты такой? Почему можешь видеть и слышать меня, а другие — нет?

Легкий вопрос.

— Не знаю.

Алона одарила меня испепеляющим взглядом.

— Но у тебя должны же быть хоть какие-то мысли по этому поводу? Я серьезно. У тебя полно книг о смерти и всякой странной фигни. — Она махнула рукой на книжный шкаф. Она что, совала туда нос? Офигеть. — В них ведь о чем-то говорится, и наверняка у тебя есть теория.

— С чего ты это взяла? — мне немного польстило то, что Алона так думает.

Она пожала плечами и перебросила волосы через плечо.

— А чем тебе еще заниматься, как не думать об этом? У тебя времени вагон, никакой внеклассной работы. К тому же ты вроде как гот и интересуешься смертью. Так ведь?

Алона Дэа, королева оскорбительных комплиментов.

— Вау. Спасибо. Тебе кто-нибудь говорил, что ты приятна в общении?

— Нет, — нахмурилась она.

— Неудивительно. Я не гот.

— У тебя черные волосы и пирсинг, ты все время в черном и ведешь себя как фрик...

— Это натуральный цвет моих волос. У меня всего лишь три кольца в одном ухе. Эта толстовка... — я потянул за ткань на своей груди... — темно-синяя, и я веду себя как фрик из-за призраков, подобных тебе.

Алона закатила глаза.

— Ладно, Киллиан, мне все равно. Значит, ты не гот. Не будь таким ребенком... и не называй меня «призраком», — добавила она хмуро.

— Почему?

— Алё! Я в простыне и с цепями? — драматично воскликнула она, указав на себя.

Ее слова вызвали в голове картинки, не имеющие никакого отношения к призракам. Я потряс головой, прогоняя непрошенные мысли.

— И как тогда тебя называть? Живым мертвецом?

Алона вздохнула.

— Заткнись и давай уже выкладывай свою теорию.

— Ладно. — Я сел на другой конец кровати. Если она заставит меня пройти через все это, то лучше я сохраню силы до момента, когда наш «разговор» завершится. — Самое простое объяснение этому я вижу такое: живые занимают пространственное измерение со своим временем. Когда человек умирает, его энергия переносится из этого измерения в другое. — Я замолчал. — Тебе знакомо понятие «другие измерения»?

— Да, конечно, — солгала она, неловко поерзав.

В ответ на ее движение качнулась кровать, напоминая мне о том, что в моей комнате, на моей постели, всего лишь в футе от меня сидит самая красивая девушка, которую я когда либо видел в реальной жизни. Блестящие волосы, полные губы, длинная грациозная шея и... это что, кружево, под ее почти просвечивающейся белой футболкой со следами шины?

Только в отличие от редких фантазий, которые я смаковал, она не хлопала пушистыми ресницами и не надувала пухлые губки, предлагая сделать «все, что угодно», если я помогу ей сдать итоговый тест по английскому, а, мертвая, вела со мной разговор о жизни после смерти и других измерениях. И все же схожесть с фантазиями слегка шокировала.

— Киллиан? — Алона помахала рукой, привлекая мое внимание. — Ушел в себя, приду не скоро?

Возвращаясь в реальность. Мои шансы с Алоной Дэа, живой или мертвой, равнялись не то что нулю, а уходили в минус. Я прочистил горло.

— Я так думаю, измерения немного пересекаются, и иногда умершие застревают между ними. Примерно вот так.

Я потянулся к тумбочке за какой-нибудь бумажкой и чем-нибудь, чем можно писать. Наткнулся я на чек за «Охотника на людей» и древний, как не знаю что, обломок карандаша. Сойдет.

Я нарисовал два пересекающихся круга, подписал их и протянул чек Алоне.

— Так яснее?

Она долгое мгновение изучала его, затем подняла взгляд и посмотрела мне в глаза. — То есть, ты хочешь сказать, что я застряла тут, — она подняла рисунок и постучала по нему пальцем, — в междумирье. Как в чистилище.

Я поднял руки.

— С религиями — это не ко мне. — Я достаточно повидал мертвых любых верований и не верующих ни во что, чтобы оперировать подобными терминами.

— Ты сказал, что думал — я прямиком попаду в ад, — напомнила она.

Черт, не думал, что она такая цепкая.

— Я имел в виду, что ты уж точно уйдешь навсегда.

Алона опустила руку с рисунком и уставилась на него.

— Этим утром я исчезала два раза и оба раза не знаю, куда. Ничего не помню. Время продолжало идти, а меня просто... не было. — Ее зеленые глаза встретились с моими, в них горел вызов и они блестели больше обычного, словно от готовых пролиться слез. — Хочешь сказать, что, когда я не здесь, я в аду?

— Не знаю. — Я скрестил руки на груди. — Твои волосы при возвращении пахнут

серой?

На лбу Алоны появилась складка.

— Откуда мне знать, как... — ее глаза расширились, когда она осознала смысл моих слов. — Ах ты засранец! — Она бросила в меня рисунок. — Мне не до шуток.

— Я не знаю, понятно? Люди постоянно исчезают в междумирье. Иногда они возвращаются, но в большинстве случаев — нет. — Я нахмурился. — Но обычно у тех, кто застревает здесь, есть незаконченные дела или нерешенные проблемы.

— Ага, и?.. — Ее глаза сузились, словно я был очень близок к тому, чтобы сказать что-то не то.

Я поерзал.

— А какие проблемы могут быть у тебя? — «Кроме той, что ты та еще стерва», — это я оставил при себе, что, кажется, ни капли не помогло.

Ее голова дернулась назад так, словно я дал ей пощечину, губы слегка приоткрылись. Затем зеленые глаза снова сузились, и она соскочила с кровати, со стуком приземлившись на пол. — Значит, у меня не может быть проблем, да? У меня, по-твоему, нет проблем? — Она схватила первую попавшуюся под руку вещь, которая, к несчастью, оказалась моим полузабытым рюкзаком, и швырнула мне в голову футболку. — Ты даже не знаешь меня, ты... фрик!

— Эй! — Я поднял руки, защищаясь.

— Я мертва и застряла здесь. У меня есть проблемы! — В мое лицо полетели джинсы. — То, что все выглядит замечательно со стороны... — Алона шагнула к книжному шкафу, — не значит... — в меня одна за другой полетели несколько книг, и я пригнулся, — что так на самом деле и есть!

Справочник духов Тобина отскочил от передней спинки кровати и грохнулся на пол.

— Осторожно! Ты мне чуть башку им не снесла.

— А по ней кто-нибудь будет скучать? — съязвила Алона, хватая еще одну стопку книг.

— Прекрати! — Я соскользнул с кровати, подальше от линии огня, и поморщился от пульсирующей в голове боли. — Мне жаль, что я так сказал. Прости, ладно?

— Твоих... извинений... не... достаточно, — процедила она сквозь зубы, швыряя после каждого слова книжку. Хорошо хоть брала их только в мягком переплете.

Собравшись с оставшимися силами, я обхватил Алону за талию и оттащил от книжного шкафа, стараясь не обращать внимания на исходящий от ее волос свежий цветочный запах и то, как она извивается. Затем она взбрыкнула и захала одной из своих длинных ножек, которыми я любовался ранее, мне по лодыжке.

Мы рухнули на кровать, издавшую при этом не предвещающий ничего хорошего громкий треск — опять же, не из области моих фантазий.

Глава 7

Алона

Я села, смахнув волосы с лица, и обнаружила под собой Киллиана. Наша с ним стычка — начавшаяся, кстати, из-за его идиотизма — закончилась тем, что я распласталась на его широкой груди, которая к моему удивлению, была шире, чем казалась со стороны. Похоже, темно-синий цвет худит.

Касающиеся меня руки тоже были больше, чем я думала. Я чувствовала жар кожи Киллиана и мягкую ткань футболки, при его дыхании щекотавшую внутреннюю сторону моих бедер.

Без физического контакта можно спокойно пережить три дня — это не такой уж долгий срок, если только при каждом соприкосновении с человеком ты не превращаешься в ледяное трясущееся нечто. Тогда эти три дня превращаются в вечность и... прикосновения к Уиллу Киллиану становятся очень приятны.

Он смотрел на меня снизу вверх, и я заметила у его жутких светло-голубых глаз темный ободок — как у краев горных озер, еще не до конца подернутых льдом. Киллиан нервно облизал губы, обнажив белые ровные зубы, которые я раньше ни разу не видела, потому что он не из улыбчивых. Ну да-да, я питаю слабость к хорошим зубам, и что? Это же не фут-фетиш или что-то настолько же противное. И то, что мне нравится любоваться работой умелого ортодонта, совсем не значит, что мне обязательно понравится человек с хорошими зубами и...

— Эм, Алона? — робко спросил Уилл.

Его вопрос резко привел меня в чувство. Что я делаю? Это же Уилл Киллиан! Я стукнула его по плечам.

— Слезь с меня.

— Это ты сидишь на мне! — воскликнул он.

— Ты все это спланировал. — Я попыталась слезть с него, но он прижимал своим телом мою левую ногу к кровати.

— О да, я все это подстроил, начиная со швыряния в меня тобой книг!

Я на секунду перестала пытаться выдернуть из-под него свою ногу, чтобы зло глянуть на него. — Я бы не стала кидать в тебя книгами, если бы ты не...

Все его тело внезапно напряглось подо мной.

— Ты слышишь? — Его глаза расширились. Он сел, освободив мою ногу, но при этом я сама начала заваливаться на пол. Киллиан поймал меня за руки и, потянув вверх, усадил на свои колени.

— Киллиан, — предупреждающе сказала я.

— Помолчи и дай послушать.

По его голосу было слышно, что он не шутит, и я замолчала. Если вернулась так черная туманная штуковина...

Но все, что я услышала — шум машины. Она вроде бы сворачивала на ближайшую подъездную дорожку. Ничего сверхъестественного в этом не было, но Киллиан, похоже, серьезно испугался.

Он поднял меня со своих коленей и посадил рядом — аха, значит, он еще и сильнее, чем кажется, — забрался на кровать с ногами и, поднявшись, выглянул в окно, расположенное

высоко на стене над спинкой кровати.

— Черт. — Киллиан осторожно опустился на постель, затем встал на пол.

— Что происходит? — требовательно спросила я. — Мои десять минут еще не истекли. — Он же не собирается свалить от меня? — Я задала всего лишь один вопрос, на который ты, между прочим, практически не ответил. Ты мне скормил одни свои догадки.

Проигнорировав меня, Киллиан нагнулся, чтобы подобрать раскиданную мной одежду и снова пихнуть ее в рюкзак.

Я встала на его слегка покачивающейся кровати и тоже прошла к окну, чтобы посмотреть, что происходит на улице. На подъездной дорожке у дома Киллиана припарковался седан уныло-коричневого цвета. Передние дверцы распахнулись. С пассажирской стороны вышла маленькая женщина с такими же темными волосами, как у Киллиана. Даже с такого расстояния были видны ее покрасневшие от слез глаза. В руках она мяла что-то белое — носовой платок или салфетку. Вылезший со стороны водителя низенький плотный мужчина с бородкой обнял ее одной рукой. Он был в пиджаке с кожаными заплатками на рукавах.

— Твоя мама и отчим, — предположила я. — Ну и чего ты перепугался? Напугать тут может разве что жуткий вкус отчима. На нем были стариковские ботинки с толстой резиновой подошвой. Вот уж не знала, что кто-то реально такие носит. Для меня они все равно что бугимен — страшный, уродливый, упоминающийся в легендах, но никем и никогда не виданный.

— Моя мама была всего лишь раз замужем — за моим отцом.

Киллиан застегнул молнию на рюкзаке и закинул его на плечо.

— Ну ладно. — Я соскочила с кровати и последовала за ним из комнаты.

— Тебе нужно уходить. Сейчас же. — Киллиан прошел по коридору мимо кухни к двери, которую я до этого не видела. Видимо, это главный вход в дом.

— У нас был уговор!

Он так резко остановился, что я чуть не налетела на него сзади. Повернулся ко мне лицом. На его бледных щеках выступили красные пятна. Он явно был взволнован. — Тот парень там, — Киллиан ткнул пальцем в направлении двери, — доктор Миллер, мой психиатр. Он хочет упечь меня в клинику за то, что я вижу то, чего не существует. — Поняла?

Не очень.

— Но я же здесь.

— Не для него. И тебе потребуется чертовски много времени для того, чтобы доказать это кому-либо кроме меня. Так что если ты хочешь довести наш десятиминутный разговор до конца, то заткнись и не путайся под ногами, пока я не выберусь отсюда. Киллиан встал у двери и очень осторожно отодвинул дверной засов, поморщившись, когда тот громко и протестующе заскрипел. Очевидно, этой дверью почти не пользовались.

Ничем не прикрытая паника в голосе Уилла смягчила оскорбительные слова и вместе с тем подала мне идею. Я бочком придвинулась к нему.

— Обещай, что поможешь мне.

— Что? — взглянул он на меня. Его ладонь застыла на дверной ручке.

Через стены кухни за нашими спинами послышались голоса. Они доносились с дорожки. Киллиан, видно, рассчитывал, что мама с психиатром войдут в дом через заднюю дверь в тот самый момент, когда он выйдет через переднюю. Это могло сработать, но

правильно выбранное мгновение решало все.

— Если я не могу стать тем, кем была... — а поверьте мне, в то тело, что я видела у судмедэксперта совершенно точно вернуться невозможно, — то я хочу двигаться дальше. Ангелы, арфы, облака, молнии, насылаемые на голову Мисти, пончики трижды в день без боязни потолстеть — я хочу все это. Присутствие здесь лишь... ввергает меня в депрессию. — Я склонила голову на бок и полуприкрыла глаза, посмотрев на Киллиана взглядом, благодаря которому Крис однажды аж в Пеорию поехал купить мне кофейно-мятный латте, когда в Старбаксе закончился мятный сироп. — Я буду вести себя как мышка и не буду мешаться. Только сделай так, чтобы за мной пришел яркий свет.

Уилл покачал головой, натянуто улыбнувшись.

— Я не могу этого сделать.

— Почему нет?

— Это не от меня зависит.

— А от кого тогда? — уперла я руки в боки.

Он не ответил. Склонил голову, к чему-то прислушиваясь, и поднял руку, показывая, чтобы я молчала.

Как бы не так.

— Я серьезно, Киллиан, — продолжала я. — Я не могу оставаться здесь, только не так. Мне нужна помощь. Я бы и сама хотела, чтобы у меня был другой вариант, но... — Ладно, ладно, я тебе помогу, — раздраженно прошептал он. — Только заткнись уже наконец. Пожалуйста.

Меня проняло его «пожалуйста». В голосе Уилла слышалась не только злость, но и страх. Нет ничего приятного в том, чтобы доставать его, когда он в таком состоянии. Что бы вы не слышали, я не из тех, кто любит мучить людей. К тому же я уже добила того, чего хотела.

Поэтому я заткнулась... на время.

Через кухню послышались быстрые шаги и звяканье ключей. Кто-то поднимался по дорожке к задней двери дома.

Киллиан подождал на одну секунду дольше, чем стала бы ждать я сама — все-таки это побег из побегов! — затем повернул ручку и открыл дверь как раз в тот момент, когда его мама засунула ключ в замок задней двери.

Все было бы идеально. Они бы понятия не имели, как давно он ушел из дома, и, скорее всего, даже не стали бы обыскивать двор.

Если бы... когда Киллиан распахнул переднюю дверь, за ней не стоял доктор Миллер с поднятой для стука рукой. Не могу сказать, кто из них был в большем шоке. Один-ноль в пользу бугименских бот.

Я и оглянуться не успела, как Киллиан уже вернулся к себе в спальню. Мне понадобилась всего пара секунд в компании этих трех людей, чтобы понять, что в то время как настоящей властью упечь Уилла в клинику обладал его мозгоправ, правила балом его мама. В отличие от моей мамы она не скулила и ни о чем не умоляла. Она была сломлена потерей мужа и неминуемой потерей сына и изо всех сил пыталась держать себя в руках. Одно ее слово, и Киллиан поспешил подчиниться. С виноватым лицом он уронил рюкзак на пол и послушно последовал за ней. Если бы она протянула ему смирительную рубашку, он бы сам ее на себя с улыбкой надел.

Очаровательно. Во всех известных мне ток-шоу ведущие любят балаболить об

участливых и заботливых родителей, но я думаю, что неплохо было бы поговорить и о тех, что апатичны и не вмешиваются в дела своих детей. Вторым намного легче жить.

В спальне Киллиана я снова устроилась на стуле у стола, приготовившись смотреть шоу. Все-таки я кровно заинтересована в происходящем.

— Куда ты направлялся, Уилл?

Миллер вышагивал туда-сюда возле кровати, в то время как мама Киллиана осталась у двери, видимо не желая мешать великому доктору. Ненавижу психотерапевтов. Большинство из них никчемны. Всегда просят тебя рассказывать им о своих чувствах. А кому это помогает? Это лишь заставляет тебя больше думать и переживать о том, чего ты не в силах изменить.

— Просто куда-нибудь, чтобы подумать.

— Ты хочешь поговорить о том, что произошло сегодня в школе? Миллер вынул руки из карманов. Одну он положил вдоль пояса, а локоть другой поставил на нее, чтобы через пару секунд подпереть кистью подбородок. Боже, этот парень встал из-за стола всего каких-то пару часов назад, а его голова уже не может обходиться без поддержки. Может у него и толстенная резина на ботинках выступает в качестве опоры для башки? Башка-держатель. Здорово. Я закатила глаза.

Киллиан пожал плечами.

— Не о чем говорить.

Миллер нахмурился.

— Директор Брюстер хотел исключить тебя. Я бы сказал, что тут есть о чем говорить.

— Вы говорили с ним? — спросил Киллиан.

Доктор остановился, на его лице промелькнула тень сомнения.

— Я был с твоей мамой в закуской, когда ей позвонили, — сказал он наконец.

Взгляд Киллиана метнулся к матери.

Ох... между его мамой и психиатром что-то есть? Отвратительно.

— Уильям, я волнуюсь за тебя. — Его мама шагнула в комнату, заламывая тонкие бледные руки. — Твое состояние ухудшается и...

— Мам, я в порядке. — Киллиан провел рукой по волосам. Он поморщился, коснувшись шишки на голове, но ничем другим не выдал, что ему больно. — Брюстер снова повел себя как козел. Он взял Марси и...

— Только поэтому тебя и не исключили из школы. И еще благодаря извинениям твоей матери перед директором Брюстером. — В голосе Миллера слышалось недовольство.

Киллиан напрягся, без сомнения представив, как мама умоляла директора не исключать его. Директор был упертым ослом, но еще и наслаждался властью над беспомощными. Самое умное поведение со стороны учеников — уважать Брюстера в лицо и стараться не привлекать его внимания. В чем Киллиан явно не преуспел.

— Все в порядке, — мягко произнесла его мама. — Все было не так уж и плохо. — Она слабо улыбнулась ему.

Но я видела, что ничего не в порядке — во всяком случае, для Киллиана.

— Мы уже говорили с тобой об этом, Уилл, — продолжал Миллер своим спокойным я-психиатр-поэтому-я-все-знаю-лучше-тебя голосом. С каждым вылетающим у него изо рта словом я ненавидела его все больше и больше. Должно быть, он и доктор Эндрюс учились в одном универе. — Музыка должна помогать тебе, но если ты так сильно зависишь от нее...

— Это не так, — запротестовал Киллиан.

Я могла бы сказать ему, что его оправдания не имеют значения. Миллер уже все решил.

Великий доктор подошел ближе. Он опустил руку, чтобы подтянуть брюки и сесть в изножье кровати, но заметил, что она наклонена и левая ее сторона на три-четыре дюйма ниже правой. Упс. Мы сломали кровать.

Миллер, нахмурившись, выпрямился.

— Что здесь произошло?

— Ничего, — ответил Киллиан.

— Он не купится на это, — сказала ему я. — Выдумай что-нибудь.

Он едва заметно покачал головой.

— Джулия, — произнес Миллер, — кровать мальчика сломана.

— Что? — Мама Уилла поспешно приблизилась, бесшумно ступая по полу маленькими ступнями. Ростом и размерами Киллиан явно пошел в отца. — Что здесь произошло, Уильям? — ошеломленно спросила она, уставившись на постель. Если тот страшный диван в гостиной о чем-то говорит, то бедняге Киллиану, вероятно, придется спать на этой перекошенной кровати еще черт знает сколько лет.

— Опять духи? — вклинился Миллер. — Они напали на тебя?

А он хорош! Как здорово замаскировал горячий интерес поддельной заботой.

— Нет, нет. Ничего подобного, — отчаянно замотал головой Киллиан.

— Тогда что? — давил на него Миллер.

Уилл неловко поерзал.

— Это была девушка. — Он умоляюще посмотрел на маму.

— Она напала на тебя? — потрясенно и чересчур взволнованно спросил Миллер.

Киллиан лишь секунду колебался. Затем вытянул руки и с лениво-развязной улыбочкой сложил их за головой. Он выглядел как парень, которому только что перепало. — Ага, думаю можно сказать и так.

— В твоих мечтах, — возмутилась я.

У Миллера вытянулось лицо.

— Ты имеешь в виду реальную девушку.

— А есть какие-нибудь другие, док? — все еще улыбаясь, спросил Киллиан. О да, он у меня получит, когда этот тупой докторишко свалит отсюда.

Мама Уилла озадаченно свела брови. Она таращилась на кровать, наверное пытаясь вспомнить, была ли та сломана, когда она заходила в комнату сына в последний раз. — Когда это случилось? Мне не очень нравится мысль о девушках в твоей комнате.

— Нет, Джулия, общение с ровесниками — это хорошо. Просто давайте ограничим его гостиной. Ладно, Уилл? — Миллер похлопал Киллиана по ноге, — как ему думается (буээ) по-отечески. Потом он выдержал драматическую паузу, отчего меня всю перекосило. Четыре года терапии у доктора Эндрюса научили меня предугадывать, чего и когда ожидать. Покажи крохотный проблеск счастья, что-то, что может увести тебя от регулярных еженедельных сеансов терапии, и берегись.

— Как ты думаешь, что бы сказала на это Лили? — как бы между прочим спросил Миллер.

Улыбка сошла с лица Киллиана, как будто доктор стер ее рукой.

— Кто такая Лили? — спросила я.

— Она была бы рада за меня. Мы были друзьями, — защищаясь, ответил Киллиан.

— Нет. — Я встревоженно встала. — Успокойся. Ты открываешься, позволяя ударить

себя побольнее. — Киллиана что, совершенно ничему не научили сеансы терапии? Такие, как Миллер, кормятся этим.

— Ты прав. Это хорошо. Она бы не хотела, чтобы ты чувствовал себя виноватым. Она бы хотела, чтобы ты был счастлив. Ты не виноват в том, что не ответил на звонок. Слова Миллера и тон, которым они произносились, противоречили друг другу. Мозгоправы мастаки в этом. Понятия не имею, как у них так получается, но это их секретное оружие.

— Она знала, что я не всегда отвечаю на звонки. Я не слышу их, если слушаю в наушниках музыку. Она могла позвонить Джуни, своим родителям, любому, кто мог помочь. В воздухе повисло не произнесенное: «Но она позвонила мне».

Киллиан лежал на постели, обхватив себя руками. Ну здорово. Если в таком духе продолжится и дальше, то он будет так подавлен, что из кровати-то не захочет вылезти, не то что мне помочь. Не знаю, кто уж эта Лили, но она мне все карты путает.

— Хватит тебе. — Раздраженно вздохнув, я прошла и встала с другой стороны кровати. Мама Киллиана нахмурилась. — Ты слышал это? — спросила она доктора. — Как будто шаги.

Киллиан бросил на меня предостерегающий взгляд. Упс.

Доктор Миллер терпеливо посмотрел на нее.

— Нет, Джулия, не слышал.

Я воспользовалась тем, что они отвлеклись.

— Миллер морочит тебе голову, — прошептала я Киллиану — на всякий случай, вряд ли кто-то из них может слышать меня, или они давно бы уже перепугались. — Он хочет, чтобы тебе было плохо, потому что когда тебе плохо, ему платят. — Я на секунду задумалась, а потом добавила: — Это фигурально выражаясь, но ты понял меня. Так что возьми себя в руки.

— Нет, он прав. Лили заслуживала лучшего, а не того, что получила. Она заслуживала лучших друзей.

У меня перехватило дыхание от того, как изменилось лицо доктора Миллера, когда он осознал, что Киллиан говорит не с ним. Что это промелькнуло? Жадный интерес?

— Молодец, Киллиан, — съязвила я. — Сейчас он вцепится в тебя.

Киллиан напрягся и, не глядя на меня, сел на постели.

— Простите. Я хотел сказать, что вы правы, доктор Миллер.

— Уильям, то что случилось с той девушкой... ты в этом не виноват. — Голос его мамы подрагивал.

Ооооо! Вот теперь я заинтригована.

— А что? Что с ней случилось? Она забеременела от тебя? Ты столкнул ее с лестницы? Помог ее злобной двойняшке обманом увезти ее в Мексику и при помощи пластической хирургии изменить внешность? — Хмм. Кажется, дает о себе знать моя любовь к дневному ТВ — спасибо производителю цифровой записи телевизионных программ за этот подарок людям.

Все, включая Киллиана, проигнорировали меня. Вот так сюрприз.

— Я знаю, — глухо ответил Киллиан. Он не верил в это и не ожидал, что они в это поверят.

— Тебе нужно отдохнуть, — сказал доктор Миллер своим покровительственным тоном. — Ночь в Ивиторне...

— Нет, — одновременно отозвались Киллиан с мамой.

Миллер нахмурился.

— Джулия, я настоятельно советую тебе...

Мама Киллина заколебалась.

— Мам, — прошептал Уилл, и я увидела страх на его лице. Между ним и его заключением в клинике стояла лишь она одна.

Затем она расправила плечи, посмотрела прямо в глаза доктору Миллеру, и я увидела женщину, которой она, должно быть, была до обрушившейся на нее трагедии. В эту секунду я даже немного позавидовала Киллиану. Моя мама дралась бы за возможность отправить меня в Ивиторн в надежде, что тем самым привлечет к себе внимание отца.

— Я уверена, что ты согласишься — это единичный случай, спровоцированный директором Брюстером и его издевательствами над моим сыном, — произнесла мама Киллиана. — Он взрослый мужчина, которой должен бы понимать, что нельзя мучить ребенка с проблемами.

Миллер покачал головой.

— Я знаю, что тебе хочется верить...

— Макс, я сказала: «нет».

— Рада за тебя. Хоть у кого-то в этой семье есть хребет, — заметила я.

— Хорошо. — Миллер поднял руки, благосклонно сдаваясь. — Тебе решать. Я на всякий случай принес кое-что, что поможет ему. — Он полез в пиджак и достал оттуда шприц с лекарством, закрытый колпачком. — Это легкое успокоительное. Чтобы он хорошо поспал ночью.

— И проспал половину следующего столетия, — запротестовала я. — Откажись. Ты обещал мне помочь.

Не обращая на меня внимания, Киллиан посмотрел на маму.

— Мне оно не нужно.

Ее губы неприязненно искривились, когда она взглянула на шприц, но она ответила:

— Тебе нужен отдых.

— Седативное после травмы головы? — Любой, видевший хотя бы один сезон «Доктора Хауса», скажет, что это ошибка. — Вы психи. — Пусть мама Киллиана и не знает о шишке у него на голове, но все же...

Киллиан неохотно протянул руку.

Я наклонилась, чтобы дернуть его руку вниз, но мне мешала кровать, и Миллер, годами пичкающий своих пациентов наркотиками, двигался быстрее меня. Игла вошла в руку Киллиана прежде, чем я смогла до нее дотянуться.

Я выпрямилась.

— Ты такой трус. Забираю назад все то хорошее, что успела подумать о твоём теле.

— Ты права, — отозвался Киллиан, после чего озадаченно взглянул на меня. — Что?

— Я сказал, что хочу, чтобы ты поспал, — повторил Миллер громче. Он вытащил иглу из руки Уилла, закрыл шприц колпачком и кинул в карман.

Подернутые пеленой глаза Киллиана нашли мои.

— Что такого хорошего ты думала обо мне? — спросил он одурманено.

— О, забудь об этом, — огрызнулась я.

Миллер попятился, цокая языком. Он кивнул маме Уилла, и они оба вышли в коридор. Я пошла за ними, едва успев проскользнуть в дверь прежде, чем миссис Киллиан ее закрыла.

— Джулия, я не хочу тебя пугать, но с вашей семейной историей...

Она вздрогнула.

Миллер заключил ее в гораздо-более-чем-профессиональные объятия.

— Гнусное трепло. — Я поморщилась, воображая запах его твидового пиджака и курительной трубки.

— Может быть, сейчас все нормально, но мы должны внимательно следить за ним и обращать внимание на малейшее внезапное изменение в поведении. — Он выдержал драматическую паузу, отстранившись от нее, но все еще не убирая с ее плеч своих удивительно толстых и коротких пальцев. — И учитывая произошедшее, мы должны вновь вернуться к вопросу о госпитализации...

— Ему становится лучше, — твердо сказала мама Киллиана, как будто одной силы ее слов достаточно для того, чтобы так оно и было.

О боже, я не могу на это смотреть. Это трепло за неделю упечет Киллиана в психушку, и я тут абсолютно бессильна.

— Я знаю, знаю, и, может быть, ты права и это единичный случай, но последние восемь или девять месяцев... Я беспокоюсь, Джулия. Волнуюсь за вас. — Он снова обнял ее, чуть ли не сминая худенькую фигурку своими телесами.

— Гнусные убудки, вот они кто! Очнись же, Джулия! — закричала я ей.

Полная отвращения, я прижалась к стене, чтобы пройти мимо них. И что мне теперь делать? Мой блистательный ум нашел лишь один выход, и тот сейчас лежал в отрубе, скорее всего, пуская слюни в подушку. А то, что я успела выяснить, мне ни черта не помогло.

Я беззвучно протопала по коридору на кухню, а оттуда в гостиную, где плюхнулась на клетчатый диван. Несмотря на его жуткую выколи-глаз расцветку, он был довольно удобным. Может, поэтому его оставили, забив на чувство вкуса и цвета?

Мне нужен план. Киллин выбыл из игры на неопределенное количество времени. Уговор, не уговор, но он не будет рисковать и помогать мне, если на карту поставлена его свобода. И я даже не могу его в этом винить. К сожалению, остальные встречавшиеся мне мертвые люди понятия не имеют, как отсюда выбраться, иначе они давно бы уже сделали это сами. Так что я сама по себе. Ничего страшного, я предоставлена самой себе с тринадцати лет. Хотя оплата счетов и поддержание матери в достаточно трезвом состоянии для посещения родительских собраний раз в семестр не равносильны решению судьбы моей бессмертной души. Ладно, пофиг. Я справлюсь. Я всегда добиваюсь желаемого, тем или иным образом. Нужно просто стоять на своем до последнего. «Выигрывает тот, кто выбывает из игры последним», — написано на одной из моих чирлидерских футболок.

Начнем с самого начала. Мне нужна ручка и бумага. Когда все записано, оно кажется более решаемым. Меня, знаете ли, трижды выбирали королевой бала не без усилий и планирования с моей стороны. Я импульсивно вскочила с дивана. При этом движении одна моя нога погрузилась в прислоненный к дивану потрепанный, коричневый, кожаный портфель.

Миллера. Должно быть, он его принес. Портфеля не было здесь, когда я впервые зашла... ну, ввалилась сюда. Основной карман на молнии был растянут кипой манильских папок и блокнотов, впихнутых туда неровно и под странными углами. Нейлоновый ремень обтрепался по краям и разлохматился. Портфель походил на какое-то полусжеванное чудное существо.

Я улыбнулась. Отлично. У хороших мозгоправов всегда полно ручек. И если немного сосредоточиться...

Опустившись на колени, я сконцентрировалась на портфеле, представляя, как ощущаю пальцами потертую кожу и прохладный металл молнии.

Портфель-существо шлепнулся на бок, выплюнув часть содержимого. Из него выкатились дорогие толстые ручки и посыпались папки. Я потянулась за наименее потрепанным блокнотом... и моя рука прошла сквозь него.

— Черт.

Еще одна попытка — результат тот же. В следующий раз я сосредоточилась на мысли о том, что блокнот твердый, и смогла коснуться его угла, но лишь на долю секунды.

— Ну и фиг с ним. — Если без Киллиана под боком, с его шаманством или чем там, настолько трудно взять в руку блокнот, то о том, чтобы держать ручку, да еще и писать ей, можно забыть. — Как же отстойно, — громко сказала я.

Ладно. Значит, придется обойтись без ручки и бумаги. Я все еще могу продумать стратегию в своей голове. Я уселась на полу, скрестив ноги. Киллиан сказал, что все дело в каких-то нерешенных проблемах. После чего заявил, что у меня никаких проблем нет. Много он знает.

Но как в моем состоянии можно что-либо решить? Кроме Киллиана никто не видит и не слышит меня, и сверхъестественных способностей — типа явления людям в снах — я не обрела. У меня есть способность проходить через твердые объекты, но в данной ситуации она совершенно бесполезна.

Я подтянула колени к груди и обхватила ноги руками. Глаза обожгли внезапные и непрошенные слезы. Такое ощущение, что это какой-то несправедливый тест. Да, можно попасть в рай, но только если совершить невозможное. В противном случае ты застрял здесь... навечно. Один.

Нет. Я покачала головой и выпрямилась. Я не сдамся. Должен быть способ выиграть. Я всегда выигрываю.

Задумавшись, я поймала себя на том, что грызу ноготь. Мертвая я или нет, неровные, с облупившимся лаком ногти, недопустимы.

Если бы Киллиан не был в отключке, то я могла бы передать послания через него. Я представила, как он идет к Крису и сообщает ему о том, что его мертвая подружка очень недовольна им последнее время. Мда, после этого Уилл и в самом деле окажется на больничной койке.

Я пялилась на опрокинутый портфель Миллера и бардак из папок, тетрадей и бумаг передо мной, когда мне в голову пришла идея. Может быть, я мыслю слишком буквально. Передача посланий из загробной жизни, пусть она и не-то-что-бы-загробная и не-то-что-бы-жизнь, должна быть изошренной.

Я мысленно сконцентрировалась на лежавшей сверху папке и толкнула ее. Она соскользнула с бумажной горы на пол. Там двигать ее маленькими толчками оказалось еще легче. Чтобы добиться нужного, мне понадобится еще пять-шесть таких папок.

К счастью, Миллер из тех, кто много болтает — неудивительно, у него работа такая. Он с мамой Киллиана шел по коридору в сторону кухни, но остановился, чтобы продолжить пудрить ей мозги, и занятая своим делом, я слышала обрывки их разговора.

— ...советую тебе обдумать это, Джулия.

— Я благодарна тебе, Макс, правда. Но он мой сын и...

— Что, если бы во время последней панической атаки он был за рулем? Ты думала об этом?

Джулия ответила ему так тихо и сердито, что я не услышала сказанное ей. Молодчина. Психиатры не истина в последней инстанции. Иногда они просто вытягивают деньги.

Запыхавшись от приложенных усилий, я подтолкнула на нужное мне место последнюю тетрадь — для пушего эффекта я использовала и папки, и тетради — и отступила, чтобы полюбоваться на дело своих рук. Мило, но, может, стоило это как-то похудожественней оформить?

Снова встав на колени, я столкнула еще одну папку. Только эта, более тяжелая и толстая, чем остальные, не соскользнула на пол, а упала, рассыпав все свое содержимое. Верхний документ был похож на письмо, а остальные... на главы из книги? Аккуратные печатные листы с диалогами и заголовками...

Я наклонилась ниже, чтобы рассмотреть, что это. Письмо сверху было от издательства «Page Seven Books» и адресовано доктору Миллеру.

«Уважаемый доктор Миллер,

Мы крайне заинтригованы частью вашей книги „Мертвые не говорят“. Нам понравился запретный роман между психиатром и мамой несчастного мальчика, и хотелось бы знать, действительно ли молодой Билли видит призраков, или он душевно болен. Его отец покончил с собой или был убит теми же самыми призраками, которые преследуют теперь его сына? Мы так же считаем, что у вас, как у психиатра, великопное поле для исследования таких случаев.

Пожалуйста, пришлите нам полный текст сразу же, как только сможете.

С уважением,

Роджер Филлмор, Главный рецензент».

О боже! Это невероятно. Миллер превращает свою собственную жизнь в книгу. Неудивительно, что он так стремится упечь Киллиана в клинику. Ему нужно написать конец. Я уж молчу о том, что он в открытую сообщает о соблазнении мамы Уилла. Мерзость!

Я спихнула письмо, чтобы почитать главы под ним, но услышала приближающиеся голоса.

— Я заберу портфель и поеду. Меня ждут другие пациенты, — сухо сказал Миллер. Похоже, мама Киллиана поставила его на место, по крайней мере — сейчас.

Я с усилием запихала письмо от издательства и первую главу книги под диван. На большее мне времени не хватило.

Пройдя через кухню, Миллер вошел в гостиную и встал как вкопанный, увидев перевернутый портфель и его рассыпанное содержимое.

— Что?

Затем он повернулся и увидел мое послание. Две манильские папки изображали глаза, третья служила носом. Пять тетрадей с черно-белыми обложками были выложены в форме зловещего — насколько этого можно было добиться с помощью бумажной продукции — оскала. В общем, с пола гостиной на него смотрела сделанная из его же тетрадей и папок гигантская страшная рожа.

Миллер побледнел, и я рассмеялась.

— Д-д-джулия, — запинаясь позвал он.

— Что? — Мама Киллиана, недовольная, появилась в дверях и тут заметила мое

художество. У нее открылся рот и, видимо, ослабли ноги, так как она вынуждена была прислониться к стене.

Я поморщилась. Этот удар предназначался Миллеру, а не ей.

— Это ты сделала? — требовательно спросил Миллер.

— Идиот, — сказала я ему. — У нее было на это время? Она была с тобой, забыл что ли?

Но миссис Киллиан не могла мыслить ясно. Она выглядела так, словно вот-вот потеряет сознание. — Это Дэнни, — произнесла она. — Он всегда так шутит, передвигает вещи. Однажды я нашла кухонный таймер в морозилке. Он клялся, что не делал этого, но... — Она опустилась на колени и заплакала.

— Не глупи, — рявкнул Миллер. — Твой муж мертв. Он ушел на небеса. Это не он забавляется передачей посланий при помощи тетрадей. Если это не твоих рук дело, значит, того парня. — Он зло глянул в направлении комнаты Киллиана, хотя не мог видеть ее сквозь стены.

— О да, ведь после той наркоты, что ты ему вколол, он ухитрился просочиться мимо тебя по коридору, сделать это и прокрасться к себе. А ты даже и не заметил. — Я закатила глаза.

Джулия вздернула подбородок и вытерла ладонью щеки.

— Ты дал ему снотворное, Макс.

— Это смешно. — Он схватил портфель и принялся засовывать все туда. — Призраки — плод людского воображения. Они создаются им, чтобы помочь пережить потерю. Вот и все. Точка. — Но его руки дрожали, когда он, наклонившись, собирал тетради и папки, изображавшие страшную рожу.

— Ох, Макс, смотри не напортачь с концовкой книги, — съязвила я. — Тебе все еще нужно ее дописать.

Он бросился к кухне, чуть не сбив с ног маму Киллиана.

— Когда следующий сеанс терапии? — спросила она, всхлипывая.

— Я тебе позвоню, — отрывисто кинул он.

Хлопнула задняя дверь. Плечи мамы Уилла поникли и затряслись от рыданий.

— Вы должны верить сыну, — сказала я ей. — Он говорит правду. — Радость от моего первого успешного «общения с живыми» чуть померкла. На самом деле, я ощущала легкое головокружение и слабость, почти как утром, когда...

Я опустила взгляд и обнаружила, что вижу сквозь сложенные на груди руки. Точнее, я через себя отлично вижу стоящий позади меня стеллаж.

Вот черт.

Глава 8

Уилл

— Ты знал об этом? — голос мамы вторгся в сон, в котором большой анимационный баклажан по имени Боб балансировал на краю утеса с мыслями о самоубийстве и пармезане.

Я медленно выплывал из сна, не открывая глаз. Веки опухли и слиплись, в голове пульсировала боль, и спина ныла от долгого сна без движения. Сквозь сомкнутые веки я чувствовал, что солнце, сияющее сквозь открытые шторы, теплее и ярче, чем вчера. Должно быть, уже утро.

— Уильям, я с тобой разговариваю. Просыпайся! — В голосе мамы слышались непривычно резкие нотки.

Я потер веки и, шурясь, посмотрел на маму. Она стояла в изножье моей перекошенной кровати с какими-то бумагами в руке.

— О чем ты? — пробормотал я.

— Об этом! — Она шагнула ко мне и потрясла листами перед моим лицом.

Сверху оказалось письмо, адресованное доктору Миллеру о его книге.

Я выпрямился, не обращая внимания на боль в спине и голове.

— Он пишет о нас книгу? Где ты это нашла? Это он дал тебе?..

— Нет, нет, — покачала она головой. — Я нашла это вчера под диваном, убираясь после выкинутого тобой фортеля.

Насчет уборки все понятно. Мама всегда убиралась, когда была расстроена. За год после смерти отца она сменила три пылесоса. А вот что касается всего остального...

— Какого фортеля?

Она поправила листы в руке и нервно рассмеялась.

— Ох, даже не пытайся меня обмануть, я тебя слишком хорошо знаю. И потом, твой отец точно так же любил подшучивать надо мной. Прятал вещи, когда я не видела, и утверждал, что ничего не знает об этом.

Алона. Я плюхнулся головой на подушку. Это, должно быть, она. Вчера, насколько я знаю, кроме нас здесь была только Алона.

— И как же я вчера подшутил над тобой? — осторожно спросил я.

— А то сам не знаешь! Рассыпал по всей гостиной бумаги доктора Миллера и выложил из папок и тетрадей страшное хмурое лицо. Он заметно испугался. — Она опустила взгляд на листы в своих руках и недовольно поджала губы. — На мой взгляд, заслуженно.

— А, — отреагировал я. — Ты об этом.

Ничего себе. Алоне, наверное, пришлось потратить немало сил, чтобы переместить все вокруг, не находясь рядом со мной. Мертвые в нашем мире могут лишь едва касаться вещей, и то при колоссальном напряжении, практически истощающем их. Отсюда и падающие со стен картины, хлопанье дверей, выключение света во всех историях про призраков.

Мама села на краешек кровати, скрестив ноги на полу, чтобы не соскользнуть.

— Это же был ты? — спросила она неуверенно. — Каким-то образом узнал о книге и захотел его наказать? Позвонил подружке, чтобы она пришла, пока мы находились наверху. Может быть, Джуни. Задняя дверь была не заперта все это время, я проверяла.

Ей так хотелось верить в то, что произошедшему есть простое объяснение, что призраки или сверхъестественные силы тут совершенно не при чем. В голове эхом пронеслись слова

отца, сказанные, когда мне было шесть лет: «Она не понимает. Она не хочет понять, Уилл. Это пугает ее». Мы ждали маму в машине, и папа барабанил пальцами по рулю. Мама плакала в уборной. Я только что испортил семейный ужин в ресторане, заявив, что бабушка Рейли посчитала, что не стоит заказывать рыбу, потому что та выглядит несвежей. Бабушка Рейли — мама моей мамы — умерла за полгода до этого от сердечного приступа. «Это проклятие, малец, и мне жаль, что я передал его тебе. Сделай все, что сможешь, чтобы жить нормальной жизнью, и постарайся не причинять боли тем, кого любишь. Это все что я могу сказать».

А вот с этим-то мой отец как раз и облажался. Не знаю, как бы отреагировала мама на новость о том, что ее муж говорит с мертвыми, но готов поспорить, что она предпочла бы «это» его смерти. И все же он — мой папа, и он ушел, поэтому я стараюсь изо всех сил выполнить то, что он хотел.

— Да, — ответил я маме. — Это был я.

Она громко выдохнула с облегчением.

— Я так и думала. Почему ты просто не сказал мне, что происходит? Для чего вся это инсценировка и драма?

Хороший вопрос. Алона могла бы просто рассказать мне о том, что обнаружила, когда бы я очухался от лекарств, которыми позволил накачать себя, несмотря на ее протесты. Ее выходка — вполне разумный ход, если она сомневается в моей способности самому разобраться со своими проблемами. Но это не объясняет ее внезапного сопереживания. На нее это непохоже, вот в чем загадка.

— Я думал, ты не поверишь мне, если у меня не будет доказательств, — сказал я маме. Достаточно разумное объяснение.

Она вздохнула.

— Ты меня так в могилу загонишь. В следующий раз просто поговори со мной.

— Хорошо, хорошо.

Она встала и направилась к двери.

— А что ты собираешься делать с доктором Миллером?

Мама вдруг показалась мне очень усталой.

— Не знаю. Ты больше не будешь лечиться у него. Думаю, нужно рассказать о том, что он вытворяет, и получить рекомендации к другому врачу.

Это, конечно, хорошо, но мы обратились к Миллеру, потому что он недорого берет, и потому что только у него всегда есть время для нового клиента. Теперь стало ясно, почему.

Какой козел. Хотел бы я видеть его лицо, когда он заценил работу Алоны. Это было очень умно с ее стороны, особенно учитывая то, что она умерла совсем недавно. Похоже, за красивым личиком и сволочным поведением она скрывала недюжий интеллект. Видимо раньше она пользовалась им в основном для состязаний в популярности, вероломства и саморекламы. Ее действия против Миллера, совершенные для моего блага или просто ради развлечения, дали мне отсрочку, в которой я нуждался. Потребуется несколько недель, возможно даже месяц, чтобы найти и назначить прием у другого психиатра, так что вчерашнего инцидента в ближайшее время не повторится, и у меня уже есть план, как избежать подобного в дальнейшем. Если Алона согласится. Но я даже не сомневаюсь, что найду, чем ее простимулировать.

Я отбросил одеяло и встал с кровати. Со смерти отца не чувствовал себя так хорошо.

Мама пораженно открыла рот.

— Куда это ты собрался?

— В школу. Ты говорила с Брюстером, так что я могу вернуться, да?

Я пересек комнату, чтобы отыскать в висящих на кресле и, благодаря Алоне, разбросанных по полу чистых вещах футболку и боксеры.

— Уильям, тебе не нужно ничего доказывать, — мягко сказала мама.

— Все в порядке, мам. Я справлюсь.

Я быстро проверил на чистоту свою любимую черную футболку, нюхнув подмышки. «Никакой ложки нет» [\[1\]](#), — написано на ней простыми печатными буквами. Никто эту надпись не понимает, но мне она всегда напоминает о том, что реальность не так проста, как кажется.

— А что насчет Марси? И твоей музыки? — нахмурилась мама. — Брюстер отстранил тебя от общих занятий до конца недели.

— Не волнуйся. Со мной все будет хорошо. У меня есть план.

Закрывающийся в том, чтобы подкупить нуждающуюся в моей помощи мертвую королеву бала.

Я чмокнул встревоженную маму в щеку и направился в душ.

Алона Дэа умерла во время физкультуры на середине Хэндерсон-стрит примерно в двадцати футах от школьной территории. Ни для кого не тайна, что спортивные занятия, проводящиеся перед началом всех уроков прогулять проще простого, если перед этим показаться в школе, как это сделала в тот день Алона.

Ходят слухи, что пришедшая в школу Алона, убежала оттуда в такой спешке, что даже не смотрела по сторонам. Правда так же говорят, что она никогда не смотрела, куда идет, ожидая, что все вокруг должны уступать ей дорогу. Так что виноваты в несчастном случае ее собственные заносчивость и надменность. Подозреваю, что считающие так, хотят сочинить из всего этого поучительную историю, примерно с такой моралью: «Смотри по сторонам, когда куда-нибудь идешь. И не будь такой сучкой».

Другие шепчутся о суициде, показывая на ее парня — Криса Зебровски, который прилюдно целуется врасос с Мисти Эванс, лучшей подружкой Алоны. Кто-то из их же дружков заявил, что видел собственными глазами, как Алона с Мисти выясняли отношения, после чего Алона убежала из школы.

Те правы или другие — не знаю, но результат мы имеем такой: Алона мертва, Крис с Мисти при всех обжимаются, когда с похорон Алоны прошло всего ничего времени, и населению школы Граундсборо есть о чем пошептать и посплетничать по меньшей мере парочку-тройку недель.

Я припарковался на обочине Хэндерсон-стрит, рядом с теннисными кортами, включил аварийный сигнал и приготовился ждать. Алона не покончила с собой, я это знал. У этой девчонки гонора и самоуверенности хватит на десятерых. Однако она умерла жуткой неестественной смертью, что скорее всего означает, что она привязана к месту гибели. В данном случае — к середине Хэндерсон-стрит. Хотя кровавые пятна давно уже оттерли, что-то тут осталось такое, что продолжает звать ее сюда снова и снова в то же самое время, когда она умерла. Чтобы убедиться в том, прав я или нет, мне нужно подождать всего лишь несколько минут.

Мимо проезжали направляющиеся в школу машины, из их окон на меня таращились люди. Плевать. Наверное, все уже слышали о том, что случилось вчера, и пялились на меня и поэтому тоже. Я опустил окно и достал из кармана мобильный, делая вид, что у меня

сломалась машина и я жду эвакуатор.

— Хей, Уилл Килл!

Я машинально поднял глаза в ответ на дурацкое прозвище, навешанное на меня кем-то из элиты.

На меня смотрел Бен Роджерс, вытащив голову из открытого окна своего Лэнд Ровера.

— Забыл, где проходят уроки, фрик? В школе.

Я так натянуто улыбнулся, что аж щеки заболели.

— Правда? Вот спасибо.

Ублюдок. Я в миллионный раз подивился тому, что такого обворожительного Лили находила в нем и таких, как он.

Роджерсу посигналили сзади, ожидая, когда он повернет на школьную стоянку.

Недовольный тем, что я никак не отразил его выпад, Бен втянул голову в салон и резко дал по газам. Автомобиль, визжа покрывками, повернул на стоянку.

— Боже, ненавижу, когда он делает так, — вдруг прямо возле уха раздался голос Алоны. Я подпрыгнул. — Он что, возомнил себя Джонни Ноксвиллом из «Придурков из Хаззарда»? Вот уж черта с два он на него похож.

Я повернулся и обнаружил ее на пассажирском сидении. Алона, широко зевая, потягивалась, вытянув руки над головой. Ее явно не трогало столь неожиданное и внезапное пробуждение.

— Ты чего здесь делаешь? — спросил я. — Ты умерла там, — ткнул я большим пальцем на дорогу.

Она опустила руки и сверкнула на меня глазами.

— Спасибо, мистер Очевидность, я в курсе. Только откуда мне знать? Вчера после исчезновений я постоянно просыпалась в твоей комнате. И это бесило. Все время приходилось ходить и ходить. И еще... Ты храпишь.

— О чем ты? — вытаращился я на нее.

Алона проигнорировала мой вопрос.

— А что здесь делаешь ты? — спросила она, нахмурившись. — Я думала, что ты уже лежишь спеленутым в дурке.

Я задержал дыхание и, прежде чем ответить, сосчитал до пяти. Это настоящая Алона, во всей своей красе. Она не хотела оскорбить и... да ни хрена, именно что хотела.

— Ты помогла мне, и я приехал тебя поблагодарить, — процедил я сквозь зубы.

Она снова нахмурилась.

— Ты о том, что я напугала башку-держателя?

Я озадаченно поднял брови, и Алона деланно задумчиво кивнула, подперев рукой подбородок и постукивая по нему двумя пальцами.

В который раз изумленный ее умом и находчивостью, я с улыбкой покачал головой.

— Да, об этом.

Алона кивнула.

— Из тех, что я видела, он худший из худших.

Я поморщился.

— Мы нашли письмо о его книге. Ты его нам оставила?

— Он говнюк, — пожалала плечами Алона. — Я подумала, что тебе стоит об этом знать.

— Спасибо, — осторожно поблагодарил ее я. Так значит, она оказала мне услугу? Может быть, она и не настолько плоха, как кажется. Может быть.

Алона глубоко вздохнула.

— Уху. Не за что.

Она опустила голову, ссутулилась и вытянула перед собой свои длинные ноги. Я прочистил горло, пытаясь оторвать от них свой взгляд. Ну что я могу сказать? Обожаю красивые ножки. — Что случилось?

— Помимо очевидного? — взмахнула она перед собой руками. — Не знаю. Я думала, что вчера все поняла.

— Что поняла?

— Что нужно сделать, чтобы... двигаться дальше, найти свет или что там. — Она драматично помахала руками.

— И это?... — Если она нашла способ исправить свою ситуацию, то мой план шел насмарку. Тогда я ей не нужен, а Алона Дза не оказывает услуг за просто так. По крайней мере, я так думал до сегодняшнего дня.

Раздался автомобильный гудок. Алона автоматически взглянула вверх, и ее губы начали изгибаться в улыбке, а рука — подниматься для взмаха... пока она не осознала, что никто ее не видит. Улыбка сошла с ее лица, рука упала на колени.

— Это невыносимо, — пробормотала она.

— Так что ты поняла? — спросил я, пытаясь быть терпеливым.

Алона развернулась ко мне, подобрав под себя одну ногу.

— Ладно. Я подумала о том, что ты сказал мне вчера и... Тебя не волнует, что подумают люди, видя, что ты болтаешь сам с собой?

— Вообще-то я...

Она подняла руку.

— Не продолжай, это неважно. Они и так думают, что ты псих. Наверное, болтовня с самим собой для тебя обычное дело.

Сжав челюсти, я показал ей мобильный в руке.

— Спикерфон.

Алона выгнула бровь.

— В этом старье есть спикерфон?

— Нет, но они, — я махнул рукой на сидящих в машинах людей, ждущих у стоп-линии когда можно будет повернуть, — не знают об этом. — Мобильные со спикерфоном или, еще лучше, с блютусом — прекраснейшее изобретение, позволяющее лично мне делать вид, что я говорю с кем-то, кого никто не видит. Для всех стало настолько привычным видеть человека, говорящего в воздух, что в половине случаев никто даже не посмотрит, есть ли у него телефон. И мне не нужно выдумывать не очень правдоподобную ложь. Как-то раз в шестом классе мама застучала меня болтающего с самим собой, и мне пришлось солгать ей, что я учу свою роль для спектакля. Папа-то знал в чем дело, а вот мама полгода мучила меня вопросами, когда же будет показан спектакль и может ли она купить билеты на него.

— Вот как. — Алона задумалась на секунду. — Очень умно.

Я воздержался от саркастического ответа. В настоящий момент я нуждался в ней и не хотел, чтобы она сбежала.

— Так что ты там поняла?

— Ах да. — Она тут же оживилась. — Я думала о том, что ты сказал, о решении моих проблем и переходе в духовный мир. — Алона сделала акцент на выбранном термине и стрельнула в меня предупреждающим взглядом.

Я невинно поднял руки, показывая, что не собираюсь возражать. Не хочет, чтобы ее называли призраком? Ладно. Мне все равно. Даже если она им и является.

— Вот только у меня ничего не вышло. Я пыталась общаться. Ну, знаешь, знаками показывала свое присутствие, опрокидывала вещи...

У меня отвисла челюсть.

— Ты пугала людей?

— Нет, я пыталась общаться. И я не виновата в том, что они перепугались. К тому же, они это заслужили, — сказала она, защищаясь.

— Когда ты делала это? — резко спросил я.

— Вчера, когда ты был в стране грез и фантазий.

Я потер лоб. Это чудо, что она все еще здесь. Ничто не истощает так призраков, как попытки причинить кому-либо вред. И когда энергии у них остается совсем чуть-чуть, они исчезают... навсегда.

— Что именно ты сделала?

— А тебе какое дело? — огрызнулась она.

— Просто скажи мне. — Мне нужно было знать, сколько энергии она потеряла. Она может в любую секунду исчезнуть на веки-вечные, и тогда прощай мой план.

Алона поддела одним ногтем другой ноготь.

— Ну, среди прочего, я побывала в гостях у бывшей подружки и перевернула парочку вещей, пока она обжималась с... — она скривилась от отвращения, — со своим новым бойфрендом.

— Крис и Мисти. — Я вздохнул. — Это не они твоё незавершенное дело.

— Откуда ты знаешь?

— Оттуда, что насколько я понял, ты даже не знала о них до вчерашнего дня. То есть, ты узнала о них только после смерти, когда уже застряла здесь. — Я видел, что ей не хотелось верить мне. — Ладно, проехали. Ты напугала их?

На ее губах появилась самодовольная улыбка.

— Ага, немного. — Алона помолчала, затем наклонилась ближе ко мне, вся напряженная от возбуждения. — Это было непередаваемо. Я хотела скинуть фотографии с собой, чтобы они поняли, что это я. — Она нахмурилась. — Но там почти не осталось моих снимков, так что я столкнула только одну фотку, а они даже не заметили этого, потому что слишком громко играла музыка...

— Алона, — попытался прервать ее я. Она говорила, а кончики ее пальцев становились прозрачными.

— Тогда я решила найти ее альбом выпускников...

— Алона!

— Что? — Она раздраженно взглянула на меня.

Я схватил Алону за запястье и поднял исчезающую руку к ее лицу.

Ее зеленые глаза расширились.

— Вот черт, только не это опять. Вчера, при любой попытке общения, я все время исчезала... в то, другое место. — По ее телу прошла дрожь. — Которое я не могу вспомнить.

— А может это и есть ключ к разгадке? — пробормотал я, отпустив ее запястье прежде, чем оно исчезло совсем. — Скажи что-нибудь приятное, — велел я.

Алона прищурилась, глядя на меня.

— В твоих мечтах.

— Не обязательно обо мне, — сказал я с некоторым раздражением. — И даже лучше — не обо мне, потому что твои слова должны быть искренними.

— Да о чем ты? — уставилась она на меня.

Я поборол желание встряхнуть ее.

— Послушай, у меня нет времени сейчас тебе все объяснять. Твои лодыжки уже исчезли.

Она взглянула вниз на свои ноги без ступней и взвизгнула от ужаса.

— Скажи что-нибудь приятное, — повторил я. Во мне росла паника. Если Алона вчера «общалась» весь день, то это мог быть ее последний визит в Междумирье.

— Почему ты мне помогаешь? — спросила она.

— Почему тебя это волнует? — резко ответил я. — Просто сделай это.

— Уилл? Все в порядке? — раздался справа от меня голос Джуни.

Я огляделся в поисках черного Фольксвагена Жука Джуни, с нарисованными на дверце водителя черепом и скрещенными костями. Он стоял на дороге перед стоп-линией. Джуни опустила окно, чтобы лучше меня видеть.

— Что случилось? Твой Додж в конце концов забарахлил? — спросила Джуни, сведя чересчур тонкие черные брови над налитыми кровью голубыми глазами. Мне всегда было интересно: больно ли ей с ее проколотыми бровями делать вот такое выражение лица?

— Что-то вроде того.

— Что изменится, если я скажу что-то приятное? — требовательно спросила уже наполовину исчезнувшая Алона.

— Ждешь, когда тебя кто-нибудь подвезет? — в голосе Джуни слышалось недоверие. Неудивительно, ведь отсюда я дошел бы до школы вовремя, даже если бы прополз весь путь на четвереньках.

— Эвакуатор? — предложил я в качестве возможного объяснения, хотя позже, когда она увидит мою машину на стоянке, это может вызвать некоторые вопросы. — Сделай это, если не хочешь уйти навсегда, — уголком рта сказал я Алоне.

— Это полный бред, — пробормотала Алона. — Хорошо. — Она глубоко вздохнула и громко произнесла: — Я счастлива быть здесь. — И вскинула вверх исчезнувшие до локтя руки. Ничего не произошло.

Я притворно кашлянул.

— Я же сказал: твои слова должны быть искренними.

— Ты уверен, что с тобой все в порядке? — хмуро посмотрела на меня Джуни. — Ты кажешься немного... отстраненным.

— Не надо, Джун, меня и так мама с этим дома достает, — мягко попросил я.

Она застыла, открыв рот, чтобы в который раз спросить меня, все ли хорошо, но вовремя сдержалась. — Прости, — извинилась она, выдавив усмешку. — С тобой я становлюсь мамочкой. — Ее лицо омрачилось. — Особенно после того, как пришлось день назад тащить твою задницу из школы в полубессознательном состоянии.

— Со мной все хорошо. Правда. — Или будет хорошо, если я наконец заставлю Алону сказать хоть что-нибудь позитивное.

— Сегодня теплый весенний день, и я от этого счастлива, — зло выкрикнула она.

Ну да, как же.

— Слушай, — высунулась из окна Джуни. — Я вчера ходила в больницу к Лили.

Алона перестала выкрикивать фальшивые комплименты всем («Пирсинг на губе твоей

подруги замечательно блестит») и вся («Теннисные корты сегодня очень... зеленые») и посмотрела на меня. Я почувствовал на себе ее взгляд, но продолжал глядеть на Джуни, стараясь сохранить нейтральное выражение лица. Вручить Алоне еще одно оружие против меня? Что-то не хочется. — Да-а?

— Нам нужно поговорить.

Я неловко поерзал. Джуни считала себя ответственной за произошедший с Лили несчастный случай, за ссору, из-за которой Лили от нас отдалилась. Но Джуни так же обвиняла в этом и меня, и я не знаю почему. Она, конечно же, была права, но она ничего не знала о звонке Лили, на который я тогда не ответил. Я не мог ей о нем рассказать, потому что узнай она об этом, то поняла бы, что Лили обратилась за помощью ко мне. Она всегда была гораздо ближе к Джуни... до той глупой ссоры.

Прошлым летом, за несколько недель до начала школы, Джуни пришла ко мне домой посмотреть кино без Лили. Когда я спросил, что случилось, Джуни отмахнулась, но потом, поддавшись моим настойчивым расспросам, сказала, что они поссорились.

— Из-за чего? — спросил я.

Она отвернулась, уставившись в окно, а не на играющего терминатора Арнольда Шварценеггера.

— Из-за парней.

До сих пор не понимаю, как они могли так сильно поссориться из-за парней, когда никто из них ни с кем не встречался. Но я никогда не отличался пониманием девушек, даже если они были моими подругами.

Проблема в том, что я не знал, как почувствовать себя более виноватым и пристыженным, чем уже себя чувствовал, и не мог принести извинения за то, о чем Джуни понятия не имела. Короче, остатки нашей дружбы рушились на глазах.

— Да, хорошо, — ответил я наконец, не зная, что еще сказать.

За машиной Джуни остановился и просигналил старый Гео Метро Кевина Рейнольдса.

Джуни показала ему средний палец.

— Если не придешь на урок миссис Педерсон, то пеняй на себя — я тебя найду, — пригрозила она и переключила передачу.

Я покачал головой.

— Вообще-то, меня на неделю отстранили от общих занятий.

Джуни нахмурилась.

— Я тебя догоню, обещаю. Тебе лучше поторопиться. Брюстер будет несказанно рад, если ты опоздаешь.

Жук затарахтел, а затем, взревев, остановился у знака «стоп», вызвав тем самым еще один гудок от Кевина.

— Твои друзья беспокоятся о тебе, — сказала с грустью в голосе Алона. — Они бы, наверное, очень скучали, если бы тебя больше не было.

Я посмотрел на нее — висящую в трех футах над пассажирским сидением голову (прямо как спецэффект из кино), и на моих глазах остальные части ее тела снова обрели форму. Ее слова были искренними, и хоть и не поднимали настроения, но все же в ее устах звучали комплиментом.

Я устало откинулся на спинку сидения.

— Ну вот. Неужели это было настолько трудно?

Глава 9

Алона

Я вытянула вновь материализовавшиеся ноги, согнула их в коленях и поворачивала стопами, радуясь их, как бы это сказать... присутствию, а затем повернулась к Киллиану. Он сидел с закрытыми глазами, откинувшись на спинку сидения.

— Как ты это сделал? — спросила я.

Я испробовала все что только можно, чтобы перестать исчезать — если, конечно под «все что только можно» понимать крики, ор и проклятья — и это ничуть не замедлило процесс.

Киллиан приоткрыл один глаз и искоса глянул на меня.

— Я ничего не сделал. Ты сделала это сама.

— Ох, нет, нет, — ткнула я в него пальцем. — Даже не пытайся меня развести. Ты знал, что это сработает. Как?

— Позитив равен энергии, — пробормотал он себе под нос.

— Что? — озадачилась я.

Киллиан медленно выпрямился.

— Ничего. Забудь об этом.

— Я не подумую. Мне нужно знать, как ты это сделал.

— Зачем? Чтобы ты и дальше пугала людей, а потом в последнюю секунду восстанавливала свои силы?

— Ну...

— К сожалению, так не получится, милая.

Я сердито посмотрела на него в ответ на ласковое обращение, но он уже перевел взгляд на зеркало заднего вида.

— Копы, — сказал он. — Нам пора.

Глянув через плечо, я увидела медленно едущую по улице патрульную машину. Прибавив скорости, она остановилась рядом с нами как раз в тот момент, когда Киллиан включил зажигание.

Пожилой седеющий полицейский опустил стекло с пассажирской стороны.

— Какие-то проблемы? — спросил он, скользнув цепким взглядом по волосам Киллиана, его темной одежде и машине.

— Улыбнись, или нам хана, — сказала я Уиллу. — Ты всем своим видом кричишь: я затаивший злобу заговорщик с багажником, полным оружия.

Руки Киллиана, лежащие на руле, напряглись. Ему до смерти хотелось послать меня куда подальше. Вместо этого он изобразил на лице довольно сносную улыбку. — Нет, офицер. Никаких проблем. Просто ждал кое-кого, кто так и не появился.

— Ох, ха-ха, — съязвила я.

После долгого молчания полицейский кивнул.

— Улица — не стоянка, сынок. Давай езжай.

— Да, сэр. — Киллиан выключил аварийку, включил сигнал поворота, завел мотор и тронулся — все по инструкции.

— Какой сознательный гражданин, — усмехнулась я.

— Заткнись, — отозвался он, не отрывая взгляда от зеркала заднего вида. Мы проехали

по Хэндерсон-стрит со скоростью на три мили ниже дозволенной, повернули на улицу Вязов и двинулись через стоянку учителей к последнему ряду стоянки учеников. Припарковавшись, Киллиан откинулся в кресле и громко и облегченно вздохнул.

— Если бы он мог арестовать кого-то за один только виноватый вид, — сказала я, — то этим человеком был бы ты. Ты же не делал ничего незаконного.

— Это неважно. Я не могу сейчас рисковать, у меня и так полно проблем.

Я повернулась в кресле к нему лицом, впервые довольная тем, что невидима для других. Вряд ли кто-то еще остался на стоянке — все шли на занятия, но все же. Никогда, даже в самых смелых своих фантазиях, я не могла себе представить, что когда-нибудь, пусть и в загробной жизни, окажусь в машине Уилла Киллиана в последнем ряду ученической стоянки. Хотя отсюда открывался чудесный вид на футбольное поле и беговые дорожки.

— Так зачем я здесь? И никаких заумных ответов, пожалуйста, — поспешно добавила я.

Киллиан ответил не сразу, нервно сжимая в ладонях руль. Рукава футболки при этих движениях обрисовывали красивые рельефные бицепсы. Ого, так парнишка-гот нашел время, чтобы покачаться. Интересно.

— У меня есть к тебе предложение, — сказал он наконец.

— Я не пересплю с тобой, даже если ты единственный, к кому я могу прикоснуться. Я мертвая, а не озабоченная, — немедленно ответила я и, откинувшись на спинку сидения, принялась разглядывать кончики своих ногтей. Скорее по привычке. Я усердно отращивала их для выпускного и получения диплома, теперь же все это было не важно.

Киллиан презрительно фыркнул.

— Не льсти себе.

— Это не я не могу отвести глаз от моих ног, — заметила я.

На его бледных щеках вспыхнули красные пятна.

— Больше хороших слов от тебя не дождешься?

Я лениво повела плечами.

— Знаешь, как пишут: «Разбейте стекло в случае крайней необходимости»? — Я помахала перед ним полностью материализовавшейся рукой. — Я еще не исчезаю.

— К сожалению, — пробормотал он.

— Эй! — Я села. — Я исчезала только потому, что ты не помог мне с самого начала. И это не ты разобрался с неприятностями, в которые сам себя втянул.

Он провел руками по лохматым черным волосам, которые, подстриги он их нормально, смотрелись бы очень хорошо.

— Забудем об этом. Я готов помочь тебе сейчас.

— Что? — Я опустила руку.

— Ты слышала меня. — Киллиан отвел взгляд, не желая встречаться со мной глазами.

— Почему? — подозрительно поинтересовалась я.

— Какое это имеет значение? — спросил он, теряя терпение. — Просто...

— О, нет, это имеет значение. Вчера ты все время пытался меня прогнать. Я практически принудила тебя уделить мне десять минут твоего времени, после чего ты позволил накачать себя снотворным и вырубился на целый день. И еще ты думал, — с небольшой долей негодования добавила я, — что я попаду в ад.

Он вздохнул.

— Так и будешь попрекать меня этим?

Я сделала вид, что задумалась, после чего ответила:

— Ага.

— Все, что имеет значение... — Киллиан нервно водил пальцами по пластику на руле. — Слушай, ты хочешь выбраться отсюда или нет?

— Это зависит от того, — медленно произнесла я, — куда ты собираешься отправить меня.

Киллиан раздраженно простонал.

— Никуда. У меня нет такой власти над... Ты должна понять... — Он глубоко вдохнул и медленно выдохнул, затем развернулся ко мне с серьезным лицом.

В легком нетерпении услышать, что же он скажет, я наклонилась ближе к нему.

— Здесь оказываются далеко не все умершие, — сказал Киллиан таким тоном, будто открывает мне величайшую тайну.

Я со вздохом снова откинулась на спинку кресла.

— Удивил, блин!

Он хмуро глянул на меня.

— Ты что, и, правда, думал шокировать меня этим? — Я неверяще покачала головой. — Я здесь уже пять дней и еще не видела ни одного умершего, которого знаю... знала. А, пофиг. Да и к тому же, если бы все умершие застревали здесь, то тут было бы не протолкнуться.

Уилл выглядел удивленным.

— Точно. Как ты?..

— То, что я забочусь о своем внешнем виде, — я окинула неприязненным взглядом его черную футболку и потрепанные джинсы, — не значит, что я дура.

— Ладно, я понял. — Киллиан потер лицо ладонями. — Просто выслушай меня, хорошо? Не все умершие оказываются здесь. Некоторые отправляются прямо в конечный пункт назначения. Без всяких заморочек. Без посещения своих собственных поминок перед погребением. — Он пристально посмотрел на меня.

Я передернула плечами. Ну да, я присутствовала на своих собственных поминках и похоронах, и что? Кто бы на моем месте отказался? Такая возможность увидеть, кому и насколько ты действительно небезразличен, выпадает только раз в жизни — и то не всем.

Кстати, что-то я не помню, чтобы Киллиан присутствовал на панихиде, в церкви или на кладбище. Да, народу везде было предостаточно, заведующий даже отпускал всех пораньше с уроков, но поверьте мне, вы заостряете внимание на каждом входящем и выходящем, будучи, так сказать, виновником торжества.

Я почувствовала странную тяжесть в груди — почти боль. Так значит, я была достаточно хороша для того, чтобы спорить со мной, пялиться на меня и с шестого класса предаваться фантазиям обо мне — да, для меня это совершенно очевидно, — но не стоила того, чтобы потратить на меня пятнадцать минут своего драгоценного времени? Нет, я понимаю, что на похоронах, наверное, ошивается немало духов, и Киллиану было бы не по себе рядом с ними, но все же...

Плевать. Это все неважно. С чего ему оплакивать меня? Он всего лишь бездарный засранец, пустое место. Я осознала, что его не было на моих похоронах только потому, что умерла и мне нужна его помощь. Ладно, согласна, логика тут хромает на обе ноги, но вы поняли, что я этим хотела сказать.

Киллиан помахал перед моим лицом рукой, привлекая к себе внимание.

— Я сам себе это рассказываю? Ты со мной вообще?

Я отбросила его руку.

— Прости, тебе отвлекают мои осоловевшие от скуки глаза? Пожалуйста, продолжай.

Он сжал зубы и долгое мгновение молчал, но потом продолжил:

— Как я уже сказал, с такими как ты... — последние слова он произнес таким тоном, будто таких как я больше нет, и уж точно не в хорошем смысле, — умершими, оказавшимися здесь, происходит одно из трех.

А вот это-то я как раз и хотела услышать. Подавив внезапную вспышку гнева, вызванную осознанием того, что Киллиан забил на мои похороны — у мертвых, видать, трабблы с эмоциями, — я выпрямилась и, развернувшись к нему, подсунула под себя обе ноги.

— Большинство не задерживается здесь...

Я нахмурилась.

— Но те призраки... духи в школе...

Киллиан зашипел сквозь зубы.

— Погоди, я дойду до этого.

— Ну так поторопись. — Тянет тут, как будто у нас целый день впереди. Вообще-то, у одного из нас впереди гораздо больше времени, но что-то мне не хочется всю оставшуюся вечность слушать невнятные бормотания Киллиана.

Он зло глянул на меня.

— Ты всегда такая бесцеремонная?

— Только когда моя бессмертная душа висит на волоске, — отбрила его я.

— Так и знал, что ты католичка, — пробормотал он.

— Полегче на поворотах!

Киллиан проигнорировал меня.

— Как я уже сказал, умершие, оказавшиеся здесь, не задерживаются тут надолго. Чаще всего они уходят в течение нескольких дней.

— Как именно уходят? Это-то мне и нужно знать.

Он снова сжал зубы, и на его щеках заходили желваки. А у него красивая линия подбородка — решительная, квадратная. Жаль, это не бросается в глаза из-за его бледности и закоса под привидение.

— За кем-то из них приходит кто-то или... что-то.

— Яркий белый свет? — жадно спросила я. Пусть я не вижу и малейшего проблеска рядом с собой, но хоть буду знать, чего ждать.

Киллиан, что странно, не выказал раздражения на то, что я его прервала. Он задумчиво покачал головой.

— Нет, это не похоже на то, что ты видела по телевизору. Это трудно описать. Ты ощущаешь приятное тепло, как будто кто-то поймал прекрасный солнечный день в сосуд и вылил тебе его на голову. — Он остановил свой взгляд у меня над головой, и на его губах появилась легкая улыбка.

— Как поэтично, — с усмешкой сказала я.

Он ожег меня злым взглядом, резко вернувшись с небес на землю.

— Сама спросила.

— А что насчет остальных? — упорствовала я — Ты сказал, что с ними происходит одна из трех вещей. Расчудесный золотой свет — первый вариант. Второй — наверняка тот, что случился с теми людьми из школы, застрывшими здесь или навсегда, или же на

несколько лет.

Киллиан неохотно кивнул.

— Так что же может случиться еще?

Бьюсь об заклад, ему просто страсть как нравится, когда я вытягиваю из него информацию по крупицам. Чувствует себя при этом особенным и суперважным, черт его дери.

— Большинство из них просто исчезают, — ответил Киллиан таким тоном, будто хотел, чтобы это случилось со мной прямо здесь и сейчас.

Пуф — и нет Алоны. Но я не почувствовала ни слабости, ни головокружения.

— Сколько времени обычно продолжаются исчезновения? — Мне уже осточертели эти выпады из реальности. Это раздражает так же, как невозможность закончить начатое предложение, которое приходится начинать сначала, снова и снова.

Киллиан покачал головой.

— Это-то и странно. Для большинства все заканчивается первым же исчезновением. Исчез — и больше не вернулся, конец. — Он посмотрел на меня своими светло-голубыми глазами, отстраненно и холодно, словно представляя себе, как я исчезаю.

— Так что же происходит, когда человек полностью исчезает? Это совсем плохо? — Глаза защипало от выступивших слез. Ну хорошо, может я и не была идеальной, но не заслуживаю же того, чтобы меня просто стерли с лица земли и неба?

— Я не знаю, — сказал Киллиан, поднимая руки ладонями вверх. — Не было никого, кто бы мог вернуться и рассказать мне об этом.

— Но я не понимаю... — я замолчала, ощущая поднимающийся во мне ужас. От его слов еще один кусочек головоломки со щелчком встал на место. — Так вот почему ты смеялся надо мной вчера. Перед уроками. Тебя не волновало, что я поняла, что ты видишь меня. Ты думал, я скоро исчезну навсегда. — Мне даже не нужно было слышать его ответ, я и так знала, что права.

Он отвел взгляд, уставившись в боковое окно на стоянку.

— Я не должен был смеяться. Это было неправильно.

— В этом ты чертовски прав. — Я была в шоке. Значит, он строил из себя эдакого миленького, хоть и причудливого паренька, и при этом от всей души желал, чтобы я исчезла... навсегда. — Я никогда не делала тебе ничего такого, чтобы заслужить...

Он с горечью усмехнулся.

— Ах да. Великая и блистательная Алона Дэа, единственная и неповторимая мисс Идеал.

Я уязвлено отшатнулась.

— Я никогда не утверждала, что...

Но он еще не закончил.

— Ты проходя, одним лишь взглядом или колким словом разрушала жизни. И получала от этого удовольствие...

— С меня хватит. — Я отвернулась от него, чтобы пройти сквозь дверь машины и выскочить на улицу, но ударилась о металл и пластик. — Ой. — Я потянулась к дверной ручке.

— Бекка Стенхоуп.

Я замерла, обхватив пальцами металлическую ручку.

— Толс... — Я замолчала, закатив глаза. — Ширококостная девчонка с алгебры,

носящая мешковатые свитера? Она-то тут при чем? — Я бросила на Киллиана через плечо торжествующий взгляд. — Она пришла на мои похороны, и она плакала.

— Наверняка от облегчения, потому что ты теперь мертва и больше не побеспокоишь ее.

— О чем ты?

— Ты довела ее до слез.

Мне потребовалось время, чтобы понять, о чем он говорит. Я что-то сказала ей и даже не помню что именно. Помню только, как она выбежала плача из класса.

— Один раз, и это было несколько месяцев назад.

Он осуждающе посмотрел на меня.

— Ты сказала, что ей следует покупать одежду нужного размера.

— Ну и что? — Я пожала плечами, почему-то чувствуя, что должна защищаться. — Ей и следует это делать. В отделе с большими размерами полно симпатичных вещей. Надо лишь приложить немного усилий и...

— Эти свитера вяжет ей бабушка.

— Лучше бы она этого не делала. Такое ощущение, что она пытается изуродовать ее еще больше. — Я нахмурилась. — А откуда ты это знаешь? Про свитера?

— Потому что она плачет каждый день, переодеваясь после физкультуры на следующий урок. Алгебры, — бесстрастно отозвался он.

— Киллиан, ты что, шпионишь за девчонками в раздевалке? Не думала, что ты настолько отчаялся, — сказала я, но в моем ответе недоставало язвительности. Образ Бекки Стенхоуп, рыдающей в проходах девчачьей раздевалки, заставил зашевелиться мою совесть. Я не по жестокости душевной так с ней обошлась. Меня просто выводит из себя, как наплевательски людишки относятся к себе и тому, как оценивают их окружающие. Не заботит то, что подумает о вас мир? Лады, но тогда не ждите, что мир вас примет и поаплодирует за это.

— У нее с Джуни совместный урок физкультуры. Она мне это и рассказала, — с нотками морального превосходства произнес Киллиан. Прямо как Отец Ранкин.

— Уверена, что Бекка с Джуни близкие подружки. — Я скрестила руки на груди. — Джуни, наверняка тут же принялась ее утешать, обнимать и уверять, что все будет хорошо. Мы с Беккой обедали в разное время, так что я понятия не имею, где она сидит, но судя по ее внешнему виду, думаю, в четвертом или пятом ярусе столиков кафе, где-то между ботаниками и ребятами из испанского клуба. Но точно не с такими фриками, как Джуни и Киллиан.

Уилл отвернулся.

— Она услышала разговор Бекки с миссис Хиггинс.

— Ну вот видишь? Ты и твои подружки тоже не особо дружелюбны с другими. На самом деле, Бекка, скорее всего, никогда бы сама не заговорила с Джуни, так что ни о каком дружелюбии тут и речи не стоит, но это не отменяет сказанного мной.

Киллиан покачал головой.

— Мы не жестоки, в отличие от тебя.

Я изумленно уставилась на него.

— Я не...

— Джои Торрес, — сразу же ввернул он, будто только и ждал, что я начну это отрицать.

— Пицце-лиций Джо? — нахмурилась я.

Киллиан поморщился. Ой, ну не я же дала это прозвище Джои. — Он пригласил тебя на свидание, а ты высмеяла его из-за проблем с кожей. Ему пришлось перевестись из-за тебя в другую школу.

— Так говорят? — недоверчиво спросила я.

Он приподнял бровь.

— А это неправда?

— Во-первых, у меня в то время был парень. И он об этом знал.

— Не все в курсе твоей ежеминутно меняющейся личной и общественной жизни.

— Если он был не в курсе, то должен был поинтересоваться. Разве не нужно перед приглашением на свидание убедиться, что девушка свободна?

— То есть, если бы у тебя не было парня, то ты бы пошла с ним на свидание?

Меня передернуло.

— Нет, конечно. Он — не мой тип.

— Почему? Потому что сидит не в том ярусе кафе? — усмехнулся Киллиан.

— Нет, потому что он одевается как штурмовик на выходных, — резко ответила я. — Он пригласил меня на какую-то научно-фантастическую конвенцию.

Киллиан выглядел пораженным.

— Но все это не имеет значения, — продолжила я. — Он пригласил меня на свидание, зная, что у меня есть парень, но надеясь на то, что я соглашусь с ним встретиться из жалости. Я сказала «нет», вот и все.

Уилл покачал головой.

— Ты — это нечто с чем-то.

А вот теперь я разозлилась. Сегодня что, Ударь Побольнее Алону День? Кто-то должен сообщить моей маме, что пора отмечать новый праздник.

— Ну и как поживает твой дружок Джои?

— Что ты имеешь в виду?

— Он ведь учится в школе Святого Виатора? В городе?

— Не знаю, — неловко пожал плечами Киллиан.

— Зато я знаю. — Вышло самодовольно, но меня это не волновало. — Я видела его на баскетбольной игре несколько месяцев назад, когда мы играли с их командой. Его кожа была чистой, и он обнимал очаровательную маленькую зубрилку, похожую, кстати, на молоденькую Дженнифер Гарнер.

— Вижу, ты приписываешь себе это в заслугу.

— Разумеется, нет. Я просто была честной по отношению к нему. Мир жесток, Киллиан, и ты должен знать это лучше, чем кто-либо другой. Если ты небрежно одет, то никто не возьмет тебя на работу. Нельзя рассчитывать на то, что если у тебя есть какой-то физический недостаток, то с тобой пойдут на свидание из жалости. Далеко не всегда в жизни все идет так, как мы того хотим, но это не значит, что нужно опустить руки и ждать, когда все сложится как-то само собой. Нужно играть по правилам, чтобы победить.

— Говорит девушка с идеальным лицом, идеальным телом, идеальной жизнью... — в тон мне ответил он.

Я должна была бы радоваться, что он купился на мой образ. Я годы создавала его, дорабатывая и корректируя бесчисленные изматывающие часы. Покупала подходящую одежду, заранее готовила, что, как и когда говорить. И все это время чувствовала растущую в груди волну ярости. Он считает себя в праве меня осуждать? Как будто так называемое

совершенство просто свалилось мне на голову, и я должна быть за это благодарной?

— Поехали, — зло бросила я.

Еще достаточно рано. Мама, наверное, до сих пор в отключке. Пустые бутылки из-под водки, при помощи которых я кропотливо выложила на полу слово «Остановись», будут на месте. Что ж, пускай хорошенько нюхает моей идеальной жизни.

Киллиан озадаченно посмотрел на меня.

— Куда? Мы уже приехали. И... — он поморщился, бросив взгляд на мобильный, — на десять минут опоздали. Брюстер меня убьет.

Я протянула руку и дернула рычаг передач вниз, переводя на обратный ход. Раздался скрежет металла по металлу.

Киллиан дал ногой по тормозам.

— Алона! — Коробка передач не...

— Хочешь идеала? — сказал я каким-то не своим, лишенным эмоций голосом. — Я покажу тебе идеал.

Глава 10

Уилл

Я никогда не видел такой Алоны Дэа, и честно говоря, меня это немного пугало. Все время с той минуты, как мы уехали со школьной стоянки, она была молчалива (лишь давала указания, где нужно свернуть) и неподвижна, если не считать нервного постукивания ногой по полу. Никогда не осознавал, сколько в ней энергии, движения и жизни — даже после смерти, — пока не увидел ее такой.

Я свернул к глухому переулку, застроенному просторными кирпичными домами и огромными дворами. Бен Роджерс жил где-то здесь. И мы находились недалеко от того места, где с Лили... произошел несчастный случай. Это была уж точно не моя часть города.

— Что теперь? — спросил я.

Я медленно вел автомобиль, надеясь, что со стороны это выглядит так, будто мы потерялись и смотрим номера домов. Живущим в этом районе, вероятно, ничего не стоит вызвать полицию. Достаточно будет увидеть проезжающую мимо убогую машину.

Алона неистово застучала ногой полу, а потом вдруг замерла.

— Ничего, — сказала она после долгой паузы.

Но ее взгляд неподвижно застыл на одном из домов. Почти таком же, как и все остальные, только во всех его окнах были плотно задернуты шторы, а одно из верхних закрывал кусок старой фанеры, кусты перед парадной дверью и под панорамными окнами неряшливо разрослись, а мусорные баки лежали опрокинутыми у дороги, рассыпав маленькие черные подносы для микроволновки и кучу стеклянных бутылок.

Приглядевшись, я увидел две глубокие параллельные линии следов от шин на передней лужайке, как будто кто-то сильно просчитался с расположением подъездной дорожки.

— Это была плохая идея, — коротко сказала Алона. — Давай вернемся в школу.

Я ударил по тормозам и уставился на нее.

— Ты тащила меня сюда, из-за чего я опоздал и получу от Брюстера, чтобы просто посмотреть на какой-то дом?..

— Не какой-то дом, — отрезала она. — А мой дом. Мой милый, милый дом.

Я застыл. Ее дом? Я понятия не имел, куда мы едем, но такого никак не ожидал. Половина разбитой бутылки из-под водки каталась туда-сюда в сточной канаве, и я, как загипнотизированный, следил за ней взглядом.

Она не могла здесь жить. Ну то есть, да — хороший район, дорогуший дом, но что-то было не так. Что-то не вязалось с той Алоной Дэа, которую я знал. И тогда я, наконец, осознал, что она имела в виду.

— Мило, правда? — с горечью спросила она. — Видок: «белое отрепье в трущобах». Не хватает только машины, стоящей во дворе, а не в гараже.

Словно по ее команде поднялась гаражная дверь. Алона напряглась.

Оттуда, спотыкаясь, вышла босая светловолосая женщина в плохо-завязанном шелковом розовом халате. Одну руку она подняла к лицу, загораясь от света, в другой несла мешок для мусора с позвякивающим содержимым. Сходство между этой женщиной и сидящей рядом со мной девушкой было бесспорно. Только это было все равно что смотреть на молодого Элвиса и Элвиса в возрасте. Светловолосая женщина сохранила остатки былой красоты, несмотря даже на одутловатость, избыточный вес, морщины под глазами и

окружающую ее ауру побитого жизнью человека.

— Чего уставился? — закричала мне женщина, так как Алону она видеть не могла.

Она неровной походкой, но уже быстрее, направилась к нам. О зажатом в руке мешке с мусором женщина забыла, и он волочился за ней по земле. Кажется, ее даже не остановит ярко поблескивающее битое стекло у дороги.

— Эм... Алона?..

— Заткнись и увози нас отсюда, — сказала она напряженно.

Я резко вывернул руль влево, и шины Доджа протестующе заскрежетали. — Хочешь поговорить о?..

— Нет.

— Хочешь вернуться?

— Нет.

Я нерешительно помолчал.

— Знаешь, если что-то держит тебя здесь, то это может быть...

— Я сказала: нет!

— Ладно, ладно, — успокаивающе поднял я ладонь. — Тогда возвращаемся в школу. Я повернул на главную улицу ее района. Алона деланно засмеялась.

— Теперь можешь бежать и рассказывать своим друзьям, какая хреновая жизнь на самом деле у Алоны Дэа... была. Уверена, для них это будет сенсацией. — Она отвернулась от меня, перебросив волосы через плечо, но я успел заметить, как ее глаза заблестели от слез.

Я прочистил горло.

— К сожалению, у всех кого я знаю, включая меня самого, жизнь довольно хреновая, так что очень сомневаюсь, что их заинтересует подобная новость.

— Ну да, как это я забыла, — ответила она, но ей не хватило язвительности. Всю оставшуюся дорогу до школы она молчала.

* * *

К тому времени как мы вернулись на школьную стоянку, я опаздывал на сорок пять минут. Другими словами, я приехал как раз вовремя для того, чтобы успеть на второй урок. Брюстер уже, наверное, рыщет в поисках прогульщиков. Мне нужно успеть.

Я припарковался на том же месте в последнем ряду.

— Ты как? — спросил я Алону.

Она резко повернулась, взглянув на меня суженными глазами.

— Что это ты такой милый со мной? Жалеешь меня? — В ее голосе проскользнули угрожающие нотки.

Как будто это было бы страшным преступлением. Правда ни за что не скажу этого вслух.

— Только из-за того, что ты знаешь... такое обо мне, не значит, что мы стали друзьями, — добавила Алона.

— Я так и не думал, — ответил я, сдерживаясь, чтобы не стиснуть зубы. Как у нее это получается? В одну минуту мне хочется ее обнять, в другую — выкинуть из машины.

Она внимательно смотрела на меня.

— Тогда что ты хочешь?

Вот оно, Киллиан. Тот самый нужный момент.

— Слушай, нам... мне осталось учиться здесь всего несколько недель. Если Миллер не будет мешаться, то я смогу окончить школу и убраться отсюда.

— Куда? — нахмурилась Алона.

— Туда, где будет поменьше людей. Чем меньше людей, тем меньше приз... духов.

— А я тут при чем?

— Ты вчера отпугнула других приз... духов, и они оставили меня в покое.

— Пока не появилась та... штука. — Ее передернуло, затем она бросила взгляд на меня. — Прости.

Я пожал плечами.

— Как я сказал, у всех свои проблемы.

— Так ты хочешь... — она склонила голову на бок, — чтобы я была что-то вроде твоего телохранителя?

Я поморщился.

— Унизительное, но точное определение.

— У-ху. И что я получу взамен?

— Я расскажу тебе обо всем, что знаю о междумирье.

— Ты можешь вызвать небесный свет?

— Нет, я же говорил тебе, это зависит только от тебя и твоих... нерешенных проблем, — сказал я, избегая смотреть ей в глаза. — Но, думаю, я смогу научить тебя, как перестать исчезать, пока ты не...

— Исчезла навсегда? — закончила за меня Алона. — И никакого света, никакого мохито, никаких обувных магазинов, — тихо пробормотала она.

— Что?

— Ничего, — покачала головой Алона. Она откинула волосы назад, заправив их за уши, и развернулась ко мне. — Ну, скажем, я поверила тебя. И как же мне перестать исчезать?

А вот и самое сложное. Кто сказал, что у Бога нет чувства юмора?

— Ты должна быть хорошей.

— Ну да, — скорчила она гримасу.

— Я не шучу.

В отдалении прозвенел звонок, означающий, что закончился первый урок. Я не мог больше терять время, иначе все старания мамы будут напрасны. Я вышел из машины, держа в руке ключи и мобильный, и направился через стоянку к школе, надеясь, что Алона последует за мной.

— Быть хорошей? — прошипела она, выбравшись из машины. — Ты же сказал, что это никак не связано с раем, или адом, или грехами, или...

— Нет, я сказал, что все не объяснить одними этими терминами. Слишком много подводных камней, слишком много оттенков серого, если смотреть на все со стороны религий.

— Но «быть хорошей»? — Она взмахнула руками. — Это то же самое, что «относись к другим так, как хочешь, чтобы относились к тебе» и «не делай другим то, чего не хочешь, чтобы делали тебе».

— Да, но это еще и основной научный принцип, — заметил я. — Спроси у любого из научного клуба. Здесь ты прежде всего представляешь собой энергию. Когда ты позитивна,

энергия прибывает к тебе, помогая оставаться тут. Негативная же энергия, выплескиваемая, когда ты говоришь о других людях умные гадости, опустошает тебя. Говоря простым языком, ты как батарейка. Будешь хорошей — произойдет перезарядка.

Алона резко остановилась.

Глянув через плечо, я увидел, что она стоит, скрестив руки на груди.

— Я — батарейка?

— Я сказал: говоря простым языком... но, да.

В ее глазах плескался вызов.

— Я не собираюсь говорить «как здорово!», когда идет дождь, что уродливые люди красивы и что мне нравится твоя футболка.

— А что не так с моей футболкой? — разозлился я.

Алона проигнорировала меня.

— Не буду, и все тут. Я слишком много лет лгала. — Ее лицо потемнело. Никогда я еще не видел ее такой.

Я вспомнил, как она напряженно застыла, когда ее мама вышла из дома, и почувствовал, как злость утихает.

— Тебе не нужно лгать. На самом деле, этого и нельзя делать. Тебе нужно быть искренней, помнишь?

Она кивнула.

— Ты только что сказала неприятные слова о моей футболке, поэтому скажи теперь что-нибудь хорошее.

Алона выгнула бровь.

— Об этой футболке? Невозможно.

Я вздохнул.

— Как хочешь. Твоя же судьба решается. Хочешь провести остаток времени...

— У тебя красивые зубы, — выпалила она.

Я вытаращился на нее.

— Что? У меня пунктик на белые ровные зубы. Ничего такого.

— Красивые зубы, — медленно повторил я.

— Я бы сказала, что у тебя красивая улыбка, но я ни разу не видела ее, — резко ответила Алона, и я, не выдержав, засмеялся.

— Не смешно, — пробормотала она, когда я согнулся от смеха пополам. От хохота даже живот заболел. Она была права. Ничего смешного в ее словах не было, но их нелепость добила меня, сняв внутреннее напряжение, не покидавшее меня со вчерашнего дня.

— Ровные белые зубы — знак хорошего здоровья, — настаивала Алона. — Они могут быть очень привлекательными. — Уголки ее губ уже изгибались в еле сдерживаемой улыбке.

— Попросил тебя сказать что-нибудь приятное, — выдавил я, пытаюсь отдышаться от смеха, — и ты выбрала самое меньшее, незначительнейшее...

— Для меня это важно. — Шагнув ко мне, Алона мягко толкнула меня в плечо. Но она улыбалась. — Зубная гигиена очень важна. Кто захочет целоваться со ртом, полным кривых желтых зубов? — Ее передернуло.

Целую секунду до меня доходили ее слова.

— А кто говорит о поцелуях? — Я старался не выдать голосом волнения, но сердце в груди гулко забило. Каждый парень о ком-то фантазирует, и к лучшему это или к худшему, а мои фантазии с шестого класса крутились вокруг Алоны Дэа.

Алона закатила глаза.

— Ой да ладно. Я образно говорила. К тому же, как ты собираешься меня целовать?

Я уязвленно расправил плечи.

— Еще никто не жаловался на мои поцелуи. Я хорошо...

Она продолжала говорить, словно не слыша меня:

— Как ты будешь выглядеть при этом? Голова наклонена, язык вытасчен. — Она подняла руки, словно обнимая кого-то за шею, закрыла глаза, драматично склонила голову и поводила языком в воздухе.

Я фыркнул. Выглядела она забавно, и была права.

Алона открыла глаза.

— Так значит у тебя все-таки есть чувство юмора. Никогда бы не подумала. — Ее взгляд остановился на чем-то позади меня. — И тебе оно скоро понадобится. Проблемы, ориентир на десять часов [2]. Я чуть развернулся влево и не увидел ничего, кроме футбольного поля.

— Да нет же, — порывисто сказала Алона. — На десять. На десять часов. — Она дернула меня за плечи вправо.

— Это на два часа.

— Для тебя — да! Я имела в виду на десять часов с моей... а, неважно. Смотри. — Она нетерпеливо провела рукой по волосам.

— В этом мире время идет по часовой стрелке... — Я замолк, увидев приближающегося директора Брюстера. Под его начищенными до блеска туфлями хрустел гравий и поднимались облачка пыли. — О черт.

— А теперь послушай меня, — сказала Алона.

— Я не собираюсь перед ним лебезить, — отрезал я.

Она уперла руки в бока.

— Кто говорил о том, что нужно лебезить? И вообще, я здесь защищаю свои интересы, так что слушай сюда. — Алона глубоко вздохнула. — Он хочет, чтобы ты сказанул какую-нибудь глупость, так же, как копы хотят подловить тебя на превышении скорости.

— Эй, у меня дядя — коп, — запротестовал я.

— Пофиг. Ты понял мою мысль. У них есть разнарядка, которую нужно выполнять. У Брюстера репутация мужика, держащего в железных руках трудных подростков. Дашь ему малейшую возможность вцепиться в тебя, и он вцепится. Так что, — она дернула плечами, — не поддавайся ему.

— Это твой совет? — спросил я, подняв бровь.

— Нет, — ухмыльнулась она. — Это: «будь хорошим».

— Чего? — уставился я на нее.

— Будь хорошим.

— О нет.

— Что? Значит, мне это должно помочь, а тебе — нет? — требовательно спросила она.

— У нас разные ситуации.

— Как скажешь, — закатила она глаза. — У тебя есть выбор? Просто попробуй послушаться меня. — Она отступила, так как к нам подошел Брюстер.

— Доброе утро, директор Брюстер, — процедил я.

Он резко остановился, скользнув туфлями по гравию, и уставился на меня. Наверное потому, что я впервые заговорил с ним по собственному желанию.

— Киллиан? Что ты здесь делаешь?

— Не иронизируй, — тут же прошептала мне на ухо Алона, — и не забывай говорить «сэр». Он с этого тащится.

Я отвернулся и притворно покашлял, говоря ей:

— Мне то что, с чего он там тащится?

— А то, что он еще больше будет тащиться, вышвыривая тебя отсюда, — заметила она.

Я глубоко вздохнул и повернулся лицом к Брюстеру.

— Простите, сэр. Я проспал, а потом мне пришлось ответить по телефону. — Я лучезарно улыбнулся, поднимая руку с мобильным.

— Для начала неплохо, — одобрила Алона. — Теперь не испорти все.

На лице Брюстера на секунду отразилось сомнение. Он не понимал, серьезен я или нет. — Не слоняйся без дела. Уроки начались сорок пять минут назад. Или иди на занятия, или проваливай.

— Я очень извиняюсь за свое опоздание, — ответил я более резко, чем хотелось бы. Ничего не мог с этим поделать, этот мужик выводил меня из себя.

— Осторожнее, — прошептала мне в ухо Алона. Она стояла так близко, что касалась футболкой моей руки. Ощущение было приятным.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я достал из кармана свернутый квадратом листок бумаги.

— Вот записка от мамы с объяснениями по поводу моего вчерашнего отсутствия.

Сдвинув брови, Брюстер выхватил бумагу из моих пальцев.

— Сюрприз, сюрприз. Мамочкина записка от мамочкиного сынка.

Я шагнул к нему, сжав руки в кулаки.

— Не-а, — произнесла Алона, положив прохладную ладонь на мое предплечье. — Не видишь, чего он добивается? Жмет на нужные кнопки, чтобы ты отреагировал. Посмотри ему в глаза.

Поморщившись, я поднял взгляд и встретился глазами с Брюстером. Его темные глаза радостно блестели, он явно получал удовольствие от игры со мной.

— Отреагируешь нужным ему образом — и он выиграл, — продолжала Алона. — Неужели родители никогда с тобой не проделывали подобного?

Никогда. Мама, темпераментная и нервная, никогда не смогла бы контролировать свои эмоции и манипулировать кем-то, а папа... у него своих проблем хватало, чтобы играть со мной в такие игры. Но слова Алоны давали мне представление о том, какова была ее жизнь в доме. Пугающая.

— Очень хорошо, Киллиан. Мы рады, что ты удостоил нас своим присутствием сегодня. — Брюстер наклонился ближе ко мне. — Но, тем не менее, за свое поведение и пререкания в моем кабинете ты заслужил двухдневное отстранение от занятий в стенах школы под моим наблюдением. И... — он улыбнулся, — я не оставлю без внимания твое сегодняшнее опоздание.

— Но у меня же есть записка, — возразил я.

— В ней что-то говорится об опозданиях? — Брюстер перевернул лист, будто ища, нет ли каких либо дописок с другой стороны.

— Вам принести еще одну записку? — глухо спросил я. Легче было бы набить ему морду, чем сдерживаться, чтобы не нахамить.

Брюстер сложил руки за спиной и качнулся, встав на носки.

— Как думаешь, задержка в школе после уроков будет достаточным наказанием за

опоздание?

Еще один час в этой чертовой дыре?

— Я думаю, вы...

Алона больно ткнула меня под ребра, и я вздрогнул.

— Кнопки, — зашипела она.

Брюстер смотрел на меня, вопросительно подняв брови.

— Хорошо, задержка так задержка, — пробормотал я.

— Отлично, — кивнул он. — После тебя. — Он повернулся и вытянул руку по направлению к школе в приглашающем жесте.

Я сглотнул, подавляя вздох, и пошел к школе. Ненавижу делать что-то по его желанию или просьбе.

— Видишь? — прошептала Алона. — Было не так уж и...

— Пока я не забыл, Киллиан, — сказал позади меня Брюстер, — должен похвалить тебя за твои... интересные музыкальные предпочтения.

Я застыл на месте.

— Я ожидал нечто крикливо-резкое, но Бетховен, Чайковский и Пахельбель? Точно не звезды сегодняшнего MTV.

Во-первых, не MTV, а MTV2. По MTV не играют музыку, а показывают клипы. И во вторых, он что, слушал мой айпод? Чистые белые наушники-капли Марси побывали в грязных ушах этого старикана?

Сжав кулаки, я начал разворачиваться. Может быть и исполнится заветное желание Брюстера выкинуть меня из школы. Все-таки стоит хоть разок врезать ему по роже, почувствовать кулаком его подбородок и гордиться потом разбитыми костяшками пальцев.

Алона отчаянно шептала мне что-то на ухо:

— ...Падаешь прямо в его ловушку. Боже, ты просто ужасен. У тебя нет никакого самоконтроля?

— Скажи что-нибудь хорошее, — автоматически попросил я ее.

— Что ты сказал? — Брюстер, нахмурившись, поравнялся со мной.

— С ума сойти можно, — пробормотал Алона. — Ладно. Я думаю, ты правильно поступаешь, выступая против обидчика, но это — игра, и если ты хочешь выиграть, то должен научиться играть по правилам.

Не уверен, что ее слова можно было засчитать за «что-нибудь хорошее», учитывая то, что она по-прежнему критиковала меня...

Будто прочитав мои мысли, она ворчливо продолжила:

— Твои глаза не такие уж и жуткие, какими мне казались сначала. Они вроде даже... симпатичные.

— Вот спасибо, — сказал я.

— Что? — начал раздражаться Брюстер. — Киллиан...

— Я говорю: вы сказали что-то хорошее. Спасибо за это, — сымпровизировал я.

Поймать меня на лжи он не сможет, так как я действительно почти повторил свои же слова. И то что я хоть немного выбил Брюстера из игры помогло справиться с желанием дать ему по роже. А может мне помогли справиться с собой слова Алоны о моих глазах. От Королевы Оскорбительных Выпадов и Неодобрительных Взглядов это была практически песня похвалы.

Брюстер выглядел ошарашенным.

— Если хотите, я запишу вам диск, — предложил я, просто чтобы полюбоваться тем, как его перекосит.

Брюстер долгий момент смотрел на меня, беззвучно шевеля открытыми губами, а потом наконец смог взять себя в руки и прочитал мне лекцию о федеральных законах, касающихся несанкционированного копирования музыки. Промчавшийся мимо нас автомобиль Джеса Макгаверна, паркуясь на стоянке, осыпал нас кусочками гравия и поднял тучу пыли.

Брюстер резко заткнулся и, ничего мне больше не сказав, направился в сторону Джеса.

— Совсем неплохо для новичка. — Алона стояла у моего плеча, и концы ее шелковистых волос щекотали мне руку.

— Спасибо.

Я не пошел вперед, по-глупому надеясь, что она так и будет стоять рядом со мной, но она изящно и грациозно, как и при жизни, двинулась к школе.

— Это было легкой частью.

— Что ты имеешь в виду? — нахмурилась она.

Я указал на вход в школу, где даже с такого расстояния было видно собирающуюся толпу. Розовое платье, тускло поблескивающее ведро со шваброй, восьмидесятилетний африканец, на несколько дюймов возвышающийся над остальными... Я не видел лиц, но прекрасно понимал, кто меня ждет.

— А, эти. — Алона пренебрежительно махнула рукой. — С ними я справлюсь.

Я поднял бровь.

— Не будучи жестокой?

Ее плечи поникли.

— Но я же делаю хорошее дело, помогая тебе...

Я покачал головой.

— Если ты хочешь рисковать...

Она душераздирающе вздохнула.

— Ладно, ладно. Буду держать их подальше от тебя и буду с ними хорошей. — Она уперла руки в бедра и мотнула головой, отбрасывая назад волосы. — Вряд ли это так уж и трудно. Ты же знаешь, меня три раза избирали королевой бала. Я с легкостью завоевываю расположение людей.

Да уж. Нужно быть готовым в любой момент бежать — на всякий случай.

Глава 11

Алона

— Готова? — тихо спросил Киллиан, направляясь к главному входу в школу.

— А то! — закатила я глаза.

Он ведет себя так, словно мы идем на войну. Если не появится его темный, туманный, вихрящийся папочка, то боятся нечего — они же обычные люди. Мертвые, но тем не менее люди. А я нравлюсь людям. Нельзя выигрывать в конкурсах популярности, которые так любят проводить в старших классах до самого выпуска, если не умеешь работать с толпой.

Кстати, говоря о толпе — она спешила к нам, проходя в буквальном смысле слова через двери, стекло и металл, шумно крича и требуя чего-то от Киллиана.

— Началось, — прошептал он.

Духи окружили его, отталкивая меня локтями и плечами.

— Осторожно! — воскликнула я, но, сомневаюсь, что кто-то это услышал. Стоял невероятный гам. Все одновременно кричали, умоляли и просили о своем.

— Ты вернулся. Я же говорил тебе, что он...

— А я и не говорил, что он не вернется.

— Одна маленькая услуга. Пожалуйста, ты должен...

— Моя внучка должна знать, что ее мама...

Я вдруг поняла, что за всей этой толпой не вижу Киллиана. Она поглотила его.

— Эй! — попробовала я. Вчера мои крики достигли цели. — Эй, покойники!

Девушка в жутком розовом платье в горошек бросила на меня через плечо неприязненный взгляд. Остальные вообще не обратили на меня внимания.

А это может стать проблемой.

Должна признаться, что не привыкла к тому, чтобы меня игнорировали. Поэтому меня это не на шутку разозлило.

Пригнув голову, я ринулась сквозь толпу, прочищая себе путь локтями и ступая прямо по чужим ногам. И пофиг на все их ахи и охи.

Киллиан стоял в самом центре, ссутулившись и закрыв глаза. Он будто молился кому-то, чтобы его спасли. Пусть я мало что понимаю в происходящем, но уж точно не позволила бы всем этим лузерам меня доставать. И Киллиан не должен позволять, тем более когда у него есть то, что им нужно. Он должен был бы их всех построить. Но бог с ним. Не может сам о себе позаботиться — значит, я о нем позабочусь, пока он помогает мне. При этом все только выиграют.

Я резко развернулась лицом к большинству духов, загородив спиной Киллиана. Он на секунду напрягся, но потом расслабился, поняв, что это я.

— Слушайте сюда, фрики.

— Фрики? Что она имеет в виду под...

— Она страдает от мании величия.

— Не обращай на нее внимания. Пусть говорит, что угодно, ее слова ничего не значат.

Это заявил мой приятель уборщик, тут же попытавшийся оттолкнуть меня от Киллиана плечом.

— О нет, даже не думай. — Я ударила его по рукам. — Киллиан мой. Мой, мой, мой! Хотите что-то от него? Придется сначала иметь дело со мной.

Затем случилась странная вещь. Как только слова вылетели у меня изо рта, все призраки... эм, духи, замерли. Застыли, как покойники, на своих местах, простите за каламбур. И вдруг, возникший из ниоткуда порыв ветра отбросил их назад. Они зависли в воздухе, точно сушившаяся на вешалке одежда, и их колыхало на ветру где-то в трех футах от нас.

По моему телу пробежала дрожь, но ветер не тронул меня.

— Что это?

Киллиан не ответил.

Я ткнула его локтем.

— Ай, — воскликнул он.

— Я задала тебе вопрос. Открой глаза и скажи мне, что происходит.

Он выпрямился и огляделся. Судорожно вздохнул.

— Это так...

— Странно? Жутко? Непривычно? — закидала я его наречиями, пытаюсь разговорить и объяснить мне, с чем мы столкнулись.

— Не знаю, — наконец произнес Киллиан. — Никогда ничего подобного не видел. Кроме одного раза... — он замолк.

— Да боже ж ты мой, — не выдержала я. — Говорить с тобой — все равно что садиться из обратного сальто на шпагат.

— Что?

— Неудобно, болезненно и совершенно ни к чему. — Я развернулась к нему лицом. — Кроме какого раза?

— Вчера, — медленно начал он. — В коридоре. Когда ты их всех разогнала.

Я нахмурилась, вспоминая.

— Да, ты прав. Ветер так же возник из ниоткуда, но тогда было по-другому. — Я махнула рукой на застывшие фигуры.

— Что ты сказала?

Я уставилась на него.

— Я сказала, что вчера все было по-другому.

— Нет, что ты сказала вчера перед тем, как это случилось? — У Киллиана, видимо, появилась какая-то мысль.

— Не знаю, — пожала я плечами. — Эй вы, покойники, отвалите?

Киллиан огляделся, будто ожидая почувствовать дуновение ветра, но ничего не произошло. Он вздохнул.

А что ты сказала сегодня? Помнишь? — с усмешкой спросил он.

— Иди ты, — поморщилась я.

— Я серьезно. Что ты сказала?

Я закатила глаза.

— Ничего особенного. Ты был здесь и слышал меня.

— Просто...

— Ладно, ладно. Я сказала, что если они хотят добраться до тебя, то им сначала придется иметь дело со мной.

Легкий порыв ветра отбросил волосы с лица Киллиана. Я затаила дыхание, ожидая, что сейчас меня отнесет в сторону, как и других, но ветерок просто вился вокруг меня.

— Это так классно, — пробормотал Киллиан. В его смотрящих на меня светлых глазах

светился восторг.

Я скрестила руки на груди и взглянула на замороженные лица. Меня передернуло.

— Рано благодарить меня. Что все это значит?

Уилл покачал головой и повернулся по кругу, чтобы посмотреть на всех.

— Не знаю. Думаю, это может...

— Какие-то сомнения, Киллиан?

Мы оба развернулись на месте. К нам широким шагом шел Брюстер, за ним плелся угрюмый Джес Макгаверн.

— Черт, — выдохнул Киллиан и громко сказал: — Нет, сэр. — После чего вопросительно взглянул на меня.

— Что? — передернула я плечами. — Моя работа здесь закончена. Они тебя больше не беспокоят. Кажется, уже никогда, — нахмурилась я. — Так что иди на занятия или куда там тебе нужно. Найдешь меня, когда освободишься, и научишь чему-нибудь еще.

— Уверена? — спросил Киллиан.

— Да.

Почти поравнявшийся с нами Брюстер спросил:

— Уверен в чем, Киллиан?

Уилл, сжав зубы, пошел к школе.

Странно, но я с грустью провожала его взглядом. Теперь, когда он больше не раздражал меня и не пытался сбежать, было довольно приятно находиться рядом с ним и больше не чувствовать себя одинокой. Пусть это и чужак Уилл Киллиан, но я не ощущала с ним неловкости даже после того, как показала ему свой дом.

Обойдя застывших духов, я села на деревянную скамейку у Круга. Стоять одной в окружении их было немного жутковато. Создавалось ощущение, что они просто ждут чего-то и...

За Киллианом, звякнув, захлопнулись двери, и по толпе духов прошла рябь. Один за одним они освобождались от того, что их удерживало и... поворачивались ко мне. Некоторые выглядели разгневанными. Жуткий уборщик в нетерпении похрустывал пальцами.

Я встала, с удивлением обнаружив, что у меня дрожат ноги.

— Чтобы добраться до него, вам придется иметь дело со мной, — выпалила я.

Но... никакого ветерка, никакого замораживания духов.

— С удовольствием, — ответил уборщик, шагая ко мне.

Я закрыла лицо руками, приготовившись по-девчачьи визжать. Если бы у меня было время подумать, то я бы задалась вопросом: а что они могут мне сделать? Я же уже мертва.

— Что ты делаешь? — с отвращением поинтересовался женский голос.

Я медленно опустила руки и увидела, что духи выстроились в линию, кто-то из них пихался и толкался, но тем не менее они встали в очередь, во главе которой стояла я. Принцесска в платье в горошек, занявшая место после уборщика, с удивлением смотрела на меня, выглядывая из-за его спины.

— Эээ... а что делаете *вы*? — на мой взгляд резонно спросила я.

Она нахмурилась.

— Ты предпочитаешь, чтобы мы рассчитались по номерам?

— Э?

— Она не только выглядит тупой, она и на самом деле тупая, — сказал уборщик.

— Эй!

— Послушай, милая... — вышел из очереди молодой мужчина в старомодной синей военной форме. Я видела его вчера с Уиллом в коридоре. — Я здесь занял, — бросил он через плечо парню с коротким как обрубок галстуком в белой парадной рубашке и двинулся ко мне. Из конца людской цепочки раздались недовольные возгласы, но он от них отмахнулся. — Я не лезу без очереди. Я просто хочу ей помочь. Так что все заткнитесь. Солнышко, — обратился он ко мне, — мы все тебя слышали. Чтобы добраться до него, мы должны сначала иметь дело с тобой. — В его голосе сквозил легкий нью-йорский акцент, но он мне казался знакомым...

Он, должно быть, понял, что я пытаюсь вспомнить, где могла видеть его, потому что протянул мне руку и представился:

— Роберт Брюстер Первый.

Я машинально пожала его ладонь.

— Брюстер, как наш директор Брюстер? — Если директора преследует дух, то неудивительно, что он вечно раздражен и недоволен.

— Это мой мальчик, — широко улыбнулся мужчина.

— Ваш сын?

— Мой внук, — нахмурился он и указал рукой на свою форму. — Это форма времен Второй мировой войны. Разве ты не видишь, что она... А, забудь. Молодежь сейчас ничего не смыслит в истории.

Я пожала плечами.

— Но я не об этом собирался с тобой говорить. А вот о чем. Ты добровольно вызвалась быть его проводником, так что скажи, каким образом хочешь нас выслушать.

Я вытаращилась на него.

— Я не... не понимаю.

— Сказал же вам: тупая как пробка, — пробормотал уборщик.

— Хватит уже, — глянув через плечо, велел ему дед Брюстера, и уборщик тут же замолчал. Затем он снова посмотрел на меня. — Послушай, я уверен, что ты хорошая девочка и понятия не имеешь о том, во что ввязалась, но ты не оставляешь нам выбора и ничуть не помогаешь нам.

— Простите? — Я не понимала, о чем он говорит, и не знала, что еще можно предложить, кроме извинения.

Он тяжело вздохнул.

— Хорошо, давай начнем с самого начала.

В очереди кто-то недовольно простонал.

— Заткнитесь все, — закричал дед Брюстера и закатил глаза. — Такие нетерпеливые, что и не подумаешь, что они уже умерли, правда?

Я кивнула, все еще не зная, как на все это реагировать.

— Дело вот в чем. Мы все мертвы и у всех нас есть последние просьбы. Это ты понимаешь?

Я опять кивнула.

— Просьбы касательно того, что может быть держит нас здесь, не давая двигаться к свету.

— Может быть? — переспросила я.

Он передернул плечами.

— Мы не можем знать наверняка. Можем только догадываться.

— Ладно, — медленно сказала я. Мне казалось, что строить догадки насчет этого — не очень хорошая идея, но сама-то я делала то же самое.

— Очень редко можно встретить живого, который может слышать и видеть нас, как твой парень Уилл.

— Он не мой парень, — возразила я и тут же почувствовала, как все вокруг напряглись. Окинув всех взглядом, я увидела, что они смотрят на меня так, будто я вот-вот откажусь от чего-то важного. Чееерт. — Ладно, ладно, он мой в том смысле, что «он помогает мне, я — ему», но не в смысле «мой бойфренд».

Дед Брюстера покачал головой, словно не веря в то, что слышит. — Это неважно. Важно то, что ты предъявила на него права. Он твой. Поэтому если мы хотим, чтобы он сделал что-нибудь для нас, то должны иметь дело с тобой. Все просто и ясно.

— Я имела в виду...

— Мы выстроились в очередь, милая. — Дед Брюстера нетерпеливо махнул рукой на стоящих позади духов. — И ждем, когда дойдет наша очередь рассказать тебе, что нам нужно от него, чтобы потом ты рассказала об этом ему. — Он покачал головой. — Боже всемогущий, я начинаю думать, что автобус навсегда лишил тебя мозгов.

— Я же говорил, — тихо вставил уборщик.

— Подождите, — подняла я руку. — Я не понимаю.

— Да что ты! Мы все просто потрясены, — громко съязвил уборщик.

— Ты, — взглянула я на него, — встань в конец очереди.

Он раскрыл рот.

— Ты не можешь этого сделать!

— Может и сделала, — заметил дед Брюстера. — Топай.

Бормоча что-то себе под нос, уборщик сунул руки в карманы и, сгорбившись, побрел в конец очереди.

— И не обзывай меня! — закричала я ему, после чего повернулась к деду Брюстеру. — Если я обладаю такой властью только потому, что назвала Киллиана своим, то почему тогда никто из вас не заявил на него свои права?

По толпе духов пробежал тихий шепот.

— Что? — спросила я. — Что я такого сказала?

— Никто из нас не знал о нем до вчерашнего дня, — ответил дед Брюстера, злобно глядя через плечо на духов. — Он здорово скрывает свои способности.

— Да, но у вас все равно было полно времени, чтобы...

— Она заслуживает знать правду, — заговорила девчонка в розовом платье в горошек и нехорошо усмехнулась. — Никто не заявил на него права, потому что никто не хочет быть на твоём месте.

— Лизель, — предупреждающе сказал дед Брюстера.

Я нахмурилась, глядя на нее.

— Все и всегда хотят быть на моем месте. О чем ты говоришь?

— Теперь ты дух-проводник. Должна исполнять пожелания всех, но в особенности — его, медиума.

Я вся похолодела.

— Нет, — покачала я головой.

Девчонка в платье раздраженно вздохнула.

— В последнее время просыпалась в непривычных местах?

Я устала на нее. Я не просыпалась на дороге со вчерашнего утра. Сегодня очнулась достаточно близко от нее, но не... Я очнулась в машине Киллиана.

— Ты там, где он, так ведь?

— Но это не значит...

— Ты связала себя с ним. Ты его проводник. — Глаза девчонки неприятно поблескивали от удовольствия. — Он уже начал тебя призывать?

— Что?

— Если он усиленно подумает о тебе, сконцентрируется на мыслях о тебе, то — пуф! — где бы ты не была, что бы не делала, в тот же миг окажешься рядом с ним.

Мне стало нехорошо. Это может быть правдой?

Лизель посмотрела на небо, постукивая пальцами по подбородку. — Как там нынешние детки говорят? Ах да. Ты его сучка, его загробная сучка. — Она радостно рассмеялась, довольная своей шуткой.

— Эй, Лизель, какая-то ты худенькая сегодня, тебе не кажется? — спросила я. — И вроде стала прозрачней?

Ее смех оборвался, и она принялась разглядывать себя.

— Нет, я не... Это правда? О боже! Эрик, где ты? — Она выскочила из очереди, ища кого-то, кто бы подтвердил, что она не исчезает.

— Это было не очень хорошо, — укорил меня дед Брюстера.

Я на секунду задумалась.

— У тебя... замечательные здоровые волосы, — крикнула я ей вдогонку.

Дед Брюстера пораженно взглянул на меня.

— Это лучшее, что я могу сказать, оставаясь при этом искренней. К том же, она первая начала.

Он открыл рот, чтобы запротестовать, но затем пожал плечами.

— Справедливо.

— Она правду сказала? — спросила я.

Дед Брюстера колебался достаточно долго, чтобы мне стал не нужен его ответ.

— Неважно, — твердо сказала я. — Загробная или нет, я не чья-нибудь сучка.

— Я бы совершенно точно не выразился так, — проговорил дед Брюстера. — Это неуважительно. Но...

— Никаких но. Я не принадлежу Киллиану.

— Ты отрицаешь вашу связь? — небрежно спросил дед Брюстера.

— Я... — До меня медленно дошло, что если я скажу «да», то они, скорее всего, в тот же миг ринутся в школу и начнут доставать Киллиана. Его выкинут из школы, после чего засунут в психушку, а я навечно застряну здесь. С другой стороны, если ему понравится иметь духа-проводника, то я опять же могу застрять здесь навечно. Но он обещал мне помочь. Вопрос только в том: верю ли я ему?

— Ну так? — выдал свое нетерпение дед Брюстера.

Посмотрим на это с эгоистической точки зрения. Если я не помогу Киллиану с этими ребятами, то он не сможет помочь мне, даже если будет этого хотеть. Конечно, это еще не значит, что он вообще мне поможет, хотя ранее явно был готов это сделать. И потом, даже если он изменит свое решения, я могу быть очень-очень настойчивой. В этом часть моего очарования.

— Нет, — наконец ответила я. — Не отрицаю.

Очередь недовольно зашумела.

— Да утихните вы, — рявкнула я.

— Ну хорошо, — вздохнув, сказал дед Брюстера. — Тогда как ты хочешь нас выслушать?

В порядке живой очереди? По алфавиту?

— О нет, — покачала я головой и вытянула вперед руки в классической позе: «стоп». —

То что я назвала Киллиана своим, — не собираюсь даже думать об этом с позиции Киллиана, — не значит, что я должна иметь дело с вами.

Мое заявление заставило всех на секунду заткнуться.

— Ты поворачиваешься спиной к таким же, как ты? — ошарашено спросил дед Брюстера.

— Среди вас нет таких, как я... кроме, может быть, ее, — я кивнула в сторону хорошенькой блондиночки с косичкой в юбке солнце-клеш с изображением пуделя, нетерпеливо постукивающей ножкой в двухцветной кожаной туфле. Она стояла где-то в середине очереди. — Если ее одеть получше.

— Некоторые из нас ждали годы, десятки лет даже, чтобы высказать свою просьбу, — сказал дед Брюстера. — Думаешь, нам нравится то, что мы здесь застряли?

Я нахмурилась. Теперь, когда он упомянул об этом...

— Нет, наверное нет.

— Ты хочешь лишит нас единственного шанса все исправить? — спросил он. — Такие люди как Уилл, особенные люди, встречаются очень редко.

Я почувствовала укол вины. Никто не говорил мне, что подобное входит в работу телохранителя. — Вы даже не знаете, сможет ли он вам помочь. Он сказал, что не знает, почему одни застревают здесь, а других забирает свет.

— Но ты даже не хочешь выслушать нас, — заметил дед Брюстера.

— Ну почему это должна быть я? — Надеюсь, прозвучало раздраженно, а не хныкающе. Поверьте, между тем и тем есть небольшое, но разительное отличие.

— А что ты собираешься делать? — поинтересовался дед. — Шпионить за живыми? Тебе это быстро надоест.

— Нет, мне есть чем заняться. У меня есть жизнь. Хоть и загробная.

— И в чем она заключается? — с весельем в голосе спросил дед. — В том, чтобы опрокидывать вещи и издавать страшные звуки, до смерти пугая живых?

— Откуда вы знаете это?

— Поверь мне, милая, если у кого и есть мстительный блеск в глазах, то как раз у тебя.

— Ох. Спасибо?

— Знаешь, со всеми этими выходками и розыгрышами ты быстренько превратишься в ничто, — предупредил дед Брюстера.

— Я знаю это... теперь.

Я плюхнулась на скамейку, не удосужившись скрестить ноги, чтобы никто не заметил ямочки на моем левом бедре. Все это ввергало меня в депрессию.

— Помогите своему парню, помогите нам, — попросил дед Брюстера. — Это лучше, чем сидеть сложа руки, наблюдая за живыми. К тому же, это доброе дело. Может быть, тебе всего-то и нужно сделать что-то очень хорошее, чтобы наверху тебя заметили и послали свет.

Я подняла на него глаза.

— А Лизель сказала...

Дед махнул рукой.

— Не слушай ее. Она встречала одного духа-проводника, когда застряла с Клэр в Пуэрто-Рико, и считает себя экспертом. Кроме нее никто из нас до вчерашнего дня не встречал говорящего с призраками. Никто не знает, как это все работает. Все наши знания базируются на ходящих на этой стороне слухах. Ну и на том, что мы видели по телевизору. — Он пожал плечами. — У тебя есть шанс помочь себе. Не упusti его.

Я вздохнула.

— Ладно. Я попробую. Что мне нужно делать?

Глава 12

Уилл

В обычных условиях нахождение в крохотной жаркой и редко используемой комнатке, в которую каждый десять минут заглядывает Брюстер, показалось бы мне кошмаром. Особенно, когда дед Брюстер и другие призраки в курсе того, кто я и как можно привлечь мое внимание. Хватило бы и четверти часа, чтобы я съежился под столом, защищаясь от их толчков и пихов. Брюстер бы после этого точно меня в покое не оставил.

Но это утро... не походило ни на какое другое. В комнатке без окон, с углублениями для стеллажей в стене — наверное, это бывшая кладовка — было тихо. И я был один. Совершенно один. Ни один призрак не явился, чтобы стенать, приставать ко мне или пытаться заставить меня с ним заговорить.

Где-то в середине утра пришел Брюстер и кинул мне Марси. Я должен бы был разозлиться, что он не вернул мне ее сразу, хоть и обязан был это сделать, но я бы полюбому не стал пользоваться Марси. Сначала нужно продезинфицировать или купить новые наушники. К тому же, сейчас я прекрасно обходился без музыки. Вокруг стояла такая полная и абсолютная тишина, что у меня практически гудело в ушах. Обалденное чувство. Что бы там Алона не делала, это срабатывало.

Затем настало время обеда.

Незадолго до него ко мне зашла миссис Паджет.

— Я сегодня дежурю в кафе. Мистер Брюстер уехал на встречу с инспектором по учебному округу. Он сказал, ты можешь пойти со мной и взять свой обед. Но есть тебе придется здесь. — Она извиняюще улыбнулась.

— Хорошо. — Я оттолкнулся на стуле от стола, встал и потянулся. Как же здорово спокойно сидеть и делать то, что положено, вместо того, чтобы почти всю свою энергию затрачивать на отгораживание от кишаших вокруг призраков.

— Кажется, тебе сегодня лучше, — заметила миссис Паджет, когда я догнал ее в коридоре.

— Я очень рад, что меня не исключили из школы.

— Я это вижу, — сказала она, неожиданно рассмеявшись.

Джуни со своим потрепанным стареньким рюкзаком ждала меня за дверями кафе в начале стойки раздачи еды. Увидев меня, она выпрямилась, но, заметив рядом миссис Паджет, навстречу не пошла.

Миссис Паджет, поколебавшись, повернулась ко мне.

— Не забывай, что должен взять обед и вернуться. Не давай ему ни единого повода. — Ей даже не пришлось делать ударение на слове «ему», и так понятно, о ком речь.

Я кивнул.

— Спасибо.

Мисс Паджет вошла в кафе, и я направился к Джуни. Под ее глазами от усталости пролегли фиолетовые круги, тушь просыпалась на щеки, и один прокол на губе был без булавки и покрыт засохшей кровью.

Я подавил желание коснуться своей губы.

— Что случилось? Ты...

В нашу сторону по коридору шла группа шумным девятиклассников. Джуни схватила

меня за руку и дернула в сторону, убирая с прохода в кафе.

— Они дадут ей умереть.

Кому? — чуть не сорвалось с кончика языка, но я вовремя захлопнул рот. Конечно же, я знаю, кому. — О чем ты?

Джуни теребила лямку рюкзака, подцепляя один из наколотых на ней значков. На нем было написано: «Коротко говоря, у меня проблемы с властями». Этот значок подарила ей в прошлом году Лили, до того, как они поссорились.

— Вчера после школы я навещала Лили и услышала разговор медсестер. — Джуни переступала с ноги на ногу, словно шагая на одном месте. — Там дело в страховке или в чем-то еще, я не поняла. Они вынут из Лили питательную трубку и дадут ей умереть от голода... — У нее перехватило дыхание, и она замолчала, захлебываясь собственными эмоциями. — Или родители заберут ее в лечебное учреждение в Индию.

Я невольно отступил. Ее слова хлестнули пощечиной. В глубине души я знал, что этот день придет. Только не осознавал, что этот день настанет сегодня.

Глаза Джуни наполнились слезами.

— Что мы будем делать?

Мы с Джуни навещали Лили с первого дня, когда это было позволено. Я касался ее руки, смотрел в ее глаза. Ее уже не было с нами. Душа Лили давно ушла. Ее никогда не было ни в больничной палате, ни на месте аварии — там я тоже проверял, просто чтобы убедиться. Так что мы ничего не могли сделать.

— Джуни, мы не можем... — начал я.

— Ты не понимаешь. Я виновата в том, что она там оказалась. — По ее щекам текли слезы, и ей было не до того, чтобы их вытирать.

— Почему? Потому что вы поссорились за несколько месяцев до этого и она перестала с нами общаться?

Я думал, со временем Джуни с Лили помирятся, мне это не казалось какой-то проблемой. Пока мы с Джуни не пришли на первый день занятий в 12 классе (Лили перешла в 11) и не увидели Лили, одетую в мини-юбку, неустойчиво ковыляющую на шпильках в окружении ровесников-элиты. Она прошла мимо нас задрав нос, с таким видом, будто мы не знакомы. Две с половиной недели спустя она ехала на мамином микроавтобусе, потеряла управление и врезалась в дерево.

Я покачал головой.

— Не мучай себя, Джун. Ты пыталась извиниться за то, что бы там между вами не произошло, но она даже не стала слушать тебя. Она сама сделала выбор — общаться с теми людьми и пойти на ту вечеринку. Мы тут не при чем.

Сказав это, я вдруг осознал, что совершенно прав. Может быть, я мог бы что-то изменить, может быть, мог бы ее спасти, ответь я тогда на ее звонок. Но именно она бросила нас, променяв на других друзей. Все, что я сделал — не ответил на звонок от человека, который месяцы с нами не говорил. И она даже не оставила мне сообщение.

Мне сразу полегчало, словно груз с плеч свалился. Я бы все что угодно отдал за то, чтобы Лили снова была жива и здорова, даже если бы она при этом не желала быть моим другом. Но я не виноват в том, что с ней случилось. Это было стечением множества обстоятельств, лишь одно из которых было подвластно мне — я мог ответить на звонок.

Однако на Джуни мои слова не подействовали так же, как на меня.

— Ты не понимаешь, — глухо повторила она, уставившись в пространство.

Я мягко встряхнул ее за плечи.

— Перестань. Это не твоя...

В этот момент я увидел на сцене Алону, окруженную всеми мертвыми, которых я когда-либо видел в коридорах школы Граудсборо.

Если вам интересно, почему у нас в кафе есть сцена, то по той же самой причине, по которой столики в нем расположены ярусами на разных уровнях. Наше кафе построено в виде аудитории, и некоторые умники называют его «кафеторием». Выходя от стойки раздачи, вы оказываетесь на одном уровне со сценой, но прямо с противоположной стороны. Отсюда идут ступеньки, ведущие к разным ярусам со столиками. Дружки Алоны, так называемая элита первого яруса, сидят, как это ни странно, в самом нижнем ряду, служащим оркестровой ямой в моменты, когда членам драмкружка приходит в голову показать всем какую-нибудь из написанных ими же ангстовых апокалиптических сценок под почему-то бодрую музыку. Но и тут наверное нет ничего удивительно, потому как этот ряд — самый дальний от учительских столиков. Чем дальше столики от этого яруса, тем сидящее за ними все более и более непопулярны. Мы с Джуни и Эриксоном едим за стеклянными дверями, что напрочь отрезает нас от какого-либо уровня популярности. И это к лучшему.

Но сцена... сцена для элиты первого яруса все равно что священный Грааль. Они, наверное, считают, что должны занимать ее, возвышаясь над посредственной толпой, но в этой привилегии им отказали. После того, как несколько лет назад какой-то парень сломал себе ногу, спрыгнув со сцены, никому кроме членов драмкружка — и только если они готовили сцену к постановке — не позволялось во время обеда забираться на сцену. Этой зимой все сходили с ума, раскрашивая декорации к весенней постановке «Смерть и мороженое». Понятия не имею, о чем она была, но почти все декорации были в черно-красной гамме и девчонки с первого яруса время от времени вскрикивали, когда в них летели брызги от краски.

Неудивительно, что Алона, воспользовавшись своим невидимым-для-большинства статусом, заняла возделенную сцену. Но я все равно был немало шокирован, увидев ее на барном стуле за высокой, годов так 1950-х, стойкой (с той самой постановки... не спрашивайте, понятия не имею, какое отношение она имеет к смерти или мороженому) и что-то записывающей, в то время как рядом выстроилась длиннющая витляющая цепочка из призраков, терпеливо ожидающих своей очереди с ней заговорить.

— Какого черта? — пробормотал я.

Джуни вышла из состояния прострации и взглянула на меня. По настоящему взглянула.

— Ты что? — она положила прохладные пальцы на мою руку. — Выглядишь так, словно увидел...

Не дослушав ее, я отстранился и направился к ведущим к сцене ступенькам. Не буду драматизировать и говорить, что все в кафе, завидев это, затаили дыхание, но в мою сторону начали поворачиваться головы. В конце концов за четыре года учебы тут я никогда не спускался ниже третьего яруса и сейчас будто напрашивался на тумаки от элиты с первого или второго ярусов.

— Что ты творишь, Уилл? — громко прошептала Джуни мне в спину, но я, спускаясь по ступеням, не обернулся.

Стоило мне ступить на пол первого яруса, как по кафе пронесся шепот и все начали разворачиваться и смотреть на меня. Разговоры стихли, и наступила такая тишина, что, клянусь, я слышал, как приминается ворс ковролина под ногами.

Дружки Алоны просто прожигали меня взглядами, ничего не предпринимая. Первый ярус был их святая святых, никто не смел заходить на эту территорию. Те, кто по незнанию или недопониманию оказывался здесь (к примеру, новичок, или ботаник, решивший, что если Мисти списывала у него на химии, то можно к ней запросто подойти, или какой-нибудь дурень-утопист, считающий, что популярные ученики — такие же люди, как все) обычно поспешно сбегали, почувствовав на себе тяжесть пронизывающих злобных взглядов. Но только не я.

Я не проходил мимо дружков Алоны, держась ближе к столу элиты одиннадцатого класса. Те, конечно же, мнили себя лучше меня, но медлили и не лезли драться, ожидая реакции двенадцатиклассников.

Я достал из кармана мобильный.

— Что ты там делаешь? — спросил я Алону, стараясь, чтобы мой голос прозвучал спокойно. — Обзавелась новыми дружками?

Я боялся, что Алона не услышит меня или не поймет, что я обращаюсь к ней. Но мне сыграла на руку звенящая тишина, сопровождающая вступление на запретную территорию.

— Уилл?

Я не посмел поднять на нее взгляд. Если я уставлюсь на сцену под таким углом, то буду похож на психа, таращащегося в никуда. То есть, я буду казаться еще большим психом, чем меня уже считают.

Через несколько секунд в поле моего зрения появились белые кеды. Алона опустилась на колени и перекинула волосы за плечи. Я почувствовал исходящий от нее знакомый, сладковатый запах.

— Что ты делаешь? — ошеломленно спросила она. — Хочешь, чтобы тебя прибили?

— Что яделаю? Что *ты*делаешь? — процедил я сквозь сжатые зубы. — У тебя там на сцене полкладбища Граундсборо.

Алона кинула взгляд через плечо, будто и не осознавала этого факта, пока я его не озвучил. — Ну... да, они все приходят и приходят. Такое ощущение, что кто-то там у них флаеры раздает, — засмеялась она.

— Ха-ха-ха. Очень смешно. Чем ты там занимаешься?

— Веду записи, — пожала Алона плечами. — Это моя работа, как твоего проводника и...

— Как моего кого? — Не сдержавшись, я поднял на нее глаза.

— Как твоего духа-проводника. Ну, знаешь, того, кто помогает тебе в работе с духами. — Алона умолкла, задумавшись. — Можно сказать, что я твой менеджер.

— Мой кто? — слабо повторил я. Кажется, меня заклинило.

— Менеджер. Ну, вроде как у тебя есть талант, а я помогаю тебе сходиться с людьми, которым ты нужен. Плюс, они ведут себя тихо, когда их кто-то выслушивает, — Алона мотнула головой в сторону призраков за спиной, — а у меня есть шанс сделать что-то хорошее. — Она слегка поерзала, глядя на кого-то поверх моего правого плеча.

— Но... — я даже не знал, с чего начать расспросы.

— Внимание. Угроза на девять часов. Тебе сейчас пересчитают зубы. — Она лучезарно улыбнулась мне. — Видишь, я уже во всю помогаю тебе.

Я начал поворачиваться влево, но, вспомнив наше с Алоной прошлое «часовое» затруднение, вместо этого развернулся вправо — на три часа — и увидел, что ко мне приближаются Крис Зебровски и Бен Роджерс.

— Если ты сию минуту уберешься отсюда, то, скорее всего, они тебя не тронут. Алона поднялась с колен.

— Подожди, — остановил я ее.

— Не могу. Видишь, какая огромная очередь ко мне? — Она со вздохом закатила глаза. — Я тут на весь день застряну. — Покачав головой, Алона пошла к своему барному стулу за стойкой.

— Алона, — прошептал я настолько громко, насколько мог себе позволить. Ничто так не привлечет внимание людей в кафе, как выкрикивание имени мертвой чирлидерши. А мне это сейчас нужно меньше всего.

— Что, Уилл Киллиан, потерялся? — раздался за спиной голос Бена Роджерса.

Я повернулся к ним лицом. Бен держал руки в карманах, приняв обманчиво расслабленную позу, но его плечи были напряжены. Он, конечно, богатый и ленивый сукин сын, однако не из тех, кто чурается драки. Крис рядом с ним — бывший парень Алоны — наоборот всем своим видом показывал, что готов меня хорошенько поколотить. Он был ниже и коренастее Бена, годы занимался рестлингом и стоял сейчас, расставив широко ноги и сжав кулаки.

— Фрикам нет места в первом ярусе, — добавил Крис.

Я поднял руки в успокаивающем жесте, сжимая в одной мобильный.

— Я не хочу проблем, парни. Просто нужно было сделать звонок, а тут прием лучше. Уже уйду. — Как бы я не ненавидел их привилегированные задницы, тем не менее не собирался затевать драку на их территории. Виноват останусь я. И все равно проиграю. Два против одного — нечестная драка. Шестнадцать против одного — а так и будет, когда все овцы и бараны кинутся на помощь своим вожакам — это бойня.

Я начал обходить их, направляясь к ступенькам, но далеко не ушел. В центре прохода, на ступеньках второго яруса, из ниоткуда появился маленький сгусток черного дыма. Он был похож на газовый выхлоп. Я остановился с колотящимся от страха сердцем. Практически сразу, словно только и ожидая того, когда я его увижу, этот сгусток вырос в колышущуюся и бурлящую черную массу.

— Эм, Киллиан? Прямо на двенадцать часов Злобняк, — крикнула сзади Алона, в ее голосе слышалось напряжение.

На этот раз она правильно указала направление.

— Да, вижу его, — глухо ответил я.

Я услышал, как Алона спрыгнула со сцены, мягко приземлившись на пол за моей спиной.

— Каков будет план? — ее голос подрагивал, однако она осталась рядом со мной.

— Не знаю.

— Не знаешь чего, Уилл Килл? — встал передо мной Бен, лыбясь во весь рот. Последовавший за ним Крис, смачно ударил кулаком о ладонь во всем понятном жесте.

Черт. Совсем о них забыл.

Все в кафе следили за нами, ожидая, что же будет дальше. Стоящая наверху в центральном проходе Джуни кажется молилась, сунув руки в рюкзак, полузакрыв глаза и беззвучно двигая губами.

Затем Злобняк, как прозвала его Алона, внезапно метнулся вперед, прямо на нас.

— Алона, беги! — не думая, выпалил я. Это было ошибкой.

— Что ты сказал? — резко спросил Крис.

О, черт.

Двадцать минут спустя я сидел в медкабинете, приложив к левой стороне лица пакет со льдом. Ладно, уроки выучены. Первый: говорить с мертвой подружкой парня при этом самом парне, даже если он уже нашел себе замену — большая ошибка. Второй: существо, бывшее когда-то моим отцом и ставшее Злобняком, не любит соперничества. Оно исчезло в ту же секунду, как Крис ударил меня. Третий: Алона Дза, может быть, и мой дух-проводник, но миссис Паджет — мой ангел-хранитель. Она позвала на помощь мистера Герри и твердо стояла на том, что начал драку Крис. Меня снова отстранили от занятий, но это я как раз переживу.

Я откинулся на спинку неудобного пластикового кресла и поморщился от боли в ребрах. Прижал пакет со льдом к распухшей щеке.

Стоящее рядом кресло покачивалось и тряслось, отчего бок простреливало болью.

— Да что с тобой такое? — спросил я Алону, которая видимо не могла усидеть на месте и поэтому постоянно меняла позы. К счастью, мы были одни. Рассудив, что будет не очень мудро держать нас с Крисом вместе в тесной комнате, медсестра Райэрсон вышла, чтобы позаботиться о Крисе. Ага, я тоже вмазал ему пару раз. Хоть нос ему расквасил.

Спустив ноги на пол, Алона долгую секунду смотрела на них, потом перевела взгляд на меня.

— Ты защищал меня. Почему?

— Тебя *это* беспокоит? — спросил я. — Вообще-то я просто защищал себя от кулаков твоего взбешенного бойфренда. — Я открыл рот и попробовал подвигать челюстью. Черт, рестлеры не слабо могут отделать, может быть даже сильнее чем футболисты, угощавшие меня тумаками, когда я был помладше.

Нетерпеливо фыркнув, она покачала головой.

— Не от него. Хотя... — на ее губах появилась легкая улыбка, — Мисти, наверное, от ярости кипела, видя как вы двое деретесь из-за меня.

Я закатил глаза.

— Мы дрались не из-за...

— И, кстати, ловкий ход — выкрикивание моего имени посреди кафе. — Алона хлопнула меня по плечу. Движение отозвалось болью в ребрах, и я охнул. — Но я говорила не о Крисе, а о Злобняке. Ты пытался защитить меня от него.

— А, вот ты о чем.

— Ты же тем самым прикрывал свою собственную задницу, да? Ну, то есть, я теперь твой дух-проводник, и тебе, наверное, пришлось по вкусу идея распоряжаться мной, вот ты и не хотел так быстро с ней распрощаться.

Это было так похоже на нее — сказать что-то в таком духе, но под стервозной заносчивостью я услышал вопрос, который она не решалась задать, услышал ранимость, которую она хотела скрыть. Кто-нибудь когда-нибудь защищал ее, если из этого нельзя было извлечь выгоду? Алона, конечно, не выглядела, как девушка, нуждающаяся в защите, но нам всем хочется чувствовать заботу.

Она опустила голову, делая вид, что рассматривает ногти, спрятав от меня лицо за волной блестящих волос. Самое время сказать что-нибудь классное, что хоть она иногда и сводит меня с ума, но я восхищаюсь ее силой духа, особенно теперь, когда немного в курсе того, через что ей пришлось пройти.

— Эм... — Сердце бешено колотилось где-то в горле, и слова, все слова испарились из

ГОЛОВЫ.

Алона хмыкнула.

— Неважно. Забудь. — Она перебросила волосы через плечо.

— Эй, — запротестовал я. — Хотя бы дай мне возможность...

Открылась дверь, и в кабинет просунула голову Джуни. В комнате стояли лишь маленький стол, два кресла и койка, так что долго меня искать не пришлось. Еще одна дверь вела в микроскопическую ванную.

— Ты один? — прошептала Джуни.

Алона возвела глаза к потолку.

— Да, — отозвался я.

Джуни, нахмурившись, проскользнула в комнату.

— Тогда с кем ты говорил? — Она скинула свой рюкзак на пол перед стоящим рядом со мной креслом, прямо на ноги Алоне.

Алона взвизгнула.

— Осторожно, фрик!

— Ни с кем. Я ни с кем не говорил. Хорошо, что ты зашла. — Я сердито глянул на Алону.

— Ладно, ладно. Она хороший друг. Бла, бла, бла, — промямлила она.

— Эй, Киллиан? — Джуни помахала рукой у меня перед лицом. — Я здесь. — Она обошла кресло, чтобы опуститься на него, и Алона поспешила убраться, пока не нее не сели. — Ты как? Джуни так пристально посмотрела на меня, что я отвел взгляд.

— В порядке.

— Ты только что зашел на территорию элиты первого яруса, притворяясь, что кому-то звонишь. Вчера у тебя прямо в коридоре случился припадок...

Я махнул рукой, прерывая ее.

— Со мной все в порядке. — Краем глаза я заметил, что Алона, нахмурившись, разглядывает что-то на полу.

— Нет, не в порядке. — Джуни принялась теревить серебряные колечки в ухе. — То, как ты ведешь себя, слишком странно даже для тебя самого. А я не могу так волноваться и за тебя, и за Лили разом. Меня не хватит на вас двоих. — Она слабо улыбнулась. — Так что скажи мне, что происходит.

Алона опустила на колени рядом с Джуни, склонив голову на бок.

— Ты только посмотри на это, — прошептала она.

И чего шепчет? Ее все равно кроме меня никто не услышит. Затем, пользуясь тем, что в моем присутствии она может касаться вещей, она откинула верх потрепанного, не закрытого на молнию рюкзака. Из него торчал угол плоской деревянной доски с числами и буквами. Что-то он мне напоминал, но я не никак не мог вспомнить, пока...

Я вскочил с кресла.

— Господи, Джуни, это спиритическая доска? — Да, это жуткая, но безобидная детская игра... пока не играть с ней рядом с таким, как я.

Джуни уставилась на меня, раскрыв рот и умолкнув на полуслове, перевела виноватый взгляд на пол. Ее лицо вспыхнуло, затем побелело.

— Я должна идти.

Она встала, подхватила с пола рюкзак и выскочила из комнаты.

— Джуни, подожди, — крикнул я.

Она не ответила и не остановилась. Дверь медкабинета захлопнулась за ней.

Я повернулся к Алоне. Она прислонилась к столу медсестры, скрестила руки на груди и с самодовольным видом смотрела на меня.

— Откуда ты знала, что в рюкзаке спиритическая доска?

Алона пожалала плечами.

— Я мертвая. Я теперь все знаю. К примеру то, что каждое утро ты начинаешь с того, что...

— Перестань, — рявкнул я, чувствуя, как горят мои щеки. — Смерть не делает ни тебя, ни кого либо другого, всезнайкой. — Что значит: или Алона необычайно догадлива, или я настолько предсказуем. — Попробуй еще раз.

— Ну и зануда ты, — вздохнула она. — Я заметила край доски, когда она бросила мне на ноги свой дурацкий уродливый рюкзак. Пару секунд я вспоминала, что это. Вот и все. Я вообще не поняла, что в этом такого страшного? Ну, кроме того, что ношением в сумке подобной штуки она еще раз доказала свою ненормальность.

Я покачал головой.

— Все намного сложнее.

— Ты же не думаешь, что она работает... да? — выгнула бровь Алона.

— Рядом со мной — работает.

— Ну да, конечно.

— Я не шучу. — Я отнял от лица пакет со льдом, чтобы лучше видеть Алону. — Для обычных людей она безобидна, но для меня... — Я на мгновение задумался. — Ладно, представь, что звонишь в другую страну, не имея при себе телефона.

— Я что, дура в твоем примере? Как можно звонить без телефона?

— Помолчи секунду, а? Я пытаюсь объяснить. — Я глубоко вздохнул. — Ты хочешь позвонить, всеми силами сосредотачиваешься на мысли о звонке, но без телефона связи не происходит.

— Удивил, — пробормотала Алона.

Я проигнорировал ее.

— Дать кому-нибудь спиритическую доску, это все равно что дать телефон без связи.

Она кивнула.

— Используй спиритическую доску рядом со мной и ты получишь телефон со связью и целым пакетом услуг. Только вместо голосовой связи ты откроешь дверь между двумя местами. Спиритическая доска — это своеобразная фокусировка, помогающая тебе сконцентрироваться и направить энергию, но эта энергия не может никуда уйти, если рядом нет меня. Я, кем бы я там ни был, даю ей силу и направление, открываю канал для передачи. Помнишь, я так же как и ты нахожусь в междумирье, но могу общаться с обеими сторонами. Энергия с одной стороны — это всего лишь энергия, пока она не найдет меня, и только со мной она имеет вес, плотность и форму... Вытекшая из пакета со льдом тонкая струйка холодной воды скользнула по моей руке, и по моему телу прошла дрожь.

— Значит, Джуни вызывает оттуда поболтать пару-тройку своих мертвых родственничков? — Алона передернула плечами. — Ну и что тут такого?

— Нет, — твердо ответил я. — Люди, которые ушли, действительно ушли, не могут вернуться. И вызывая их... никогда не знаешь, кого дозовешься. Звонок определенному человеку, не гарантия того, что ответит именно он.

Алона нахмурилась.

Я вздохнул.

— Это как: звонит телефон, и каждый проходящий мимо может ответить на звонок. И с некоторыми людьми, застрявшими в междумирье, не стоит шутить. — Иногда люди сходят перед смертью с ума. Иногда сама смерть делает их сумасшедшими... или более сумасшедшими, чем они уже были. Дед Брю, Лизель и остальные порой раздражают и надоедают, но они практически безобидны. А вот других следует избегать.

Алона смерила меня взглядом.

— Я поняла тебя. Я же не дура. — Она подняла руку ко рту и прикусила ноготь, но тут же опомнилась и опустила руку. — Мне вот интересно... как много раз ты видел Злобняка? Я имею в виду... сам знаешь кого.

— Знаю, — сухо ответил я. — Десять, может двенадцать раз.

— Почему ты думаешь, что это твой отец?

Я медленно выдохнул, снова прикладывая пакет со льдом к лицу.

— Потому что я видел несколько самоубийц, и они почти все такие, не цельные. — Я искоса глянул на нее. — Поэтому-то я и знаю, что ты не убивала себя, что бы там не говорила Лиэн Вайтэкер.

— Сучка, — проворчала Алона.

— Что случилось в тот день? — спросил я.

Она приподняла бровь.

— Я первая спросила. Почему ты думаешь, что это твой отец?

Я несколько секунд смотрел на нее, и она не отводила глаз. Я открыл рот сказать, чтобы она забыла об этом, но вместо этого из меня полились слова, описывающие мое последнее утро, проведенное с отцом. Эту историю от меня слышали только доктор Миллер и Джуни, и я еще не окончил рассказывать ее Алоне, как уже об этом жалел. Однако Алона лишь задумчиво кивала.

— Но все это не объясняет того, почему ты считаешь Злобняка своим отцом. Есть же другие люди, которые... — она скорчила гримасу.

Я со вздохом продолжил:

— Он... кажется, сфокусирован на меня. Где бы он не появился, всегда сразу набрасывается. — Я пожал плечами, поморщившись от боли в ребрах. — Он единственный самоубийца, с которым я знаком лично.

— Они все так выглядят? — не унималась Алона. — Большие черные облака дыма?

— Нет, до него я никогда не видел ничего подобного. Он... это одни сплошные волны эмоций. Но за эти года я много чего разного повидал. К чему ты клонишь? — нетерпеливо спросил я.

— Твой отец умер три года назад, да? Ты сам так сказал. — Она взглянула на меня, словно ожидая, что я буду возражать.

— Да. И что?

— Когда ты стал видеть Злобняка?

Я внезапно понял, к чему она ведет.

— Это ничего не значит. Иногда духам нужно время на то, чтобы найти путь...

— Когда? — лягнула она меня в голень.

Я наклонился и потер ладонью ногу.

— Не знаю, где-то восемь-девять месяцев назад.

На самом деле я точно знал, когда увидел его в первый раз. Это было в первый вечер,

когда нас с Джуни пустили к Лили. Моя мама пошла с нами. Я тогда осознал, что не могу остаться здесь.

— Сразу после того, как я сказал маме, что уеду после окончания школы. — Она затопила больницу слезами. Наверное, этого было более чем достаточно, чтобы вызвать отца оттуда, где он находился. Я обещал ему позаботиться о маме — это было последнее, что я сказал папе.

— По-твоему, твой отец, знающий о том, что ты говоришь с призраками, болтался где-то три года, ожидая, когда ты сделаешь что-то, что его взбесит, а уж только потом попытался с тобой заговорить... или убить тебя?

Если так на это смотреть, то, действительно, как-то нелепо получается, но Алона не знает, как тут что работает. Черт, да порой я сам этого не понимаю. Кроме того, кто или что еще это может быть?

— Ты когда-нибудь видел эту штуку без Джуни поблизости? — тихо спросила Алона.

Я похолодел. Память помимо воли воспроизвела все встречи со злобным призраком и каждый раз, это совершенно точно, Джуни или стояла рядом со мной, или была где-то поблизости.

— Нет, — резко ответил я, — это невозможно.

— Почему? — Алона выпрямилась. — Потому что она твоя подруга? Ты не видел, что она делала сегодня в кафе?

Значит, она тоже это заметила. Джуни могла молиться, как мне всегда казалось. И могла колдовать, используя лежащую в рюкзаке спиритическую доску... Нет. Я помотал головой. Не позволю предубеждению Алоны пагубно влиять на мои мысли.

— И я даже не хочу рассказывать тебе о той странности, которую наблюдала вчера у тебя дома. Она вроде как влюблена в тебя, но... — Алона нахмурилась. — Нет, с этим тоже что-то не так. С этой девчонкой реально что-то не так.

— Прекрати, — не выдержал я. — Ты не знаешь ее. Ты не знаешь, через что мы прошли в прошлом году.

— А, ты о таинственной Лили? Почему не расскажешь мне о ней? Я тебя уже кучу раз спрашивала.

Я покачал головой.

— Это не имеет значения. Джуни о моих возможностях понятия не имеет, так что никогда бы не подумала о том, что ты предполагаешь. А если бы даже и знала обо мне, то зачем ей это делать? Вряд ли бы она хотела мне навредить. Она моя подруга.

Алона плюхнулась на стоящее рядом кресло, повернулась ко мне лицом и подобрала под себя ноги.

— Тогда почему, — спокойно спросила она, — Джуни убежала, когда ты спросил ее о дурацкой игре в рюкзаке?

Прямое попадание. И я раньше сомневался в умственных способностях Алоны Дэа? — Наверное, она просто смутилась, — не сдавался я. Но я прекрасно видел выражение лица Джуни несколько минут назад. Если это было не чувство вины, то что-то близкое тому.

— У-ху. — Алона перекинула волосы за плечи. — Может я и красивая, но не глупая. Она что-то скрывает.

— Это не... — Мне вдруг вспомнилось, как быстро Джуни переключается с беспокойства о Лили на засыпание меня вопросами. К чему бы это?

— Я могла бы последить за ней, эти дни я особенно незаметна. — Алона снова

повернулась в кресле, вытянув перед собой длинные ножки. Мой взгляд тут же приклеился к ним.

— Эй, мое лицо здесь, — щелкнула она пальцами, и я вскинул на нее глаза.

— Не нужно за ней следить, — сказал я. — Сегодня пятница. Я и так знаю, куда она пойдет после школы. — Джуни ни за что не пропустит посещение Лили, особенно после того, что услышала в больнице и рассказала мне.

— Так мы тоже туда пойдём или как? — Алона смахнула с шортиков... призрачную нитку?

Я поморщился.

— Я наказан и должен задержаться в школе после уроков. И в понедельник тоже. Не могу себе позволить сбежать.

Алона просияла.

— О, здорово, тогда у тебя будет время на то, чтобы кое-чем заняться.

В моей голове прозвенел тревожный звоночек.

— Чем это?

Она приподняла край футболки, обнажив гладкую загорелую кожу на подтянутом животе и маленький аккуратный пупок — чирлидерство явно хорошо сказывается на теле, — и вытащила из-за пояса шортов стопку маленьких, сложенных бумажных листков.

— Прости, — сказала Алона, — у меня нет карманов.

Я прочистил горло.

— Никаких проблем.

Она протянула мне листы. Я взял их, еще теплые от соприкосновения с ее кожей, и развернул. Наверху первого было написано: Р. Брюстер. Хочет получить прощение у сына за то, что нетерпимо относился к его сексуальной ориентации, и хочет, чтобы внук примирился со своим отцом. Анонимные записки?

Отложив первый лист, я прочитал второй — то есть, пробежал глазами. Лизель Маркс и Эрик... Я посмотрел на Алону.

— Что это?

— А на что это похоже? Я встретила со всеми твоими духами и записала, чего они хотят. — Она смахнула с глаз волосы. — Слушай, а ты знал, что если умираешь, ну или перемещаешься в этот мир, с какой-то вещью, то она остается у тебя? Слава богу, одна девчонка умерла с ручкой и блокнотом в сумочке, или мне бы пришлось все это запоминать. — Наклонившись ко мне, Алона показала на листки. — Я даже вела переговоры вместо тебя и сказала, что никаких личных визитов и звонков не будет. — Она выпрямилась в кресле. — Все, что тебе нужно сделать — написать записки и найти несколько пропавших вещей.

— Нет, — решительно сказал я.

Она резко развернулась ко мне лицом, хлестнув меня по глазам волосами.

— Ты шутишь? Я на это все утро потратила.

Я опустил пакет со льдом и зло взглянул на нее.

— О, ну прости меня, пожалуйста. А что ты собираешься делать всю оставшуюся вечность?

Алона глубоко вздохнула, открыла рот и... промолчала. Она вытянула перед собой руки и сделала медленный вдох и выдох.

— Медитируешь?

— Нет. Пытаюсь успокоиться, чтобы не надрать тебе задницу, — сквозь сжатые зубы сказала она.

Я подавил тяжкий вздох.

— Я правда ценю то, что ты делаешь, и ты помогла мне, заняв их, но...

— Слушай, я тоже сначала была не в восторге от всего этого. — Алона убрала волосы за уши. — Я и в качестве твоей секретарши? — она закатила глаза. — Но если ты их выслушаешь, то...

— Не собираюсь ввязываться в это снова, — поднял я руки, сжимая в одной пакет со льдом, в другой — листки.

— У тебя есть то, что им нужно. Они всего лишь хотят выговориться и быть услышанными. Вот и все. Такие как ты... — Она кивнула на меня, — большая редкость. За исключением, может быть, Пуэрто Рико.

— Что?

Алона проигнорировала меня.

— Так что если ты уйдешь, то, может быть, лишишь их последней возможности.

— Какой возможности? Послать меня с бесполезными поручениями, которые никому не помогут? Я же сказал тебе: это не сработает. — Я протянул ей листки.

Алона скрестила руки на груди.

— Представь, что твоему отцу нужна помощь и он пытается пробиться к тебе, но какой-нибудь говорящий с призраками не хочет ему помогать.

Я застыл.

— Мой папа — не твое дело.

— Да ты что! А мне вот кажется, что очень даже мое, так как ты считаешь, что именно он появляется вдруг из ниоткуда, сбивает тебя с ног и пытается укокошить, нарушив все мои планы, касательно того, как выбраться отсюда. Я даже не знаю, что случается с духами-проводниками, если они допускают убийство своего говорящего с призраками.

— Давай не будем об этом, — устало попросил я.

Алона изучающе уставилась на свои ногти.

— Думаю, ты хочешь, чтобы то жуткое черное облако было твоим отцом, потому что хотя бы таким образом можно общаться с ним. Иначе получается, что он просто-напросто бросил тебя, а ты-то уж, из всех людей, знаешь, что если бы он хотел, то мог бы вернуться с тобой поговорить.

— Перестань! — закричал я, бросив в нее листки. Они упали на пол, шурша, как сухие листья.

— Что здесь происходит? — ворвалась в кабинет медсестра Райэрсон и встала как вкопанная, увидев, что я сижу в комнате один.

— Ничего, — напряженно ответил я. — Ничего здесь не происходит.

— Ты чертовски прав, — пробормотала Алона. Она встала и осторожно, чтобы не наступить, обошла листки на полу.

— Мне показалось, я слышала... — медсестра Райэрсон замолчала и, вытянув шею, заглянула за дверь посмотреть, не прячется ли кто за ней.

— Вы о крике? — спросил я.

Она кивнула.

Я пожал плечами.

— Это не здесь кричали.

Она нахмурилась и медленно вышла за дверь.

Алона пошла за ней.

— Куда собралась? — тихо зашипел я.

Она дернула плечом.

— Очевидно, я тебе не нужна, и мне не нужно теперь ходить на уроки — одно из преимуществ быть мертвой.

— А что насчет...

— Духов? Тех, что доставали тебя? Не знаю, — отрезала она. — Я договорилась, что если ты согласишься помочь им, то они оставят тебя в покое. Но, видно, сделка не состоялась.

— Алона, — вздохнул я.

— Удачи на уроках, — фальшиво бодрым голосом пожелала она. — Надеюсь, ты любишь мюзиклы. Скажу им, что «Энни» ты обожаешь больше всего.

— Стой, подожди...

Не слушая меня, Алона прошла сквозь закрытую дверь, тихо напевая под нос песню «Завтра».

Здорово. Теперь у меня не просто злой дух-проводник, а злой дух-проводник с мстительной жилкой и знанием популярных песенок. Чем дальше, тем веселее.

Глава 13

Алона

Я шла по главному коридору, направляясь к двойным стеклянным дверям. Остановилась. Я понятия не имела, что дальше делать или куда идти. И, если честно, была немного удивлена, что после того, что наговорила Киллиану, все еще цела и никуда не исчезаю. Хотя я же боролась за правое дело. Это не он, а я последние несколько часов выслушивала все эти истории, смотрела во все эти лица...

Меня не так-то просто разжалобить историями о несчастной судьбе. Мы сами делаем в жизни неправильный выбор и вынуждены жить (или не жить) с его последствиями. Но большинство из тех, с кем я поговорила, смирились со своей судьбой. Они пришли ко мне, прослышав о способностях Киллиана — мертвые, как оказалось, любят посплетничать, — со слабым огоньком надежды. Некоторые из них годы провели тут, беспомощно наблюдая за тем, как их любимые либо пережили их смерть и продолжают жить дальше, либо полуживут-полусуществуют, несчастные и полные сожалений.

Триша, девушка, которая дала мне бумагу и ручку, тут аж с 1988 года (если бы она сама не сказала мне об этом, то я бы догадалась по ее гетрам). Она бежала за своей собакой Муши, когда та вырвалась на улицу, поскользнулась на льду и, упав, ударилась головой. Это была почти мгновенная смерть. Все что она хотела сейчас — сказать своему «маленькому» брату, что он ни в чем не виноват. Он не закрыл плотно дверь, когда они с Тришей вернулись из школы домой, и Муши выскочила на улицу. Брату было всего лишь восемь лет, это была дурацкая оплошность, но после стольких лет он все еще винит себя в смерти сестры, разводе родителей и всем том плохом, что случилось после этого. Триша сказала, что он уже дважды пытался покончить с собой.

Мы с Киллианом можем это изменить. Можем передать Дэйву слова сестры и помочь обоим сразу. Да, может быть, не во всех случаях духу удастся наконец отсюда уйти. Может быть, некоторые из духов обманываются в том, что на самом деле держит их тут, но как насчет одного или двух, или пяти, которые правы?

Мое внимание привлекло движение чего-то темного. Я резко развернулась, ожидая увидеть Злобняка, на этот раз явившегося разорвать в клочья меня. Но это оказалась Джуни. Она выскочила из туалета, прижимая к груди рюкзак. У нее было бледное лицо с покрасневшими глазами. Наверное, она плакала.

Низко опустив голову, она побежала к библиотеке. Я последовала за ней. Киллиан сказал, что нет нужды следить за ней, что он знает ее пятничное расписание. Но так как мне он не удосужился о нем рассказать, придется прикинуться детективом и разобраться во всем самой. Запросто. Все равно делать нечего.

— Эй, Алона! — бодренько помахал мне жуткий уборщик, когда я проходила мимо него. Он снова намывал ковер.

Боже, если Киллиан не выполнит хотя бы парочку-тройку просьб, то моя репутация немало пострадает. Я помахала ему в ответ и прошла за Джуни сквозь библиотечные двери к одному из компьютеров у стены.

Нервно глянув через плечо, Джуни осторожно опустила застегнутый рюкзак на пол.

— А, теперь ты боишься, что кто-нибудь еще увидит доску.

Несколько кликов, и Джуни вышла в интернет, затем в Гугл. Ну и что же она будет

искать? Кома, призраки, связь с потусторонним миром и — мое любимое — реинкарнация.

Я фыркнула. Нет, конечно, Джуни не при чем, она вообще не в теме. Ага, как же. Жаль, нельзя распечатать все то, что она науглила, и показать это Киллиану. Без доказательств он мне не поверит и будет искать любое рациональное объяснение поведению подружки, только бы оно не касалось жутко злобного духа или кто там этот наш Злобняк.

Вопрос в том: почему? Почему она ступила на столь опасную дорожку? Ее последний поиск дал на это возможный ответ.

Бросив быстрый взгляд через плечо на библиотекаря мистера Муэллера, Джуни напечатала в интернете веб-адрес MySpace. На мониторе появилась ярко-розовая страница и убийственно громко заиграла какая-то старая попсовая песня. Пока Джуни возилась с мышкой, чтобы убавить звук, я, наклонившись, разглядывала страницу. К моему удивлению, девушка с фотографии в профиле казалась мне смутно знакомой. В ней было какое-то невинное сельское очарование. Прямые мышиноного цвета волосы, собранные в косичку (при хорошей стрижке и мелировании будут вполне себе ничего), бледная кожа (о тоналке мы не слышали?) и светло-карие глаза (правильно покрашенные они стали бы выразительными, если даже не красивыми). В графе с возрастом стояла цифра шестнадцать. Это либо ученица десятого класса, либо одиннадцатого. Наверное, поэтому я не знаю ее, хотя на странице написано, что она учится в Граундсборо.

Я нахмурилась. Откуда я помню ее лицо? Что-то шевелилась в глубине памяти, но на поверхность не всплывало.

Джуни кликнула мышкой по галерее с фотографиями, и стоило снимкам открыться, как огромный кусок пазла в моей голове встал, наконец, на место. После нескольких расплывчатых, несфокусированных фотографий собаки и слишком детской спальни, поклеенной обоями с принцессами, я увидела снимки знакомых мне людей: Джуни, показывающая камере язык с гвоздиком, Киллиан, обнимающий девушку, вытянув руку вперед, чтобы заснять их вдвоем. Уилл на фото улыбался, демонстрируя свои идеально белые и ровные зубы. Никогда не видела его таким счастливым. Сама же девушка не смотрела в камеру — повернув голову, она с обожанием на простеньком личике смотрела на Киллиана.

Мой взгляд метнулся к адресной строке. Лилслайф. Лил. Лили. Та, о которой я так часто слышала. Это она. Она что, девушка Киллиана? Он же сказал своему сомнительному психиатру, что они были только друзьями...

У меня неприятно заныло в груди, и я обхватила себя руками. Это не ревность, нет. Кого тут ревновать и к кому? Псевдо-гота к его простушке-может-быть-девушке? Просто я никогда и ни на кого так не смотрела, даже на Крису в наши самые лучшие дни, и уже не посмотрю, потому что мертва, и Киллиан никогда не улыбался мне так...

Мои мысли прервало громкое всхлипывание Джуни.

— Прости, Лил. Я пытаюсь, — прошептала она. По ее щекам текли слезы, смешанные с тушью. Она снова посмотрела через плечо, на месте ли библиотекарь, затем повернулась лицом к компьютеру, поцеловала кончик указательного пальца и прижала его к губам Лили на фото.

Ничего себе! Что здесь творится?

Пока я таращилась на нее, открыв рот, Джуни закрыла интернет-браузер и выключила компьютер. Она встала, подхватила с пола рюкзак и пошла к двери с видом человека, решительно настроившегося что-то сделать. Цепочка с черепушкой на ее шее позвякивала

при каждом твердом шаге.

Я, конечно же, последовала за ней. Голова гудела от мыслей. Если Лили была девушкой Киллиана, то Джуни странным образом проявляла свою симпатию. Нет, ну правда. Меня не пугают геи и лесбиянки. И я не думаю, что каждая лесбиянка в школе хочет меня, но кто-то из них точно хочет, как и парни-натуралы. Но я так же знаю, что они не загонят меня в туалете в угол, пытаясь совратить и сделать такой же. Умоляю вас, Алона Дэа — лесбиянка? Это вряд ли. Слишком люблю мужское тело.

Джуни же ведет себя... странно. И что-то как пить дать случилось с той цыпочкой Лили. Они всегда говорят о ней тихо и благоговейно. Она умерла? Тогда почему Джуни сказала Киллиану что-то о том, чтобы навестить ее в больнице?

Все оставшееся утро я следила за ней, оставляя только когда к ней приближался Киллиан. Со мной он выглядел несчастным. Таким грустным. Избегать его было проще простого. Он же не мог позвать меня, так ведь?

К сожалению, больше Джуни ничего интересного не выдавала. Никаких спиритических сеансов в туалетной кабинке или кровавой жертвы в шкафчике. Джуни, как любой нормальный — насколько это для нее возможно — человек, ходила на занятия. Пока не настал последний урок.

Забросив рюкзак на плечо и вцепившись в ляжку, Джуни поспешила в класс химии. Моя невыносимая скука была разбита вдребезги небольшим, но странным изменением в ее поведении. За те бесконечные часы, что я наблюдала за ней, Джуни никуда не спешила, в особенности — на занятия. Всем своим видом она говорила, что ее абсолютно ничего не заботит. Что само по себе было полною чушью. Прежде всего потому, что она явно слишком заботилась о том, чтобы люди думали, что ее ничего не заботит. Но пофиг.

Я пошла за ней и с изумлением увидела, как она, сев за лабораторный стол, осторожно вытащила из рюкзака учебник по химии и тетрадь и положила их рядом... за целых две минуты до начала урока.

Мистер Герри одобрительно кивнул ей со своего стоящего впереди стула.

— Да что тут происходит? — пробормотала я.

В класс зашли остальные ученики, включая Дженнифер Майер в жутчайшей клетчатой мини-юбке. Меня аж передернуло. Клетка... это модно было в середине девяностых.

Прозвенел звонок, и в следующие тридцать три минуты я лицемерила совершенно другую Джуни Трэвис. Она поднимала руку чуть ли не на каждый вопрос, вызвалась раздать защитные очки и, не жалуясь, единственная из всего класса надела защитную перчатку — Мистер Герри решил, что пирсинг между ее большим и указательным пальцами может раскалиться под язычками огня горелки Бунзена.

Вы сейчас наверное думаете: «О, как мило. Великая Жрица Боли нашла что-то, в чем преуспевает и что социально приемлемо». Так вот смею заверить вас: в химии она... полный лох. Почти на все вопросы она отвечала неправильно и давала верный ответ лишь тогда, когда успевала найти его в учебнике, лихорадочно пролистав страницы. Еще она умудрилась уронить две мензурки — слава богу, пустые! — и чуть не расплавить свои собственные защитные очки, слишком близко наклонившись к горелке. Короче говоря, она просто-напросто ходячее бедствие. Но она старалась... чего я не понимала, пока не настали последние десять минут занятия.

Когда часы показали 14:15, и до конца урока и вообще занятий оставалось целых пятнадцать минут, Джуни перестала работать и начала убирать все со стола. К 14:20 она уже

была полностью готова отчалить, собрав вещи в рюкзак и молча таращась на мистера Герри.

Сокрушенно вздохнув над очередной попыткой Дженнифер Майер и Эшли Хикса правильно провести ежедневный эксперимент, мистер Герри поднял взгляд и увидел Джуни, напряженно выпрямившуюся и нервно качающую ногой. Он неохотно кивнул, и Джуни вскочила со стула, забросила рюкзак на плечо и практически выбежала из класса.

Ошеломленная ее внезапным уходом — в этот момент я развлекалась наблюдением за Джесом Макгаверном, который горелкой Бунзена подогревал и изгибал принесенную из кафе пластиковую соломку, составляя из нее нецензурные слова, — что мне пришлось за ней бежать.

Пригнув голову, Джуни пронеслась по коридору и ступеням и выскочила из школы. Интересно... Ей остается только надеяться на то, что Брюстер ее не видел. Он из тех, кто устраивает разнос за пропуск занятий, даже если пропущено всего десять последних минут.

Перейдя на легкий бег — ненавижу потеть, — я догнала Джуни у Круга и последовала до ее машины, Смертельного Жука. Кинув рюкзак на заднее сидение, она села за руль и завела машину. Я же все еще торчала у двери, пытаюсь пройти через металл.

Джуни дала задний ход.

— Осторожно! — Я рывком прошла сквозь дверь, стараясь не обращать внимания на охватившую тело ледяную дрожь. — Куда ты, что б тебя, так спешишь?!

Джуни со скоростью света выехала со стоянки, взметая шинами гравий и оставив после себя длинный шлейф дыма. Она повернула на Хэндерсон-стрит, затем налево, на Главную улицу. Еще парочку поворотов, и я поняла, что она направляется в город.

Декатур у нас не культурный центр, а рабочий. В нем расположены фабрики и заводы, которые соответственно дают рабочие места. А люди живут в маленьких городках около него, таких как Граундсборо, и ездят в Декатур на работу. В особенно ветреные дни до нас доносятся запахи обработки бобовых с фабрик «Стэйли» и «ЭйДиЭм». Пахнет так, словно варишь пюре быстрого приготовления. Я, бывало, дожидаться не могла, когда же свалю отсюда и от этого запаха. Но если бы запахло бобами сейчас, то я бы порадовалась. Я умерла, но при этом есть вещи, которые не изменились для меня.

В любом случае, Декатур предоставлял кинотеатр, молл и больницу. Вообще-то, большой кинотеатр и молл являлись частью Форсиса — еще одного невзрачного городка, примыкающего прямо к Декатуру, но это не имело значения, так как Джуни вряд ли ехала веселиться.

Моя догадка была подтверждена через двадцать минут, когда Смертельный Жук припарковался на стоянке больницы Святой Катерины. Джуни упоминала о том, что навещала в больнице Лили. Я выпрямилась на сидении. Наконец, что-то новенькое! Может быть, я получу ответы на кое-какие свои вопросы.

Джуни поставила рычаг коробки передач на нейтралку, подхватила с пола у моих ног рюкзак, выскочила из машины и побежала к больнице. Вздохнув, я последовала за ней. Не понимаю, чего так спешить? Если Лили в больнице, то куда она денется?

Джуни прошла через вращающиеся двери, и я скользнула в здание вслед за ней, предоставив ей раздвигать передо мной стеклянные и металлические двери. Она немедленно направилась к лифту и нажала на кнопку вызова. Пока мы ждали его — я, может, и поняла, как проходить через стены и твердые предметы, но до левитации еще не дошла, а по лестнице подниматься тоже было неохота, — я обратила внимание на то, как много медсестер ходит туда-сюда со своими сумками и вещами. Меняется смена?

Лифт наконец приехал, и Джуни нажала на кнопку пятого этажа. Короткое время спустя, в течение которого я напряженно думала о том, какой твердый в лифте пол, мы прибыли на место назначения — детский этаж. На стене напротив лифта красовались пушистые облака, радуги и ярко-желтые смайлики — точно такие можно увидеть на бамперных наклейках с надписью: «Дерьмо случается». Подозреваю, что каждый больной ребенок с этого этажа знает об этом.

Джуни вышла из лифта и сразу повернула налево, точно зная, куда идти. Дежурные медсестры даже не взглянули на нее, проверяя график работы и сдавая смену.

Джуни вошла в дверь, расположенную где-то посередине коридора. Секунду спустя она выглянула, глянула влево и вправо, осматривая коридор, прилепила снаружи то ли желтый стикер, то ли магнит и тихо закрыла дверь.

Интересно. Машинально бросив взгляд через плечо на занятых медсестер, я направилась к теперь уже закрытой двери. Приблизившись, увидела, что Джуни прилепила к металлическому косяку магнит с надписью: «Принимаю ванну, не беспокоить».

— Какого черта? — пробормотала я.

— Разве ты не знаешь, что это детский этаж?

Вздвогнув, я опустила взгляд и увидела светловолосую девчушку с косичками, сидящую в старомодном деревянном кресле-каталке.

Фыркнув, она покатила на коляске дальше по коридору и проехала сквозь стену. Ага, тоже мертвая. Может и хорошо, что Киллиан не пошел со мной. В больнице, должно быть, полно духов.

Подойдя вплотную к двери, за которой скрылась Джуни, я осторожно заглянула внутрь.

Палата была самая обычная: невыразимо скучные бежевые стены с такого же цвета полом, свисающие с потолка тошнотворно-зеленые занавески, которые можно задернуть, если хочется отделиться от других больных, и установленный высоко на стене телевизор — по нему шел мультфильм «Могучая мышь», только звук был выключен.

А вот девушка, лежащая в кровати, навела на мысль, что не все так обычно, как кажется. Это была девушка с фотографии Джуни, но я едва ее узнала — она стала лишь тенью того человека, кем была раньше. Она тускло и безжизненно смотрела прямо в стену, на три фута ниже экрана телевизора. Левую щеку от линии волос до самого подбородка пересекал неровный, красный и все еще вздутый шрам. Кроме капельницы и монитора, показывающего ее сердцебиение, никакие трубки к ней не присоединялись, а значит, она дышала сама.

Самое странное то, что увидев ее вживую, хоть и в таком плачевном состоянии, я наконец поняла, почему она кажется мне знакомой. Несколько месяцев назад она была одной из глупых девчонок-младшек Бена Роджерса, готовых ради него на все. Я видела ее с Беном пару-тройку раз до того, как они расстались... по крайней мере, я предположила, что они расстались.

Я решила, что она новенькая в нашей школе, что у нее нет друзей. Никогда не видела ее ни с Киллианом, ни с Джуни... по-моему. Они были из того слоя населения, который я до недавнего времени не удосуживалась замечать. Такие как они даже не голосуют за королеву бала.

Я попыталась вспомнить, когда видела эту девушку, Лили как ее там — вроде бы Тернер, в последний раз. На вечеринке в честь начала нового школьного года? Еще помню слышала об автомобильной аварии невдалеке, нас еще хотели обвинить в ней, но водитель не

был пьян, так что этого повесить на нас не смог. Но все это было в сентябре. Она в таком состоянии с того времени?

Что больше всего пугало, так это ее полное отсутствие присутствия. Нет, она двигалась — ее пальцы, лежащие поверх покрывала, дергались и подрагивали, но она была... пустой. Я никогда раньше не думала о жизни, как об энергии, во всяком случае, пока Киллиан не заговорил об этом, но теперь я поняла, что он имел в виду. Даже спящий человек, у которого закрыты веки и недвижимы глаза, кажется более живым, чем она. И мне видно это аж через всю палату.

Джуни, однако, или не замечала этого, или ей было все равно, и это опять же наводило на мысль, что с ней что-то не так. Она металась по комнате, расставляя на полу вокруг кровати с равными интервалами что-то похожее на серебристые хоккейные шайбы и все время говорила с Лили.

— Прости. Я пыталась привести Киллиана. Думала, с ним все получится, но он... — она замолчала, наверное вспоминая его реакцию на спиритическую доску. — Он не пришел. Прости, Лил.

Я хмыкнула. Ага, как же. Ну, то есть он, конечно, не пришел, но она даже не пыталась объяснить ему, что происходит и для чего ей нужно было, чтобы он пришел с ней в больницу. Кстати, говоря об этом, а зачем ей это нужно? Очевидно же, что он ей нужен был не просто в качестве поддержки и не для составь-девушке-в-коме-компанию визита.

— Но это неважно, — твердо продолжала она. — Я сделаю все правильно, чего бы мне это не стоило. — Ее блуждающий взгляд остановился на неподвижном теле на кровати. — Я верну тебя на твое место.

Она толкнула обувью в армейский ботинок ногой один из серебристых дисков к двери, где я стояла все еще наполовину тут — наполовину в коридоре. Я взглянула вниз и увидела, что это белая свеча в металлической подставке, такие в моем детстве папа ставил в вырезанную из тыквы мордочку.

Свечи, живой мертвец на кровати, жуткие заявления и намерения, плюс спиритическая доска. И все это вместе взятое говорит о том, что... о-о. Я ничего не знаю о колдовстве, черной магии, вуду или что это такое может быть (зуб даю, что и Джуни ничего об этом не знает, судя по результатам ее действий), но я достаточно видела повторов «Зачарованных», чтобы понимать — быть беде.

— Ну ладно. — Я полностью вошла в палату. — Эй, Джуни, остановись. Что бы ты там бредовое не задумала, прекращай это сейчас же.

Джуни, естественно, проигнорировала меня и полезла в рюкзак за зажигалкой и спиритической доской.

О, черт. Я сделала шаг вперед, нервозно прикусив ноготь на большом пальце. Что теперь? Я не могу выйти в коридор и позвать на помощь медсестер.

Медсестры. Помощь. Кнопка вызова! — осенило меня. Если мне хватило сил сконцентрироваться и разложить на полу папки с блокнотами, то уж с одной маленькой кнопочкой я точно справлюсь.

Я уверенно пересекла комнату, обойдя севшую на корточки чтобы зажечь свечи Джуни, но нерешительно остановилась у кровати. В такой близости от меня Лили смотрелась трагично и... жутко. Свет от телевизора отражался в ее пустых глазах, придавая им поверхностный и зловещий огонек жизни. Пульт от кровати с кнопкой вызова медсестер находился под рукой Лили, явно положенный туда кем-то, кто выдавал желаемое за

действительное.

— Не будь ребенком, — сказала я себе. Стараясь не думать о летающих вокруг микробах и бактериях — это все-таки больница, переполненная отвратительными больными людьми, — я наклонилась, намериваясь выбить пульт из-под руки Лили серией маленьких толчков. Моя рука должна была пройти через ее руку с ощущением ледяного покалывания и дрожью, но стоило мне коснуться ее кожи, как пальцы почувствовали исходящий от нее жар. Затем рука Лили начала плавиться под моим прикосновением, и мои пальцы погрузились в нее. Не прошли через нее, а погрузились внутрь. Моя более темная, загорелая кожа (я готовилась к балу), слилась с кожей Лили.

У меня перехватило дыхание. Я резко дернула руку назад и в ужасе увидела, что рука Лили поднялась вслед за моей. Одно бесконечно долгое мгновение мы были крепко связаны, а потом связь между нами ослабла и наши руки расцепились. Рука Лили упала на постель, прямо поверх пульта. Не нажав ни на одну из кнопок. Мне бы крупно повезло, если бы она задела кнопку вызова. И сама я не могу добраться до нее, если только не хочу снова коснуться Лили.

Нет-нет, ни за что! Я отступила от кровати, прижав руку к груди. Не знаю, что это сейчас было и знать не хочу.

Я пронеслась мимо Джуни, закончившей свои оккультные приготовления и усевшейся на полу со спиритической доской на коленях, проскочила сквозь дверь, не заметив даже ледяного покалывания, и побежала по коридору.

Я неслась к дежурным сестрам. Но что они могли сделать? Что вообще мог кто-либо сделать? Я была в таком ужасе, что боялась смотреть на свою руку, боялась увидеть бледную кожу Лили вместо своей.

Когда я поравнялась с постом медсестер, звякнул лифт и его двери раздвинулись. Я инстинктивно взглянула на приехавшего. Опустив голову и засунув руки в карманы, из лифта вышел Киллиан и направился в сторону палаты Лили.

— Уилл! — кинулась я к нему. Я чувствовала такое облегчение, что остатки злости на него смыло напрочь.

Он, вздрогнув, замер.

— Что ты...

— Там сейчас Джуни, и она что-то делает с этой дурацкой доской, — выпалила я.

Киллиан продолжил идти к палате Лили. Я шла рядом, пытаюсь объяснить:

— Я говорила тебе, что это она вызывает того жуткого призрака. Я пыталась остановить ее, но моя рука коснулась руки Лили и... — Меня затрясло. — Что-то не так. Не понимаю...

Воздух вокруг меня вдруг стал ледяным, и Киллиан застыл как вкопанный. Он смотрел на что-то впереди, и с его лица сходила вся краска.

Я медленно повернула голову, уже зная, что увижу. Жуткий призрак-тень вернулся. В этот раз он рос, колыхаясь по краям, заполняя собой коридор, закрывая свет из окон. Внутри его сумрачного тела что-то двигалось, как змеи под одеялом.

Он подобрался, подтянув колыхавшиеся края и повиснув готовой обрушиться на нас волной.

— Киллиан, — дрожащим голосом позвала я.

— Да? — слабо отозвался он.

— Беги! — оттолкнула я его.

С ревом, от которого должно было бы все здание зашататься, темный дух обрушился на

меня. Кожу будто вспороли ледяные металлические иглы. Я закричала. Затем наступила темнота.

Глава 14

Уилл

Я начинаю думать, что все силы вселенной объединились против меня. Я должен был бы сейчас сидеть в школе, что бы я, собственно и делал... если бы кто-то нечаянно не устроил пожар в кабинете химии, поджигая пластиковую соломку. Пожарная сигнализация сработала как раз в тот момент, когда закончилось последнее занятие. Осознав всю безнадежность попытки удержать отстраненных от общих занятий учеников на такой огромной площадке, как автомобильная стоянка, приглядывающая за нами мисс Бернадино отменила задержку после занятий, перенеся ее на следующую неделю. За четыре года учебы здесь и кучу выпавших на мою долю задержек я впервые услышал о подобной отмене.

Ощущая себя нежданно-негаданно везунчиком — а следовало бы почувствовать неладное, — я сел в свой Додж, который завелся с первой же попытки, и направился в больницу Святой Катерины. Я знал, что Джуни поехала туда.

Из головы не выходили слова Алоны. В последнее время Джуни действительно вела себя странно. Но она мой друг, единственный друг за долгие годы. Зачем ей так со мной шутить? Конечно, она и не подозревает о том, что происходит, если задействовать спиритическую доску рядом со мной. Тем не менее Алона права. Иначе почему Джуни выглядела виноватой? Почему убежала? Почему просто не рассмеялась или не озадачилась моей странной реакцией?

Боюсь, я уже знаю ответ на этот вопрос, но нужно в этом убедиться. Нужно поговорить с Джуни. Если она замешана в происходящем, то это все меняет, включая — вероятнее всего — истинную сущность того, что Алона прозвала Злобняком. Будь мой отец злобным и мрачным призраком, он мог бы, конечно, бросаться на меня, показывая свое неодобрение. Мог бы. Только он не нуждался бы при этом в Джуни или спиритической доске.

Я добрался до больницы в рекордно короткое время и припарковался на стоянке в первом ряду для посетителей. На свободном и от людей, и от призраков лифте доехал до пятого этажа. Затем на смену везучести пришло воздаяние.

Застыв на месте, я беспомощно наблюдал за тем, как призрак обрушился на Алону и прорвался сквозь нее. Зеленые глаза Алоны расширились от боли, и она исчезла.

— Нет! — яростно закричал я. Почему она не побежала? Она прекрасна знала, что это существо может сделать с ней, знала, что после исчезновения может вообще не вернуться.

Потому что она спасала меня. Осознание этого заставило меня вздрогнуть и покачнуться на месте. Алона видела, что Злобняк может сделать со мной, и пожертвовала собой... ради меня.

У меня сжалось горло, коридор расплылся перед глазами. Может быть этого бескорыстного поступка будет достаточно, чтобы она ушла к свету, хотя я и не видел его. В любом случае, ее жертва не будет напрасной. Я этого не допущу.

— Джуни, иди сюда! — хрипло закричал я через застрявший в горле ком.

За спиной раздались шаги медсестер, бегущих от своего поста ко мне.

— Сэр, здесь нельзя кричать. Это больница.

— Джуни, я сказал: выходи, — повторил я.

Черный туманный призрак завис в воздухе, наблюдая и ожидая, что я буду делать дальше.

— Джуни!..

— Сэр, придется вам пройти с нами. — В мои плечи и руки вцепились сильные женские руки. — Кто-нибудь, позовите охрану.

По всему коридору начали открываться двери. Из-за них выглядывали бледные печальные детские лица. Затем открылась дверь палаты Лили и вышла Джуни.

— Джун, заканчивай с этим. Ты не представляешь, что творишь.

Она покачала головой. Ее ярко-синие глаза с покрасневшими веками блестели.

— Я не могу, Уилл. Я просто... не могу.

Джуни отступила назад в палату и закрыла дверь.

— Сэр, вам придется пройти с нами. — Чужие руки потащили меня назад, но им не хватало сил. И не хватит.

Темный призрак накрыл меня собой, окутал смертельным холодом и вырвал из рук медсестер. Я противился, отбивался изо всех сил, но оно... он?... она?... с легкостью одолело меня и впечатало лицом в стену. Что-то на лице — возможно, нос или скула — треснуло, и кто-то закричал. Наверное я сам.

— Что тебе нужно? — выдавил я.

Ответом мне был глухой воющий звук — так ветер воеет в разбитое окно. Потом призрак отлепил меня от стены и потащил по коридору. Я пытался тормозить ногами, споткнулся и сильно приложился головой об оставленную в коридоре медицинскую тележку. И свет померк.

Очнулся я привязанным. Руки крепились к кровати застежками-липучками и матерчатыми ремнями. Плохой знак. Я еще глаза не открыл, как уже почувствовал больничный запах — пахло антисептиком. Значит, я не в тюрьме. Это плюс.

Все тело ныло, в голове пульсировала боль, которая лишь усилится, когда я все-таки осмелюсь приоткрыть веки и взглянуть на свет.

— Уилл, — раздался шепот справа от меня. — Открой глаза. Я знаю, что ты пришел в себя. Видела, как ты дергаешь эти мерзкие нарукавники. Как думаешь, они их стирают после каждого использования? Очень сомневаюсь. Получается, на тебе сейчас часть кожных клеток последнего повязанного потного извращенного лунатика. Больные такие противные. Фу.

Алона! Отвращение в ее голосе было столько же явно, как запах антисептика. Я приоткрыл веки и скосил на нее глаза. Когда они перестали слезиться и сфокусировались, я увидел, что Алона сидит в кресле рядом с моей кроватью, подтянув колени к груди, словно брезгуя коснуться больничного пола. Она выглядела бледной и уставшей. Левая сторона ее лица была в ссадинах. Либо у нее не хватало энергии представлять себя неуязвимой, либо она на самом деле ощущала себя побитой.

— Ты как? — спросил я, еле шевеля языком. Во рту пересохло.

Алона выпрямилась и, заметив, что я смотрю на нее, перекинула волосы за плечи.

— Нормально, — поспешно ответила она. — Это не я лежу тут связанной с расквашенным лицом.

Я машинально потянулся рукой к лицу, но в нее тут же впился ремень.

Алона пересела ко мне на кровать. Она ловко расстегнула ремни и липучки, освобождая мне руку.

— Мне придется потом снова ее завязать, а то в следующий раз при проверке они затянут ремни еще туже.

— Да, знаю. — Я осторожно провел пальцами по правой щеке. Она опухла и горела, будто ее медленно подогревали в микроволновке.

— Они сделали тебе рентген или томографию где-то час назад. У тебя трещина скулы. Я слышала, как они говорили об этом перед твоим пробуждением.

Я застонал. Что ж, это объясняет пульсирующую от подбородка до виска боль.

Алона подняла ноги на кровать и села поближе, касаясь меня теплыми бедром и спиной.

— Почему ты не убежал? Я же сказала тебе: беги.

— Я думал, Джунни послушает меня и остановится.

Алона закатила глаза.

— Очень умно.

— Хей, — запротестовал я.

— Я серьезно. Теперь ты застрял здесь. — Она покачала головой, и я почувствовал запах ее шампуня. — Они тут все уверены, что ты шизофреник и вдобавок эпилептик. Сейчас ты лежишь на этаже для обычных больных, но как только освободится койка на этаже с психами, они переведут тебя туда. И твой мозгоправ вернулся.

— Нет. — Я попытался сесть.

— Да. У него тут какие-то привилегии или что-то вроде того. Твоя мама старается избавиться от него.

— Моя мама здесь? — Я потянулся расстегнуть ремень на второй руке.

— Не надо. — Алона толкнула меня в плечо, заставляя лечь, и показала на приоткрытую дверь. — Они заходят сюда каждые пятнадцать минут. Не знаю, успею ли тебя привязать. Я, конечно, молодец, но могу и попасться. — Уголки ее губ приподнялись в слабой улыбке, такой, какой я никогда еще не видел у нее, и это меня напугало.

За все эти годы я видел разные улыбки Алоны. Те, от которых вся кровь отливает от головы и приливает в пах. Те, что не касаются ее ледяных глаз и показывают, что она чертовски зла, но не собирается выдавать своих эмоций. В последнее время ее излюбленной стала улыбка превосходства, словно она находит крайне забавным то, что ты — посредственность и ничтожество — пытаешься с ней заговорить. Но ни одна из этих улыбок не была похожа на ту, что только что скользнула по ее губам. Алона выглядела... подавленной.

— Что там произошло? — спросил я, не уверенный, что хочу услышать ответ.

Она пожала плечом.

— Джунни достала свечи и свою дурацкую спиритическую доску. И все говорила и говорила с этой девушкой в коме... Лили. — Алона заколебалась. — Кажется, она пытается ее вылечить.

Я нахмурился.

— Что значит — вылечить? Лили... — я замолчал и сделал глубокий вздох, после чего заставил себя произнести, — ее мозг мертв. С самого момента аварии. — Уход в поворот со скоростью в пятьдесят четыре мили в час, где ограничение скорости — тридцать миль. Одно дерево. Ремень безопасности не пристегнут. Лили, такая, какой мы ее знаем, никогда не вернется. Осознание этого было тяжело. Думал, мне станет легче, но нет.

Алона медленно покачала головой.

— Не думаю, что Джунни имела в виду операцию на мозг, Киллиан. Лили лишь пустая оболочка, ты знаешь об этом? Свет горит, но дома никого нет.

Я поморщился, но кивнул. Алона умела выражаться.

— Сначала мне было интересно, что же Джуни пытается сотворить со всеми этими свечами и спиритическими досками. — Алона снисходительно помахала рукой. — Я же понимала, что она приготовила какой-то жуткий ритуал. — Она замолчала, пристально взглянув на меня своими зелеными глазами, будто заставляя поверить в следующие слова: — Думаю, она пытается вызвать дух Лили.

Это... вполне возможно. Джуни сама не своя после несчастного случая, произошедшего с Лили. Она винит себя в нем, по-сумасшедшему веря в то, что если бы они с Лили не поссорились, то Лили дружила бы с нами, а не с элитой первого яруса, и была бы жива... не только телом.

— Однако мне не давала покоя мысль: а при чем здесь Киллиан? Джуни же пыталась вызвать дух Лили при помощи спиритической доски, но без тебя.

— У нее бы все равно ничего не получилось, — сказал я. — Ни со мной, ни без меня. Лили здесь больше нет. Она... ушла. Как я говорил тебе раньше, те, кто ушли, не возвращаются. До них нельзя дотянуться.

— Уверена, что Джуни об этом не знает, — заметила Алона.

— Наверное, нет, — согласился я.

Она глубоко вздохнула.

— Дальше еще веселее.

— Почему?

— Она не просто вызывала дух Лили, она пыталась вернуть его в тело Лили. — Алоне умолкла на пару секунд, сомневаясь, говорить дальше или нет. — И ей нужна твоя помощь.

— Нет, — тут же отреагировал я.

Алона раздраженно посмотрела на меня.

— А что еще могло означать: «верну тебя на твое место»? Говоря это, она смотрела прямо на тело Лили, и она абсолютно точно упомянула тебя.

— Нет, я имею в виду: это невозможно. Это дверь в одну сторону. Это как... — пробовал я объяснить, — если ты вышел, то вышел, войти обратно нельзя. Иначе бы у нас повсюду разгуливали ходячие мертвецы, когда бы такие как дед Брюстер и Лизель уставали болтаться в междумирье.

— Но Лили-то все еще жива. — Алону передернуло.

— Можно сказать, что нет. — Как бы мне не было больно об этом говорить, я заставил себя продолжить: — Ее сердце все еще бьется, но она не смогла бы владеть своим телом, даже если бы ее дух вернулся в него. Связь между ними оборвана.

Алона снова возвела глаза к потолку.

— И опять же, ты знаешь об этом. А Джуни?

Я несколько секунд шевелил губами, пытаюсь найти ответ.

— Но Джуни не знает, на что я способен. Как ей пришло в голову...

Алона подняла руки.

— Не знаю. Это не мое дело. Сам разбирайся с этим. Я просто говорю тебе, что видела и слышала.

Я покачал головой, разозлившись.

— Нет, она не такая дуреха, чтобы шутить с подобными вещами. — Даже если бы душу можно было вернуть в тело, что совершенно невозможно... насколько я знаю, много чего могло бы пойти наперекосяк. Что, если бы Джуни успешно удалось вернуть дух Лили в ее

тело, но при этом бы она обнаружила, что просто-напросто засунула дух в тюрьму из плоти и крови?

И вообще, с чего она решила, что откликнется именно тот дух, который ей нужен?

— Люди в отчаянии делают преглупые вещи, — сказала Алона. — Уж поверь мне.

— Джуни бы ни за что не захотела навредить Лили, — настаивал я. Во всяком случае тому, что от нее осталось. — Произошедшее с Лили чуть не убило ее саму. — Джуни провела большую часть сентября, заперевшись у себя в комнате и забросив школу, пока Брюстер не пригрозил ей исключением. После этого она вынуждена была ходить на занятия, но лишь через несколько месяцев стала хоть чуть-чуть напоминать себя прежнюю.

— Да уж понятно, — отозвалась Алона. Судя по ее тону, она на что-то намекала.

— И что это должно означать? — резко спросил я.

— Сам знаешь.

— Нет, не знаю, — процедил я.

Алона вздохнула.

— Лили была твоей девушкой или нет?

Я неловко поерзал.

— А при чем здесь это?

— Просто ответь на вопрос.

— Нет, не была. Мы были друзьями. Я приглядывал за ней. По крайней мере, пытался. — И явно в этом не преуспел.

Алона выгнула бровь.

— Я видела вашу фотографию.

— Откуда... — Я покачал головой. Не хочу знать. — Ладно, я вроде немного нравился ей, но это ни к чему не привело. Ей и Бен Роджерс нравился, причем очень сильно, — указал я. Что, скорее всего, и было причиной тому, почему наша дружба с Лили так и осталась дружбой. Мне нравилась Лили. Она была милой и забавной. Черт, да она делала Джуни счастливой, и это было самым настоящим чудом. Но она была одержима популярными ребятами и их жизненными перипетиями, чего я не понимал. Так что для меня не было большим шоком, когда после ссоры с Джуни она бросила нас, чтобы взобраться вверх по социальной лестнице.

— Не только Лили кто-то нравился, — сказала Алона.

— Ты о ком? О Джуни? — Я засмеялся. — В этом смысле я Джуни не нравлюсь.

— Не ты, — подчеркнула она.

— Что?

— Боже мой, ну нельзя же быть таким тормозом!

— Да о чем ты?

— Знаешь что? Забудь. Даже если я скажу тебе, ты мне не поверишь, только разозлишься, так что игра не стоит свеч. Вообще не понимаю, что я тут делаю. Ты не слушаешь того, что я тебе говорю...

— Ты ничего не говоришь!

— Ты не делаешь того, что я говорю тебе делать. Ты отмахиваешься от всех моих идей. Какой смысл иметь духа-проводника, если ты все время игнорируешь его?

— Поверь мне, тебя невозможно игнорировать. Я пытался. По мне, так можешь уйти в любую секунду.

Алона окаменела, ее лицо болезненно исказилось.

Я почувствовал себя скотиной.

— Прости. Я не это хотел сказать.

— Нет, именно это. С меня достаточно. — Алона скинула ноги с кровати. — У меня не так много времени, чтобы тратить его на тебя.

— Алона, подожди!

Не обращая на меня внимания, она опустила руки на матрас, чтобы встать. Я схватил ее за запястье... и моя рука прошла сквозь него.

Я ахнул.

Алона со вздохом бросила взгляд через плечо. На ее лице проявились новые ссадины.

— Похоже, твое желание исполняется.

Глава 15

Алона

Уилл, побледнев, смотрел на меня. На его белом лице особенно выделялись синяк под глазом и покрасневшая ушибленная щека.

— Что с тобой?

Я отвернулась от него и закрыла защипавшие от слез глаза.

— Помолчи, я пытаюсь сконцентрироваться.

С тех пор, как я очнулась в больничной палате, меня не покидало какое-то тянущее ощущение, будто часть меня осталась в том месте, которое я не могла вспомнить, и что-то оттуда изо всех сил старалась утащить меня вслед за ней. Я боролась с этим ощущением, но, похоже, проигрывала.

— Думай о чем-нибудь позитивном. — В голосе Уилла звучала паника. — О... распродажах косметики, бальных платьях, сексе на заднем сидении лимузина.

Я зыркнула на него через плечо.

— К какому балу, по-твоему, я готовилась?

Он нервно провел рукой по своим растрепанным черным волосам, взъерошив их еще больше. — Не знаю. Я просто пытаюсь помочь.

Я покачала головой.

— Спасибо, но это не помогает.

— Может быть, если ты будешь думать что-то хорошее о других людях...

— Киллиан, я тут торчу уже два часа, и то становлюсь прозрачной, то проявляюсь, независимо от того, как много думаю о щеночках, радугах и твоих на удивление больших бицепсах. — Ха, пусть поразмышляет о последнем моем заявлении.

Пауза.

— Моих чего?

— Забудь. Ты был прав. У каждого свой временной лимит, и мой, кажется, вышел. — Странно, на эта мысль принесла облегчение. Я устала бороться с тем... что бы это ни было. Я хотела, чтобы все это наконец закончилось.

— Нет. Не может быть. Ты же мой дух-проводник... или кто там, — настаивал Киллиан.

— Ага, тот, кого ты не слушал. — Я вытерла веки под глазами и развернулась на кровати к нему лицом.

Уилл попробовал занять полусидячее положение.

— Я был не прав. Но я не выкинул твои записи.

— Это неважно, Уилл. Я не могу остаться, — устало сказала я. К такому заключению я пришла, ожидая его пробуждения. — Мне осталось пробыть здесь лишь несколько часов или даже меньше, если пока я тут сижу, снова появится Злобняк, а мне нужно кое-что сделать.

— То, что ты откладывала, пока у тебя был выбор. — Плечи Уилла поникли, и он обмяк на кровати.

— Верно, — кивнула я. — Ты был прав в этом. И... — я помедлила, — ты был прав насчет моей мамы.

Он удивленно взглянул на меня.

— Алона, — мягко, но без жалости произнес он. Есть разница между тем и другим, и теперь я могла ее распознать.

Я махнула рукой, останавливая его. Глаза жгло от слез.

— Молчи. Не хочу сейчас об этом говорить. — Я глубоко вздохнула. — Просто хотела, чтобы ты знал — ты был прав. И... да, наверное, часть того, что я записала по просьбе Брюстера и остальных, совсем не то, что держит их здесь, но... — я наклонилась к нему, — есть люди, которым ты действительно можешь помочь. Прячься, ты никому не поможешь, включая себя самого. Ты должен это знать.

Он отвел взгляд.

— А как же ты? Ты мой дух-проводник. Ты должна оставаться здесь, пока я нуждаюсь в тебе.

— Я не нужна тебе, — улыбнулась я. — Если бы была нужна, то не исчезала бы, так ведь?

— Мы не знаем этого.

Голоса, доносившиеся из коридора, стали громче.

— Кто-то идет сюда. А мне пора. — Я сделала глубокий вдох и оттолкнулась от матраса, собираясь уйти. Уйти насовсем.

Уилл поймал мою руку до того, как я встала. Его рука обхватила мое запястье, а не прошла сквозь него. Он потянул меня к себе, и я не сопротивилась. Его светло-голубые глаза блестели от чувств, губы — теплые и мягкие — нежно скользнули по моим губам один раз, другой... и задержались. Я прижалась к его жаркому телу, уперевшись свободной рукой в подушку. Отпустив мое запястье, Уилл провел пальцами по моим волосам, наклонил голову и поцеловал, по-настоящему поцеловал, и я приникла к нему, пробуя на вкус его губы, отвечая на поцелуй.

Громкий звук чего-то упавшего на пол в коридоре заставил нас оторваться друг от друга.

— Может быть, тебе стоило сделать это раньше, — сказала я, восстанавливая дыхание и впервые за все эти дни ощущая невыразимо приятное тепло. — Когда я была живой.

Уилл улыбнулся, его щеки порозовели.

— Когда ты была живой, ты бы ударила меня за это.

— Да, верно. — Я соскользнула с кровати и обошла ее.

— Позволь мне пойти с тобой, — тихо попросил Уилл. — Я могу помочь.

Я покачала головой.

— И что потом? Я исчезну, а они обнаружат, что ты сбежал? Как думаешь, какие меры они предпримут в отношении тебя в следующий раз?

Он не ответил. Я насколько можно свободно привязала его свободную руку к кровати. Я была права, и он это знал.

Я улыбнулась Уиллу, видя его расплывчатым за застилавшими глаза слезами.

— Хочешь последний совет от проводника? Хотя ты все равно не послушаешься...

— Алона... — его голос надломился.

— Скажи своей маме правду. У твоего отца были причины держать это от нее в секрете, ладно, бог с ним, но чем все кончилось для него? Ничем хорошим. Ты ему ничего не должен, ты не обязан делать то, что делал он, только потому, что у вас одинаковый дар.

— А если она мне не поверит?

Я похлопала по ремню, охватывающему его запястье.

— Если не поверит, то хуже чем сейчас вряд ли уже будет, разве нет?

— Останься. Мы что-нибудь придумаем.

— Пожалуйста, не надо. Мне и так тяжело и страшно.

— Алона, пожалуйста, подожди! — Уилл забился в сдерживающих его ремнях.

Я распрямила плечи и улыбнулась ему своей самой широченной увидь-ее-через-все-футбольное-поле улыбкой.

— Не могу. Время на исходе. — Я коснулась его щеки, но отодвинулась прежде, чем он смог схватить меня рукой. — Я вернусь к тебе, если смогу. Если же нет... может быть увидимся когда-нибудь на той стороне.

Затем я прошла сквозь дверь, не давая ему возможности заставить меня передумать.

Глава 16

Уилл

В попытке освободиться я так сильно дергал руками, что кровать ходила ходуном, но лишь натер ремнями запястья. Ладно, Алона была права, говоря о последствиях, с которыми мне придется столкнуться, если я отсюда убегу, но неужели нужно было снова привязывать меня?

— Небольшие затруднения?

Маленькая девочка со светлыми косичками и в розовой полосатой пижаме, умершая в возрасте примерно десяти-одиннадцати лет, въехала в мою палату на кресле-каталке через приоткрытую дверь.

Я проигнорировал ее.

— Ой, да ладно, — сказала она. — Я знаю, что ты слышишь меня.

Она подкатилась ближе, но я отвернулся и уставился в потолок, сосредоточенно крутя запястьями в ремнях — правый, который Алона перестегивала, был гораздо свободнее левого.

— Я видела, как эта белокурая потаскушка и сквернословница покинула твою комнату. Так что я знаю, что ты можешь разговаривать с нами, — продолжала девочка.

Потаскушка? Я чуть не попался на ее крючок, но вовремя сдержался и не повернул к ней головы. Мы тут с Алоной кричали достаточно громко и долго, но если эта девочка и слышала крики, то не может быть стопроцентно уверена в том, что это были мы. «Мы». Забавно применять этот термин в отношении меня и ее Высочества Алоны Дэа. Но напощелуй... сколько бы я еще не прожил, никогда не забуду ее теплые и мягкие губы, отвечающие на движения моих губ, горячий шелк ее волос вокруг моих пальцев и вырвавшийся у нее короткий, еле слышимый стон удовольствия.

— Я должен выбраться отсюда, — пробормотал я.

Пока я лежу здесь сейчас, Алона может уходить в небытие.

— Я могу тебе помочь, — тут же вызвалась девочка. — Мне только нужно, чтобы ты выполнил мою просьбу. Я прошу о малости, правда.

Я подавил желание закатить глаза.

— Я знаю, ты сможешь сделать это. Слышала, как другие говорят о тебе. Если ты сможешь мне, — она пожала худенькими плечами, — может быть, я смогу помочь тебе.

В попытке избежать ее взгляда я уставился на свои джинсы, висящие на спинке кресла поверх другой моей одежды. Я собрал все листки с записями Алоны и положил в свой карман. В последние минуты седьмого урока, непосредственно перед тем, как зазвонила пожарная тревога, я даже написал часть письма деда Брюстера. Сначала я хотел тем самым показать Алоне, что слушаю ее (и что это на самом деле не изменит ситуацию деда), но начав, почувствовал, что делаю то, что должен. Возможно, она права. Пришло время перестать убегать. Но как? Как мне теперь кто-нибудь поверит?

— Ну, пожалуйста? — умоляла девочка, подкатив на коляске к моей постели.

В коридоре послышался голос мамы.

— ...было абсолютно недопустимо, и ты ожидаешь, что я тебе после всего этого буду доверять? — спросила она.

— Клянусь тебе, Джулия, что написание романа никак не повлияет на лечение твоего

сына.

Миллер. Алона была права.

— Не зови меня Джулией, — запретила мама. Я не слышал такого ее тона с тех пор, как умер отец.

— Хорошо, хорошо, — согласился Миллер, прикрывая досаду фальшиво-успокаивающим голосом. Этот урод даже скрыть свои эмоции не может.

— Мы должны выяснить, что с ним случилось. Запирать его — не решение вопроса, — твердо сказала мама.

— Не думай об этом в таком ключе, Джулия. С правильными лекарствами и интенсивной терапией... — Миллер ненадолго умолк, а потом продолжил: — Ты сможешь навещать его по воскресеньям.

О черт, только не это. Я дернулся в ремнях, сдирая с запястий кожу.

— Ну как знаешь. По-моему, ты не очень-то хочешь выбраться отсюда. — Призрачная девочка покатила на кресле назад.

— Выбраться отсюда не проблема, — устало ответил я. — Проблема в том, как не загреметь сюда снова. И она не... потаскушка.

— Ха, я так и знала! — завизжала девочка от восторга.

Я поднял бровь.

— Что ты можешь слышать меня, — объяснила она.

— Милый, с кем ты разговариваешь? — вошла в палату мама.

Я колебался. На кончике языка вертелся миллион не раз сказанных лживых ответов. «Это было радио». «Я говорил сам с собой». «Я пел». «Повторял свою роль для пьесы» «Цитировал любимые фразы из „Охотников за привидениями“». Ложь на лжи и ложью погоняет. Я мог бы выдать ей любую из них, но слова не шли.

— Я не знаю, — произнес я, наконец, и посмотрел на девочку. — Как тебя зовут?

Глаза Миллера от радости чуть не вылезли из орбит. Мама же просто казалась какой-то... смирившейся и немного испуганной.

— Дорогой, это я, — сказала она. — Доктор Миллер тоже пришел тебя навестить.

Я не обращал на них внимания, не сводя взгляда с девочки.

Та пожала плечами.

— Сам роешь себе могилу. Меня зовут Сара. Сара Мари Холлингсфорд.

Я кивнул.

— Приятно познакомиться, Сара Мари Холлингсфорд.

— Нет, — выдохнула мама.

Подошел Миллер.

— У него очередной приступ. Уилл...

— Держись подальше от меня, — сказал я ему. — Мама, я в порядке. И всегда был в порядке. Я действительно могу видеть и говорить... — следующие слова никак нельзя было смягчить: — с мертвыми.

Она покачала головой.

— Ты опять об этом, Уильям. — Ее голос надломился.

— Да, опять и снова. Я просто бросил попытки убедить тебя в том, что говорю правду, потому что казалось — легче позволить тебе верить тому, во что ты хочешь. Так делал папа и так он велел делать мне.

Мама побледнела.

— Твой отец знал?

— Он был тем, кем являюсь я. Думаю, бабушка тоже была такой. — Я никогда не видел ее, потому что она умерла до моего рождения и не застряла в междумирье. Но в те редкие моменты, когда мне удавалось разговорить папу на эту тему, он упоминал, что получил свой «дар» от мамы.

На лице мамы промелькнуло странное выражение.

— Бриджит?

— Что? — спросил я, стараясь казаться не слишком нетерпеливым.

Она покачала головой, словно пытаясь разубедить себя в чем-то, но слов не смогла удержать: — Однажды она сказала мне, что моя бабушка оставила ожерелье мне, а не Шарлотте. Я понятия не имела, о чем она говорит. Она видела мою бабушку только раз, на моей свадьбе. Однако, выходя замуж несколько лет спустя, Шарлотта надела любимый жемчуг нашей бабушки.

Неудивительно. Судя по историям, что я слышал, мама и тетя Шарлотта, жившая в Калифорнии, росли злейшими соперницами.

— Не говори мне, что начинаешь в это верить. — Миллер вздохнул. — Джулия, твой муж покончил с собой из-за глубокой депрессии и повторяющих шизофренических приступов. Шизофрения передается по наследству.

— Как и этот... дар, или проклятие, — рявкнул я в ответ и обратил все свое внимание на маму. — Папа убил себя, потому что прятался от всего этого.

Она сделала шаг назад. Мы никогда не говорили о том, что случилось с отцом. Мама будто боялась, что если заговорить об этом вслух, то все повторится.

— Нужно постоянно следить за тем, как себя ведешь, не обращать внимания на десятки и десятки голосов вокруг... Думаю, он просто не вынес этого. А с меня хватит прятаться. — Жесткость, с которой я это заявил, поразила даже меня самого, но мои слова были искренними.

— С меня достаточно. Мы обсудим это завтра, когда будут готовы твои анализы. — Миллер направился к двери.

— Вам нужны доказательства? — спросил я.

Он остановился и обернулся с натянутой улыбкой.

— Я так предполагаю, моя двоюродная бабушка Милдред ждет не дождется, как передать мне сообщение?

Милдред? — Хм, нет, сейчас тут только я и Сара. В отличие от фильмов и шоу, я могу говорить только с тем, кто рядом со мной, а у Сары нет сообщений ни для одного из вас. — Я перевел взгляд на Сару, ожидая подтверждения, и она кивнула. — Но мне интересно, не будет ли она против немного поиграть?

Она пожала плечами.

— Почему нет?

— Хорошо. Доктор Миллер, — я указал на него подбородком — я мог бы попросить их снять с меня ремни, но не хотел наводить их на мысль, что это лишь уловка для того, чтобы сбежать, — сейчас выйдет в коридор, закроет дверь и напишет на рецептурном бланке какое-нибудь слово. Единственное правило: вы должны написать его четко и понятно и держать так, чтобы его было видно.

— Это смешно, — пробормотал Миллер, однако вышел в коридор и закрыл за собой дверь. В уме он, наверное, уже писал об этом новую главу своей книги.

Сара двинулась следом за ним. Через секунду, она произнесла:

— Он держит его слишком высоко.

— Пишите пониже, — громко сказал я Миллеру. — Сара сидит в кресле-каталке.

Мама тихо ахнула.

— Эм... я не знаю этого слова, — неуверенно произнесла Сара.

Черт. Я совсем не подумал об этом. Наверное, нужно было писать числа.

— Ты можешь сказать его по буквам?

— А-Н-А-Б-О-Л-И-К.

— Анаболик, — крикнул я.

Ответа не последовало.

— Что он делает? — спросил я Сару.

— Вроде разозлился. Подожди, он пишет еще одно слово.

— Мама, — прошептал я. — Ты веришь мне? Для меня только это имеет значение.

Она молча убрала прядь волос с усталого лица, и только тогда я понял, что она все еще в рабочей униформе. Должно быть, ее вызвали прямо с работы. Номер лежал в моем бумажнике. — Уильям, больше всего на свете я хочу, чтобы с тобой все было в порядке, но...

— Хм, ру-ди-мен-тар-ный? — прочитала по слогам Сара.

Я нахмурился.

— Скажи его по буквам.

Она послушно повторила слово по буквам.

— Рудиментарный, — выкрикнул я. Спасибо богу за раздел с медицинскими словарями.

— Он пишет еще одно слово и... Я ни за что не скажу такое вслух!

Я засмеялся.

Мама впиалась в меня взглядом.

Я покачал головой.

— Он написал какое-то ругательство. Скажешь его по буквам, Сара?

— Нет!

— Пожалуйста.

— Первые четыре буквы — «херн...», — надувшись, сказала она.

— Думаю, наш славный доктор подвергает сомнению мою правоту. Это не херня, доктор Миллер. Точно вам говорю.

— Теперь он просто строчит кучу букв. — Сара начала их перечислять.

Я повторил их за ней. Дверь с грохотом распахнулась, и появился Миллер с бланками в руке, глядящий на меня безумные глаза. Сара вкатилась вслед за ним.

— Как ты это делаешь? У тебя в коридоре шпионы, — обвинил он меня.

— Вы правы, — ответил я. — Ее зовут Сара, и она умерла в... — я посмотрел на нее.

— 1942 году, — подсказала она.

— В 1942, — закончил я.

Губы Миллера двигались, но не издавали ни звука.

Мама сорвала с блока верхний рецептурный бланк, взглянула на него и побледнела. Ее губы сжались.

Я затаил дыхание.

— Добивайся известности с помощью других людей, а с нас достаточно. — Она перевела хмурый взгляд на меня. — Уильям, оставайся тут, я пойду тебя выписывать. Но не думай, что на этом все закончилось, молодой человек. Тебе придется многое мне объяснить.

Никогда не был так рад тому, что мама сердится на меня.

— Хорошо.

Она развернулась на каблуках и зашагала по коридору.

— Но Джулия... — поспешил за ней Миллер.

— Спасибо, — поблагодарил я Сару. — Чем я могу тебе помочь?

— Когда я попала в больницу, мой брат дал мне свой орден Святого Михаила. Он все еще лежит в моей папке. С меня сняли его, чтобы сделать рентген. Я хочу, чтобы орден вернули ему.

— Думаю, что смогу это сделать. — Попасть в архив будет сложновато, но я должен ей помочь. — Мне нужно кое-что сделать сначала, а потом я вернусь.

Она склонила голову на бок и скользнула по мне оценивающим взглядом.

— Ты пойдешь за блондинкой.

Я кивнул.

Она покачала головой.

— Удачи тебе. Судя по ее виду, с ней нелегко.

И только после того, как Сара укатила в коридор, я понял, что все оставили меня связанным. Черт, я мог бы уже одеться. Кто знает, сколько времени осталось Алоне.

— Сара? — позвал я. — Мама? Эй!

К счастью, дверь в мою комнату снова открылась.

— О, как хорошо, — сказал я. — Я думал, ты уже успела далеко...

Моему мозгу потребовались несколько секунд, чтобы осознать то, что я увидел — кто-то, не моя мама, вошел в палату задом, вкатывая за собой кресло-каталку. Занятое, современное кресло, чей пассажир сидел, наклонившись под странным, неестественным углом.

— Уилл! — воскликнула Джуни каким-то визгливым полубезумным голосом. Она развернула кресло, чтобы встать ко мне лицом и в меня вперились пустые и безжизненные глаза Лили. На ее коленях лежала спиритическая доска. — Мы так рады, что ты пришел в себя.

Глава 17

Алона

Мне потребовалось сорок пять минут, двенадцать автомобилей и один эвакуатор, чтобы добраться домой, используя замысловатую систему перескакивания из одного транспортного средства в другое. Я ехала в машине, пока она не сворачивала с нужного мне маршрута, после чего выпрыгивала из нее или ждала, когда она встанет на светофоре, чтобы пересест в другой автомобиль, следующий в сторону моего дома.

Должно быть, у духов для путешествий есть способ получше, но у меня не осталось времени на то, чтобы это выяснить. Странное тянущее чувство, ощущаемое мной в палате Киллиана, становилось все сильнее и сильнее.

Последние три квартала до дома я прошла пешком. Взрослые парковались у своих домов, возвращаясь с работы, дети доигрывали в салки перед ужином. Приближалось лето, мое любимое время года. По утрам можно поздно вставать и все равно успеть улизнуть из дома до маминого пробуждения, можно целыми днями заниматься чем хочешь и ходить куда хочешь, и можно чуть ли не каждый день ночевать у Мисти и при этом никто заподозрит, что больше всего на свете мне не хочется возвращаться домой.

Я смотрю теперь на свой дом другими глазами. Я почти не помню первые двенадцать-тринадцать лет, проведенные здесь в относительном счастье, потому что сейчас уже кажется, будто все они лишь вели по нарастающей к последним нескольким годам сплошного страдания.

Вот тут на дорожке мама на коленях умоляла отца не уезжать. Тут он проехал по аккуратно выложенным и ухоженным клумбам, чуть не перевернув купальню для птиц, чтобы не сбить маму, но его это не остановило. То окно на втором этаже, рядом с ванной, заколочено потому, что, выйдя из душа, мама «поскользнулась» на мокрой плитке и, падая, разбила стекло и порезала себе руку. Когда я нашла ее там, душевая была совершенно сухой, в отличие от мамы, залитой больше алкоголем, чем кровью, а последней на полу было предостаточно. А гаражная дверь... о ней даже говорить не хочу. Неужели так трудно посмотреть, открыта ли она, прежде чем давать в машине задний ход?

Я шла к дому, ощущая привычную напряженность, от которой сводило скулы и деревенели плечи. Мама никогда не была меня, как бы пьяна не была. О нет, Шерил Дэа на это не способна. Вместо этого она психологически и эмоционально душила меня. Как же, Шерил — жертва изменника мужа. Сама она ни в чем не виновата.

Но самое печальное и жалкое в этом всем то, что мама ведет себя так для отца. Будто, если она покажет ему, как без него потерялась и несчастна, он к ней вернется. Где в этом логика? Я бы сделала вид, что не нуждаюсь в нем и никогда не нуждалась. Хотя, наверное, мне даже не пришлось бы делать такой вид. Я бы никогда и никому не позволила так вывернуть себя наизнанку, как мама позволила отцу.

Проблема моей мамы в том, что она была наделена лишь одной красотой. Я не такая, совсем не такая. Помимо ее внешности я еще взяла и папины мозги. Отец по желанию может быть хладнокровным и расчетливым сукиным сыном. Единственное, что он делал, когда до него доходили слухи о маминых заморочках и выходках (некоторые из наших соседей дружили с ним и его новой женой) — звонил мне.

Всем интересно, что я делала в день своей смерти. Что заставило меня, не глядя, бежать

через дорогу? Из-за чего в ежегодном альбоме выпускников вместо цветной фотографии ведущей школьной чирлидерши будет черно-белое фото с памятной записью?

Боже, как бы мне хотелось, чтобы на это была какая-нибудь классная причина. Ну хотя бы интересная. Правда же в том, что это был мой совершенно обычный день.

Я собиралась захлопнуть дверцу своего ящика в спортивной раздевалке, когда зазвонил мобильный. Если бы папа позвонил хотя бы на пару секунд позже, или если бы я не обратила внимания на звонок, моя жизнь бы существенно изменилась. Отец договорился встретиться с мамой перед работой в 7:30 утра у Эйклеберга и Фейнстейна, чтобы обсудить изменения в мамином содержании, моих алиментах и то, как будет оплачиваться мое обучение в университете. На самом деле папа уже решил, что я буду учиться недалеко от дома, кто-то же должен присматривать за мамой. Поэтому он и купил мне в подарок на окончание школы Фольксваген Эос.

В общем, было 7 утра, и отец хотел знать, не могу ли я позвонить маме и убедиться в том, что она встала и едет на встречу.

Я могла бы объяснить ему, что я уже в школе. Папа не вдавался в подробности моей школьной жизни и, вероятно, не знал моего расписания, в особенности то, что я ходила перед занятиями на урок физкультуры. Но я не стала ему ничего говорить. Я знала, что сам он не будет ни звонить домой, ни поедет туда, так же как знала и то, что мама, скорее всего, сидит дома и ожидает именно того, чтобы он или приехал, или позвонил ей. Но если бы она не пошла на эту встречу, Джиджи — новая жена отца — еще больше стала бы давить на то, чтобы он ограничил нас в деньгах. Она хочет ему родить, а он ответил, что не потянет других детей.

Это должно было быть просто, я делала это уже десяток раз — выдумать уважительную причину, по которой можно слинять из школы или с чирлидерской тренировки, или с вечеринки, поехать домой, прибрать весь тот бардак, что устроила мама в надежде привлечь папино внимание и отправить ее в постель, или в больницу, или куда-то еще, в зависимости от ее состояния. А потом снова вернуться к нормальной жизни и притвориться, что у меня все в полном порядке.

Но в тот день, восхитительный прохладный первый майский день, что-то внутри меня щелкнуло, и я сорвалась.

Она все разрушала.

«Я ненавижу ее», — вот что я думала, ступая на Хэндерсон-стрит. Если в виде автобуса меня настигла карма, то кто-то мог бы решить, что я получила то, что заслужила за свои мысли. В конце концов, если разумно смотреть на вещи, отец был не меньше мамы виноват во всем происходящем. Это он изменил и бросил ее, он использовал меня в качестве щита. Но она должна была собраться с силами, взять себя в руки и хоть отдаленно напоминать моего родителя, а не гигантскую черную эмоциональную дыру. Она же отказывалась это делать.

Стоя возле своего дома — нет, ее дома с того утра понедельника, я вновь чувствовала сосущее чувство возмущения и обиды. Я умерла, но мама продолжает контролировать мою жизнь, удерживая меня здесь в заложниках своим «незавершенным делом», как любит называть это Киллиан.

Я подавила раздражение, вздернула подбородок и поднялась на крыльцо. Я прощу ее за то, что она такая какая есть: небезупречный, со своими недостатками человек. Я же смогу это сделать, да? Глядя вниз на свои мерцающие, то пропадающие, то появляющиеся ноги, я

подумала о том, что выбора у меня нет.

Нужно просто войти, сказать, что мне жаль, простить ее и уйти. Если я поспешу, то, может быть, успею вернуться к Киллиану. Я переживала за него, связанного в больнице без надежды на чью-либо помощь. К тому же, если я уходила, действительно уходила навсегда, то не хотела оставаться в одиночестве. Уилл поцеловал меня. Может быть, он подождет вместе со мной, когда меня заберут. Я переступила порог, входя в коридор... и остановилась. Что-то изменилось в доме.

Я повернулась кругом, заглянула в гостиную, в кухню, расположенную дальше по коридору, в пустую и пыльную комнату, когда-то бывшую кабинетом отца. Через пару секунд я поняла, что изменилось. Все жалюзи были подняты, шторы — раздвинуты. Проливающиеся в открытые окна огненные лучи заходящего солнца ложились на полированный паркет длинными прямоугольниками. В последние годы мама не только мне не позволяла поднимать жалюзи и раздвигать шторы, но и сама никогда этого не делала. Каждый день ее мучило похмелье, которое она лечила лекарствами. Поддержание дома в сумеречном состоянии было для нее необходимой мерой предосторожности. Временами мне казалось, что я живу с насквозь пропитанным водкой вампиром.

Но сейчас... я снова медленно развернулась кругом. Меня начали обуревать сомнения. Такое ощущение, будто я ошиблась домом.

Затем из кухни послышалось звяканье бутылок, и я расслабилась.

— Я знаю, что это тяжело, но ты правильно поступаешь, — донесся из кухни успокаивающий женский голос.

Не голос мамы. Я, нахмурившись, прошла в кухню.

За столом, спиной к двери, сидела мама, напротив нее — незнакомая мне темнокожая женщина. У нее была очень короткая стрижка, подчеркивающая линию скул и красивые чеканные серебряные серьги — слишком большие на мой вкус, но ей они шли. Кожа у нее была великолепная, хотя тонкие морщинки под глазами и намекали на то, что она старше, чем выглядит, возможно даже мамина ровесница.

Женщина протянула руку через стол и сжала ладонь мамы. Между двумя чашками на столе лежали скомканные салфетки. Стакана, с которым мама не расставалась, видно не было. Что бы это значило?

Я прошла вглубь кухни и почувствовала резкий запах алкоголя. Пустые бутылки из-под водки, наверное те, с которыми я вчера проводила определенные манипуляции, стояли выстроенные в ряд на полке, как маленькие исправные солдатики. В раковине горлышками вниз был свален экстренный запас мамы — бутылки с джином и ромом. Их содержание с бульканьем стекало в слив, смешиваясь в однородное пойло. Шкафчик под раковиной, где мама прятала свои бутылки, был открыт, и в нем стояли лишь моющие средства.

У меня закралось ужасное подозрение, и я развернулась к маме лицом. Без макияжа, скрывающего темные круги под глазами, она выглядела лет на двадцать старше своего возраста. Когда она подняла чашку с кофе, ее рука дрожала так сильно, что все еще горячая жидкость плескалась через край. Ни она, ни ее посетительница не замечали этого, или не обращали на это внимания.

Мама прочистила горло.

— Хочу поблагодарить тебя за то, что ты пришла. Я не была уверена, что смогу... — Она слабо махнула рукой в сторону раковины.

Женщина улыбнулась, обнажив ярко-белые зубы с маленькой щелью между двумя

передними.

— Для этого мы и нужны, Шери. Чтобы помогать.

Никакого стакана с алкоголем в руке, пустые бутылки в раковине...

— Черт возьми, — выдохнула я. — Я умерла, и теперь ты бросаешь пить?

Меня обожгла жгучая ярость. Было такое чувство, что из-за кипящего в легких гнева, я не могу дышать.

— Теперь ты решила вести себя как взрослый человек?

Мама покачала головой.

— Это я виновата, Анжела. В... несчастном случае, — голос изменил ей, и она схватила мятую салфетку.

— Да, черт тебя побери, ты права! — закричала я.

— Почему? — спросила Анжела. — Ты вела тот автобус? Ты толкнула дочь на дорогу?

— Нет, но...

— Все равно что толкнула. — Я резко отвернулась от них и провела рукой по выстроенным на полке бутылкам, намереваясь смахнуть их все на пол. Упала лишь одна... и даже не разбилась. Мама с Анжелой взглянули на ряд из бутылок, но ни одна не встревожилась и не испугалась.

Блин. Я снова протянула руку и увидела, что она исчезла до локтя. Не мерцает, не стала прозрачной... просто исчезла. Нет, нет, нет.

Я ринулась к матери.

— Что с тобой такое? — гневно закричала я. От ярости меня начала бить дрожь. — Я пришла сюда простить тебя. И что вижу? Ты решила, что профукала достаточно времени, профукала МОЮ ЖИЗНЬ, а теперь пришло время взять себя в руки? Да пошла ты!

После гневной вспышки мое исчезновение ускорилося. Я чувствовала, как негативная энергия, о которой говорил Киллиан, собирается внутри, распирает меня и рвется наружу. За секунду исчезли мои руки и ноги, и я ощущала ледяную черту, отделяющую ту часть тела, что еще «здесь», от той, что уже «там».

— Я чувствую себя так, словно она ненавидит меня, — прошептала мама.

— Так и есть! — заорала я перед тем, как исчез мой рот.

— Нет, — покачала головой Анжела. — Я уверена, где бы она ни была, она знает, что ты любила ее и прощает за твои ошибки.

— Заткнись, Анжела, ты меня совсем не знаешь, — сказала бы я, если бы могла. Комната перед глазами стала нечеткой, размытой. За мамой и Анжелой я вообще уже ничего не видела, а теперь и они стали размываться по краям. Значит, это конец. Я не успею вернуться к Киллиану. Глаза обожгли слезы.

Мама грустно улыбнулась.

— Ты не знаешь Алону. — Улыбка сошла с ее лица. — Самое ужасное, что если она и простила меня, то я этого не заслуживаю.

То, что еще оставалось от меня — застыло.

— Шери... — начала Анжела.

— Нет, послушай. Тем утром, утром понедельника, я должна была встретиться с Рассом у юриста в офисе. Но я тянула время, специально не вставала, не одевалась, потому что думала: Расс приедет за мной. Я просто хотела поговорить... — у нее вырвались рыдания. — Я и подумать не могла, что он позвонит и сорвет ее из школы.

— Ты попросила у нее прощения? — тихо спросила Анжела.

Мама покачала головой.

— Слишком поздно. Она...

— Никогда не поздно.

Мама помолчала. Взглянула на свои руки, сжимающие салфетку.

— Алона, детка моя... — Ее горло сжималось, но не выходило ни звука. Она с трудом сглотнула и сделала глубокий вдох. — Мне так жаль, так жаль. Я не знала, что все может так обернуться. Я просто хотела, чтобы все стало как прежде и... подвела тебя. Нас было двое, а теперь даже это невозможно. Я никогда не смогу тебя вернуть. — Ее скользкий по кухне взгляд на секунду остановился на мне. У нас с ней глаза одинакового зеленого оттенка. Я словно смотрела в искаженное зеркало и видела, какой буду через двадцать лет... под гнетом горя и вины.

Мне хотелось биться и кричать, но в этот момент дикое напряжение, сковывающее меня, отпустило, и злость схлынула, как тяжкий груз, который не хотелось держать. Сквозь застилающий глаза туман я видела, как Анжела наклонилась к маме и крепко обняла ее одной рукой.

— Все будет хорошо, — сказала она.

По моей коже разлилось удивительное тепло. Может Анжела и права. Мне казалось, что я плыву в потрясающе теплой воде потрясающе солнечным днем. Что-то это... Я нахмурилась. Что-то это напоминало. Как будто я уже испытывала подобное или слышала о подобном...

Я медленно подняла глаза, наслаждаясь невероятно приятным ощущением покоя, и увидела окружающее меня золотистое свечение. Мои расплавившиеся от счастья мозги сложили два плюс два. Вот оно. Наконец-то! За мной пришел свет, и именно так, как это описал Уилл. Уилл!

— Постойте, — выдавила я, сосредоточившись. — Подождите, я не могу оставить его. Ему нужна...

Свет стал ярче, поглощая все вокруг, включая и мои мысли, и превращая все в большое, белое, светящееся, счастливое небытие.

Глава 18

Уилл

— Джуни, что ты творишь? — спросил я, преодолевая дрожь в голосе.

— Мне понадобилось время, чтобы все понять. — Она толкнула кресло-каталку с Лили вглубь палаты и захлопнула дверь. — Я всегда знала, что ты не такой как все. Просто думала, что у тебя обычный психоз, как у твоего отца. — У нее был пугающе веселый голос. — Но потом, помнишь тот день, когда нас пустили к Лили? Твоя мама ушла, а ты заснул на стуле. Я достала спиритическую доску, хотела попробовать поговорить с Лили с помощью нее, попросить, чтобы она очнулась. — Джуни сузила глаза. — Но вместо этого случилось кое-что другое.

Злобняк. Тогда он появился в первый раз.

— Я вызвала ее, и она пришла, так ведь? — спросила Джуни. — Ты видел ее.

В голове прозвонил тревожный звоночек. Может быть, Алона все-таки была права насчет нее. — Джун, — мягко начал я, — я рад, что ты пришла навестить меня, но мама пытается меня вытащить отсюда...

— Ну, нет, — помотала она головой. — Я тебя не отпущу. Пока что. — Она обошла каталку Лили, схватила стул и, протащив его через палату, подставила спинку под дверную ручку, заклинивая дверь. — Так-то лучше.

Джуни повернулась ко мне с жуткой улыбкой.

— Ты же можешь видеть их, да? Призраков, духов — неважно. Поэтому ты всегда слушаешь музыку и ходишь с опущенной головой — чтобы не слышать их и не реагировать на них.

Дело плохо. Я попытался отвлечь ее:

— Джуни, зачем ты привезла сюда Лили? Разве ей можно находиться вне палаты? — Выглядела она вроде ничего, дышала сама, без респиратора, но я не знал, сколько ей можно обходиться без капельницы. Мне тяжело было видеть ее такой — с безжизненными глазами и вялыми мышцами лица. Она была пуста.

Джуни лишь отмахнулась.

— С телом у нее порядок. Они оставили ее совсем одну дожидаться томографии.

Это объясняет, как Джуни привезла Лили сюда, но не зачем.

— Я пыталась идти легким путем, — с упреком сказала Джуни. Она подвезла кресло Лили ко мне. Ее глаза блестели, а щеки пылали, как будто у нее поднялась температура. — Я пыталась привести тебя в больницу. И вчера, в кафе, я знаю, что она была с тобой.

— Нет, — покачал я головой. — Не была.

Джуни нахмурилась.

— Никто не заходит на территорию первого яруса, притворяясь, что нужно позвонить, Уилл.

— Это была не она, — настойчиво повторил я. — Ее здесь нет.

Но Джуни словно не слышала меня.

— Я сказала ей поговорить с тобой, попросить о помощи. Нам просто нужно, чтобы ты немного помог, Уилл. Вот и все.

— Чего ты хочешь? — Удерживаемый ремнями я не мог дотянуться до кнопки вызова медсестры и кричать мне тоже не хотелось. Кто его знает, что там обо мне Миллер

понаписал для врачей.

— Ничего сложного. Чтобы ты помог мне вернуть душу Лили обратно в тело.

Я уставился на нее. На смену привычной мне Джуни пришла Джуни из «Сумеречной зоны»? — Ты спятила? Я не могу...

Она яростно затрясла головой.

— Не говори, что не можешь этого сделать. Не лги! — Ее лицо побагровело. — Ты и так мне постоянно лгал.

Сколько времени занимает выписка пациента? Мама же вернется с минуты на минуту? Она обнаружит, что дверь заклинило, и позовет кого-нибудь на помощь. Самое разумное и безопасное сейчас — делать вид, что все нормально.

— О чем ты?

Джуни резко засмеялась, запрокинув голову.

— Как будто сам не знаешь.

— Ну, вообще-то... — я пожал плечами, во всяком случае попытался это сделать с привязанными руками.

— Ладно. Хочешь, чтобы я произнесла это вслух? Хорошо. — Она кивнула и продолжала кивать, будто что-то случилось с ее шейным позвонком. — Я нашла Лили и первая стала ее подругой.

— Да, я это знаю, — медленно сказал я.

— Но она предпочла тебя, — бросила Джуни.

Я озадаченно пытался понять ее образ мыслей.

— Между мной и Лили ничего не было. Ты это знаешь. Мы были просто друзьями, все трое.

— Нет, — покачала она головой. — Не просто друзьями, не все. — Она посмотрела на меня многозначительным взглядом.

И в моей голове вдруг все встало на свои места. То, как оживлялась Джуни в присутствии Лили. Как она переживала и злилась после их ссоры. Как подавлена она была после несчастного случая, хотя они уже месяцы не общались. Так вот на что намекала Алона. На то, что Джуни влюблена в Лили.

— Ох, Джун. Я не знал. Я не знал, что вы с Лили были... — я неловко умолк. Иногда из-за своего дара, или проклятия, называйте это как хотите, я практически жил в другом мире, пытаюсь не видеть, не слышать, не чувствовать определенные вещи. Похоже, в этом мире я тоже много чего проглядел.

— Мы не были, — устало ответила Джуни.

— Тогда я не понимаю. — Может быть дело во мне и в повторяющихся сотрясениях мозга, но до меня все еще не доходило, что она пытается донести.

Джуни обошла каталку и, прислонившись к кровати, устремила взгляд на Лили. Я еле сдержался, чтобы не подтянуть ноги — подальше от нее. Она меня слегка пугала.

— Я однажды поцеловала ее, — проговорила Джуни. — Ты знал?

Очевидно же, что нет.

— Тем летом. — При воспоминании об этом она улыбнулась. — До нашей ссоры.

«Из-за парней», — как сказала мне тогда Джуни. Я закрыл глаза, ругаясь на свою тупость. Ну да, они и поссорились из-за парней. Из-за того, что Лили нравились они, а Джуни — нет.

— Что тогда произошло? — спросил я, уже догадываясь об этом и сам.

— Лили быстро прервала поцелуй. Я думала, она убежит, но нет, она взглянула на меня и сказала: «Я так и подозревала». Потом взяла меня за руку и призналась, что я ей очень нравлюсь, но не в том смысле. — По щекам Джуни потекли слезы, оставляя темные от туши следы. — Это, наверное, самый милый способ, каким только можно было сказать «нет», но я... — ее голос дрогнул.

— Ты запаниковала.

Джуни кивнула.

В этом я ее понимаю. Когда так долго скрываешь что-то ото всех, то секрет становится неотъемлемой частью тебя самого. Ты сживаешься с ним, и мысль о том, чтобы раскрыть его, кажется чуть ли не опасной для жизни.

— Я... я сказала ей ужасные вещи. Обвинила в том, что она дразнила меня, внушала надежду и вводила в заблуждение, чего на самом деле не было. Я сказала ей держаться от нас с тобой подальше или... я расскажу всем, что она поцеловала меня, что она принудила меня целоваться с ней.

Для Лили, жаждущей попасть в круг элиты, мечтающей общаться с ребятами первого яруса, угроза Джуни была существенна.

Джуни смотрела на меня, глазами умоляя о понимании.

— Я перепугалась. Дома и так невыносимая обстановка, если бы еще в школе узнали о таком и пошли слухи, то, сам понимаешь, все это дошло бы и до отца.

Отец Джуни ненавидел то, как она выглядит: ее выкрашенные волосы, разорванную одежду, пирсинг. Боюсь даже представить, что бы он сделал, узнай, что скрывается за этим внешним видом. Он из тех пасторов, для кого ближе Ветхий Завет.

— Я виновата в несчастном случае, — сказала Джуни. — Если бы я не оттолкнула Лили...

— Нет, Джун, послушай, она позвонила мне в тот вечер.

— Да?

— Она не оставила сообщения, но она звонила. Я был в наушниках и не слышал звонка. Лили все еще считала нас своими друзьями, и когда ей нужна была помощь, позвонила мне. Я не говорил тебе этого, потому что знал — ты винишь себя в вашей ссоре и решишь, что она не посмела позвонить тебе. Я не хотел, чтобы ты считала себя ответственной за это. Ты ни в чем не виновата. Она позвонила мне. Она... — я умолк, когда Джуни начала смеяться жутким, хриплым, полным муки смехом.

— Посмотри на себя, такого искреннего и невинного. — Она горько усмехнулась. — Лили и мне звонила, Уилл. Дважды. И я с ней говорила.

Я глядел на нее, не веря своим ушам. Привычный мир вокруг меня покачнулся и начал рушиться.

— Что?

— Бен Роджерс попользовался ей и выкинул, как обычно, а ее принцесски-подружки не хотели больше иметь с ней ничего общего. — На лице Джуни отразилось отвращение. — Поэтому она позвонила мне и я... я сказала, что она получила то, что заслужила. — Ее голос пресекся, плечи затряслись от безмолвных рыданий.

Потрясенный, я не веря покачал головой.

— А когда она позвонила во второй раз? — выдавил я.

— Я сбросила звонок.

— Джуни, — выдохнул я.

— Она так рыдала, что, наверное, не видела, куда едет, и потеряла управление, — упавшим голосом сказала она.

О боже.

Джуни опустилась на колени перед Лили.

— Теперь ты понимаешь, почему мы должны это сделать? Я должна вернуть ее. Должна изменить произошедшее, вернуть все, как было.

— Джуни. — Ремни врезались в запястья, когда я попытался сесть. — Ничего не получится. Она ушла. Навсегда. И ее не вернуть.

Джуни вздохнула.

— Я подозревала, что ты так скажешь. — Она потянулась к лежащей на коленях Лили спиритической доске. Стоило ее пальцам коснуться дощечки, как в углу палаты ожила и замерцала тень. Злобняк. Черт. Никогда не видел, чтобы призраки так быстро отзывались. Это... странно.

— Я знаю, что ты лжешь, — произнесла Джуни лишенным эмоций голосом. — Я видела, что случается с тобой, когда я зову ее с той стороны. Она злится на меня за сказанные мной слова и на тебя за то, что ты помогаешь мне.

— Она не злится. Это не она. Это... — По правде говоря, я не знал, что это. В такой близости от него, с Джуни передо мной, я видел тонкую струйку дыма, ведущую от Джуни к растущему монстру — что-то вроде поводка или... энергетического канала.

Я застыл. Энергия — это просто энергия, пока она не находит меня. Так я сказал Алоне. Если Джуни в своих усиленных попытках связаться с Лили излучала огромное количество негативной энергии — всю ту скорбь, стыд, чувство вины, сочившееся из каждой ее поры, — то почему бы этой энергии в моем присутствии не материализоваться вот в такое? Открыть дверь — или позвонить по телефону, как я объяснял это все Алоне — можно ведь с обеих сторон. Просто обычно энергия из мира мертвых использовала меня, чтобы обрести форму, но в таком случае подобное может проделать и интенсивная энергия, проходящая через спиритическую доску из мира живых. Тогда понятно, почему Злобняк лишен каких либо эмоций кроме злости и почему никогда до этого я с подобными призраками не сталкивался. Это вообще не призрак.

— Я вызову ее, — сказала Джуни. — А ты поможешь мне вернуть ее в тело.

Каким образом, интересно, я могу это сделать? Если бы мы даже могли дотянуться до Лили, что совершенно невозможно, вернуть в тело душу — не то же самое, что запихнуть громоздкую подушку в наволочку. Должна быть связь между телом и душой. Но я благоразумно промолчал.

— Хорошо, я помогу тебе. Но мне нужны свободные руки. — Чтобы побыстрее отсюда слинять.

Джуни склонила голову на бок и смерила меня пронизывающим взглядом.

— Нет. Не надейся.

— Ты хочешь, чтобы я помог тебе? Мне нужны свободные руки.

Она нахмурилась, и Злобняк увеличился в размере и потянулся ко мне из угла дымными завитками.

— Нет, ты лишь попытаешься сбежать.

Да что ты! А кто бы в своем уме не попытался этого сделать?

— Ничего подобного. Я хочу помочь тебе.

— Я тебе не верю, — с яростью сказала Джуни. Ее пальцы, лежащие на дощечке,

побелели от того, с какой силой она на нее надавила, и Злобняк двинулся по воздуху вперед.

Я вздрогнул и отвернулся.

Джуни судорожно вздохнула и оглядела палату.

— Она уже здесь?

— Это не она, Джуни. Пожалуйста, верь мне. Освободи мне руки. — Если Злобняк обрушится на меня и я не смогу убежать...

На двери вдруг задергалась ручка.

— Уилл? — позвала мама. — Что там у тебя происходит?

Джуни без слов, взглядом предупреждала, чтобы я молчал, и я закричал:

— Мама, беги за помощью!

После этого все случилось как-то разом и быстро.

Злобняк бросился вперед, на мгновение навис надо мной жуткой волной, а потом обрушился вниз. Я закричал, и он хлынул мне в рот, заполняя горло и перекрывая проход воздуха к легким.

— Уильям! — неистово колотила в дверь мама.

Я задыхался, ледяная сущность Злобняка пронизывала каждую клеточку моего тела. Для того, чтобы отбиться, требовалась энергия, а у меня ее не было, и все вокруг словно происходило в замедленной съемке, за исключением того, что умирал я достаточно быстро.

Внезапно в самом центре Злобняка появилась яркая вспышка света и, рванувшись вперед, разодрала его на части. Невыносимое давление на грудь и горло ослабло, и я начал хватать ртом воздух, давясь, кашляя и разбрызгивая слюни.

— Ни на секунду тебя оставить нельзя, да? — спросил знакомый голос.

Глаза слезились, и, проморгавшись, я увидел стоящую рядом с кроватью Алону. Она выглядела... потрясающе. Невероятно красивая и какая-то настоящая. Словно раньше я видел лишь тень ее самой. Ее волосы блестели ярче обычного, глаза сияли. Она была видением, таким прекрасным, что я засомневался, не умер ли.

— Я умер? — прохрипел я.

Она фыркнула.

— Едва ли. Не в этот раз.

В этот момент Джуни, кажется, заметила, что я перестал задыхаться и биться на кровати.

Злобняк начал собирать свои разодранные дымные сгустки воедино.

— Ох, да боже ж ты мой! — Алона протянула руку над подлокотником каталки Лили и принялась толкать дощечку на ее коленях. Я не видел, какие буквы она выбирала, но Джуни в своем ненормальном, шизанутом состоянии называла их вслух.

— П-Р-Е-К-Р-А-Т-И. Н-Е-П-Р-О-С-Т-И-Т-Е-Л-Ь-Н-О.

И как последний аккорд, Алона опустила свою руку в руку Лили и, сдвинув ее, коснулась лежащей на доске ладони Джуни. У меня перехватило дыхание. Алона что-то говорила мне об этом раньше, но я и представить себе не мог...

Переведя взгляд с руки Лили на ее каменное пустое лицо, Джуни расплакалась.

Алона с трудом вынула свою руку из руки Лили, выглядя такой же растерянной, каким я себя ощущал. А потом улыбнулась мне.

— Говорила же, что нужна тебе.

— Да, — мой голос дрогнул. — Это означает, что ты вернулась навсегда? Мне бы не помешало руководство духа-проводника.

Она, нахмурившись, прикусила губу.

— Я не знаю. Я даже не понимаю, как я... — Ее глаза расширились и свечение, такое яркое, что мне пришлось прищуриться, окутало все ее тело. Она протянула ко мне руку.

— Алона! — Обволакивающий ее свет стал невыносимо ярким, а затем со слышимым хлопком исчез, забрав Алону с собой.

Ворвавшиеся в палату через несколько минут вахтер с охранником застали Джуни, рыдающую на полу и держащую за руку Лили, и меня, все еще привязанного к кровати, с застилающими глаза слезами. Я не плакал, нет. Просто глаза резал свет. Или что-то в них попало. Да, наверное дело в этом.

Эпилог

Уилл

С тех пор, как я в последний раз видел Алоу Дэа, прошло двадцать шесть дней. За это время мама окончательно избавилась от доктора Миллера, и ни один из нас не спешил его кем-то заменить. Я работал с записями Алоу и держал призраков... духов... на расстоянии, помогая им насколько мог. Я послал брату Сары орден с поддельным письмом из больницы, в котором объяснил, что тот был найден при обычной реорганизации на складе. И я горжусь тем, что деда Брюстера на самом деле забрал золотистый свет вскоре после того, как я отправил анонимные письма его сыну и внуку.

Помимо этого я сдал выпускные экзамены и, по настоянию мамы, запоздало разослал документы на поступление в несколько университетов. Мама достаточно быстро пришла в себя после моего признания о том, что я вижу мертвых, и как истинный родитель заявила, что раз мне больше нечего скрывать, то не нужно и город покидать, а следовательно, я могу учиться в университете, как с самого начала и планировалось. И в чем-то она была права.

Тридцатого мая мы вдвоем с мамой отпраздновали мое восемнадцатилетие. Она начала привыкать к мысли о том, что я вижу мертвых, но тем сложнее ей было принять то, что совершил отец вместо того, чтобы сказать ей правду. Но она работала над собой.

У Джуни все более-менее нормально. Пытаясь объяснить устроенный в больнице беспорядок, не впутывая в это меня, она неумышленно разоблачила себя, проявив при этом эмоциональную нестабильность. А может быть она сделала это умышленно. Я видел, что она почувствовала облегчение, и понимал ее как никто другой. Когда ее выписали из больницы после разных психологических тестов, консультаций и заключений, родители отказались принять ее в своем доме. В итоге ей пришлось жить в групповом доме для трудных подростков. Она не расстраивается. Я навещаю ее раз в две недели. Ее психотерапевт Джоан Стаффорд регулярно звонит ей, и Джуни говорит, что их разговоры ей помогают. Джуни пропустила в школе слишком много уроков, чтобы выпуститься с нашим классом, но ей выдадут диплом после летних занятий. Как только ей в августе исполнится восемнадцать, она переедет в Нью-Йорк к своей сестре Элис, у которой, как оказалось, были свои причины на то, чтобы уехать учиться в Уэллсли.

Выпускной день, 1 июня, выдался ясным и каким-то удушливо жарким для начала лета. Сцену установили посреди футбольного поля, вынудив меня впервые за все четыре года добровольно ступить на его территорию. Когда директор Брюстер назвал имя Алоу и ее мама поднялась взять диплом от ее имени, я, не удержавшись, огляделся. Никаких признаков присутствия Алоу, даже когда Брюстер показал эскиз мемориальной доски с ее именем, которую прикрепят к новой скамье в Круге. Это был наш подарок школе, предложенный анонимно от вашего покорного слуги и приобретенный за счет пожертвований, неустанно собираемых Мисти Эванс. Алоу хотела, чтобы ее запомнили в привычном образе, и теперь так оно и будет.

Я ждал, неловко ерзая на пластиковом стуле и потев под мантией и парадной рубашкой, которую заставила надеть меня мама.

— Уильям Джеймс Киллиан. — Назвал мое имя директор Брюстер. У него было такое кислое лицо, будто он наелся лимонов, опустошив целый фруктовый сад. Как же мне это нравилось!

Я встал со стула, прошел по проходу и поднялся по ступенькам. Стоящие за сценой Лизель, Эрик, Джей, и другие призраки шумно радовались и хлопали в ладоши, когда я пожал руку сначала инспектору по учебному округу, а потом Брюстеру. Он протянул мне диплом, вцепившись в мою ладонь мертвой хваткой.

— Не знаю, как тебе это удалось, но знаю, что с тобой что-то не ладно, парень.

— Да, сэр, — весело согласился я. — Но я обыграл вас, и это все, что имеет для меня значение. Я выдернул свою руку из его хватки, прямо перед ним перекинул кисточку на академической шапочке справа налево — просто чтобы немного подразнить — и вернулся на свое место, чувствуя невероятное облегчение.

— Рада видеть, что ты выучил урок, как правильно играть с другими, — раздался у уха ироничный голос Алоны. На меня повеяло ее легким цветочным ароматом.

Я вздрогнул и начал поворачиваться.

— Нет, нет, не оборачивайся, — поспешно сказала она. — Ты уже одной ногой вне школы. Не устраивай сцен, говоря с кем-то, кого здесь нет.

— Где ты была? — прошептал я, притворяясь, что просматриваю свою программку.

— Ты видел свет. Ты знаешь, где я была.

— Но все это время... — пробормотал я.

— Мне нужно было кое о чем позаботиться.

— О чем?

— Увидишь. — Ее голос был полон веселья. — Просто смотри. Сейчас начнется самое интересное.

— Ты вернулась навсегда?

Она раздраженно фыркнула.

— Смотри же. Потом будешь вопросы задавать.

Я и смотрел, не зная, чего ожидать. Директор Брюстер назвал имя Бена Роджерса, и мои руки сжались в кулаки. Последние три недели этот засранец расхаживал вокруг, ухмыляясь, а я ничего не мог сделать — только не до окончания школы. Но через двадцать минут церемония вручения дипломов подойдет к концу, и тогда уж я оттянусь по полной...

Первые смешки, пробежавшие по толпе выпускников, когда Бен прошел по боковому проходу, дали мне понять, что что-то уже происходит. Потом смешки перешли во взрыв смеха, хохот и свист. И только когда Бен поравнялся с моим рядом, я наконец-то увидел, что так всех развеселило. К его мантии сзади, в районе лопаток, крепился листок, на котором огромными печатными буквами было написано: «У МЕНЯ КРОШЕЧНЫЙ ЧЛЕН. ХОТИШЬ ПОСМОТРЕТЬ?»

— Потрясающе, — засмеялся я.

Сбитый с толку Бен, приняв излишнее внимания как должное, поднимаясь на сцену, триумфально вскинул в воздух кулак.

Да уж.

Алона позади меня фыркнула, подавляя смех.

— Что за осел.

— Не могу не согласиться.

Сидящая рядом со мной Джиллиан бросила на меня странный взгляд и отодвинула подальше свой стул. Плевать.

— Встретимся после церемонии, — сказал Алона.

— Где? — спросил я, и Джиллиан снова стрельнула на меня подозрительным взглядом.

— Ты знаешь где.

К тому времени как я решился рискнуть и посмотреть назад, она уже исчезла. После церемонии вручения дипломов, я пробился к сидящей на трибуне маме.

— Я горжусь тобой, — сказала она.

— Спасибо.

— Твой отец... Я уверена, что он тоже гордится тобой, даже если не может сказать тебе этого сам.

Некоторое время назад я признался ей, что подозревал в Злобняке папу, и она рассержено цокнула языком, мягко поругав за подобные мысли. Мол, как я мог подумать, что он преследует меня. Она, конечно, права. Но, так или иначе, папа ушел, и, я надеюсь, счастлив сейчас, как никогда не был при жизни.

— Спасибо, ма. — Я обнял ее. — Мне нужно пойти кое-что проверить. Встретимся у машины?

Она кивнула, и Сэм, шеф мамы в закусочной и единственный человек, которого я пригласил на выпускной, взял ее за руку, чтобы помочь спуститься с трибуны. Не думаю, что ей нужна была его помощь, но подозреваю, что ей это нравится. И Сэму тоже. Это здорово. Он хороший парень.

Я оставил их вдвоем и направился к главному входу в школу. На пути я встретил Бена Роджерса, державшего открепленную со спины записку. — Но это не так, — оправдывался он перед всеми. Но ему, кажется, никто не верил.

Я приблизился к Кругу и увидел Алону. Она сидела на своей скамейке, вытянув и подставив солнцу длинные ножки.

— А что случилось с «будь хорошей»? — спросил я, подходя к ней.

Она искоса глянула на меня.

— Ты о Бене?

Я фыркнул.

— Да, я «о Бене».

Алона пожала плечами.

— Не моя идея. Это придумала Лиэн, а я услышала, зайдя к Мисти.

— К Мисти? — переспросил я.

Алона на секунду отвела от меня взгляд.

— Она была моей лучшей подругой и хранила мои секреты. Не позволю Крису это разрушить.

— О. — Раньше она пела другую песню об их отношениях, но, возможно, переход в золотистом свете туда и обратно изменил это... и ее.

Алона пожала плечами.

— К тому же, Крис пускает слюни при поцелуях. Фу.

Это вызвало у меня смех. Нет, Алона не изменилась.

— А еще, побывав в гостях у Мисти, я узнала кое-что интересное. Оказывается, Лиэн и Бен встречались в девятом классе, и она так и не простила ему того, что он бросил ее. Вот почему они по сей день не разговаривают друг с другом.

— Она ждала четыре года, чтобы отомстить ему?

Алона усмехнулась.

— Никогда не зли девушку, которая сидит позади тебя на выпускном, особенно если это Лиэн Вайтэкер. Эта девчонка может затаить обиду как никто другой.

Мы немного посидели в молчании.

— Она и за Лили отомстила, — сказал я.

— Она отомстила за них за всех, — поправила меня Алона. — Ну и за Лили тоже.

— Так, — решил я, — ты вернулась.

— Ага.

— Это немного необычно.

— Хмм.

Я подавил раздражение.

— Ты хочешь, чтобы я еще раз спросил, да?

Алона состроила невинное лицо.

— Спросил что?

— Ты остаешься... или просто мимо проходила? — спросил я, стиснув зубы.

— А что? Это имеет значение для тебя?

На ум пришла сотня саркастичных ответов, но Алона ведь именно этого и ждала от меня. Поэтому я сказал правду:

— Да.

Ее глаза расширились, щеки слегка порозовели.

Я улыбнулся. Я только что смутил Алону Дэа, ту самую Алону Дэа?

— Кто-то же должен уберегать тебя от неприятностей. И лучше, чтобы это был кто-то, кто знает, в какое дерьмо ты все время влипаешь. И... — она провела пальцем по выемке в древесине на скамейке, — есть небольшая проблемка — мне нужно научиться считаться с другими.

— Я никуда не влипал, если это только не касалось... — Я умолк, осознав ее последние слова. — Ха! Тебя отправили назад, потому что ты не умеешь нормально общаться с другими, — воскликнул я. — Говорил же, что нужно быть хорошей.

— Да-да-да, — закатила глаза Алона. — Но в том, что ты никудышный победитель, тоже ничего хорошего нет, — добавила она, пересев поближе ко мне.

Мы некоторое время посидели в уютной тишине.

— Спасибо за мою скамейку, — почти застенчиво поблагодарила Алона.

— Как ты узнала, что это моя идея?

— Смеешься? Как только Мисти заговорила об этом, я сразу же поняла, что это придумал ты. Кому бы еще пришла в голову такая цитата?

На готовой мемориальной доске под именем Алони и датой ее жизни и смерти будет написано: «Красота есть правда, правда — красота, земным одно лишь это надо знать» [\[3\]](#).

Я пожал плечами, чувствуя необъяснимую радость.

Алона придвинулась ко мне.

— В общем... спасибо. — Она наклонилась и неожиданно поцеловала меня. Ее губы были теплыми и сладкими, а когда она для равновесия положила ладонь мне на грудь, каждая клеточка моего тела откликнулась на ее прикосновение.

Алона первая разорвала поцелуй, отстранившись и коснувшись подушечками пальцев уголков рта, словно для того, чтобы убедиться, что не размазала блеск для губ. Ничего сексуальнее этого я еще не видел.

Я прочистил горло.

— Если это за скамью, то что же я получу за столовый гарнитур?

Алона засмеялась и отодвинулась от меня.

— Мечтать не вредно, Киллиан. — Она подобрала под себя ноги и посмотрела на меня взглядом, который как я уже понял, означал у нее: «а теперь давай о серьезном». — Значит, университет. Нужно подумать о том, как оформить комнату в общежитии. Я против пластиковых ящиков для вещей и заплесневелых одеял.

Я застонал.

— По-моему, подобное немного выходит за пределы обязанностей духа-проводника.

— Мне, знаешь ли, придется оставаться рядом с тобой, — обиженно глянула на меня Алона.

Я поразмышлял над ее словами и возможными приятными и не очень последствиями нашего совместного проживания.

— Что ж... все это обещает быть очень интересным, — признал я тихо.

— А иначе нет смысла жить, — усмехнулась она.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Благодарности

Хочу выразить благодарность своему замечательному агенту Лауре Брэдфорд за то, что приняла мою работу, моему потрясающему редактору Кристиану Триммеру, без которого книга никогда бы не была такой, какой вышла в итоге, и всему издательству «Гиперион». Эду и Дебби Браун и Стейси Гринбергу за помощь, которую получала от них, когда нуждалась в ней больше всего. Мою семью — особенно родителей, Стива и Джуди Барнс — за поддержку. Моего мужа Грега — за понимание. И мою сестру Сьюзан, которая вдохновила меня написать эту историю.

notes

«There is no spoon» — «Никакой ложки нет» — знаменитая фраза из фильма «Матрица».

Направление, которое указывает часовая стрелка на циферблате.

«Красота есть правда, правда — красота, земным одно лишь это надо знать». Джон Китс «Ода к греческой вазе». Перевод В. Комаровского.